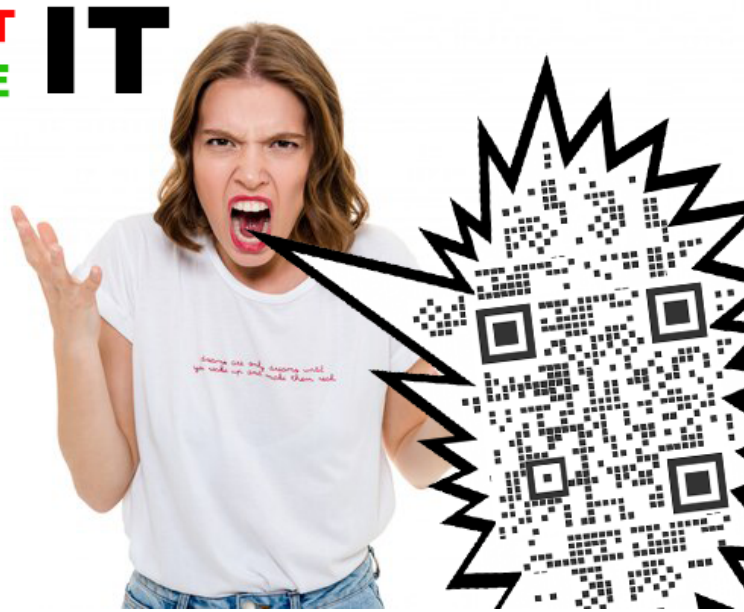
Астральное тело - 1

Владислав Соло

SHOUT
SHARE
IT



Annotation

Всеслав Соло

- Астральное тело -1
- ○

Астральное тело -1
Скоморох или Начало Магии
Как стать магом, книга 1

Магическая Эпопея

Мира и Добра Вам!

В первом романе Магической Эпопеи «Астральное тело» действует астральная шайка. Множество уникальных сцен. Главный герой, Сергей Истина, осваивает Высшую Магию посредством своих учителей, собственного опыта, умеет покидать свое земное тело.

Книга рассчитана на широкий круг читателей и профессионалов экстрасенсорики, тонкой энергетики.

В Объеме Высшей Магии

Каждый человек после смерти покидает свое физическое тело, но не каждый сможет осознать себя после своей кончины и в какой-то мере не умереть, не раствориться в просторах тонкого, астрального мира, ибо подавляющее большинство сущностей сотканы из содержаний, из присвоения, принятия извне: чувств, эмоций, ощущений, идей, мыслительных троп и др.

И все это, как и земное тело, как и те предметы, что окружали его, человека, придется оставить, и в таком полубезумном состоянии только личного, своего неповторимого сущность неминуемо снова рождается, потому что не ведает осознания себя, она приходит в новом воплощении на Землю.

Умереть, зная, что такое смерть, умереть осознанно, имея опыт смерти при жизни — это первое прикосновение к бессмертию и в большинстве случаев — не возвращение более на Землю, на физический план в новой инкарнации, а устремленность в обладании знаниями к Божественному Началу, ко все большей развертке своего Космического Сознания, к овладению, к осознанию такового.

«Астральное тело» — это целая эпопея романов, основанная на Первичном Вселенском Знании Священной Книги Тота.

Через романную форму, художественную форму здесь дается теория и практические упражнения по Высшей Магии, образ жизни астральщика, путь.

Каждый читатель, если внимателен и устремлен — может научиться летать, стать летающим человеком Новейшей Эры — Эры Космического Сознания, посвятить себя Шамбале — Стране Богов.

Эпопея «Астральное тело» — Начало Растворения планеты Земля, двупланового существования человечества: астрального и ментального.

Заключительные романы эпопеи предусматриваются как учебники по Космическому Сознанию, как учебники по отрабатываемой мною сегодня науке о Свете.

В «Астральном теле» в первом романе «Скоморох, или Начало Магии» — предлагается читателю проследить структуру детектива, и поэтические прикосновения, и мистическую поступь, и магическую реализацию любви, и философские состояния, привкус фантастики и в то же самое время реальное строение энергетики тонкого мира в движении и проявлениях.

Я много выступал, как в больших, так и в камерных аудиториях, и большинство моих материалов уже сейчас имеют подтверждение подлинности со стороны моих многочисленных слушателей.

Всеслав Соло. г. Москва

Скоморох или Начало Магии (роман первый)

Часть первая. НАЧАЛОСЬ

Мертвец

Я вскочил с дивана полусонный, внезапно потяжелел всем телом и ощутил высоту пятого этажа. Казалось, что моя крохотная комната и весь крупнопанельный дом сейчас вот-вот растворятся в июльской ночи и я упаду на землю. Несколько секунд я стоял и пошатывался на месте. Потом сделал два стремительных шага к распахнутому окну и оторопел.

На уровне живота в меня в одно мгновение вонзилась ослепительная лента молнии. Обдало прохладой…

Через минуту облепившее меня светоносное облако отплыло в сторону и рассеялось.

Прямо от моего подоконника, улетая в ночную глубину, начиналась прозрачная радуга. Она напоминала тонкую, довольно широкую и разноцветную полосу из хрусталя, на ощупь жесткую, но покрытую невидимой воздушной мягкостью, и была холодна, как снег. Моя ладонь озябла, пальцы покрылись инеем, и я отдернул руку. Вдруг мои глаза как бы совершенно самостоятельно от тела медленно поплыли в нескольких сантиметрах над радугой в сторону кладбища. Радуга вдалеке зависла низко над ним.

Невероятными усилиями я заставил себя оглянуться и увидел позади себя, в черном квадрате окна, силуэт человека, замершего,

как манекен. В этом манекене я узнал очертания своей фигуры.

Ощущая какую-то устремленность своего необычного состояния, я равнодушно отвернулся от удаляющегося манекена в окне. Я уже рассматривал совсем низко под собой металлические кресты, ограды, черные деревья, кустарник… Так я постепенно узнавал кладбище, залитое дымным светом полнолуния. Но одновременно с этим я видел начало радуги у подоконника, чувствовал, что стою у себя в комнате у окна. Эта двойственность, объемность моего зрения, ничуть не смущала меня. Наоборот, казалось, что вот так я видел всегда!..

Где-то на уровне человеческого роста от земли, едва не касаясь стройного тополя, радуга оборвалась, и мой взгляд как-бы остановился, завис…

Я захотел пощупать ствол дерева, прикоснуться к ограде. Я отчетливо видел глубокие трещины коры, острые наконечники ограды, казалось, шарил по ним рукою, но понимал, что дрожащими пальцами все-таки ощупываю подоконник!..

Земля внизу подо мной как-то картинно, всей плоскостью пошатнулась, шевельнулся один из могильных холмов…

От испуга мои глаза как бы отпрянули назад, на середину радуги. Я всмотрелся вдаль и вскоре увидел, как некий крохотный, черный комочек клейко вскарабкался по тополю на радугу и стал быстро увеличиваться в размерах, приближаться ко мне. В следующее мгновение мои глаза были уже со мной, как бы во плоти, и я отшатнулся за штору, чтобы меня не было видно.

В спичечную щель между шторой и стеной сквозь стекло я рассмотрел черный силуэт человека, беззвучно шагающего по радуге. Еще через несколько мгновений человек подошел вплотную к моему окну и остановился, словно прислушиваясь. Немного помедлив, он шагнул на подоконник осторожно, точно боялся, что подоконник сделан из картона. Я затаил дыхание и замер, мертвея…

Человек плавно спрыгнул с подоконника в комнату и, будто зная, где я, резко повернулся ко мне лицом…

Я тут же узнал его. Это был Саша — друг моей юности. Но он же давно умер?!

— Ты же мертвый! — выпалил я.

— Не кричи, — сказал он, — да, я действительно умер, но ты же меня сам позвал.

Я постарался вспомнить, когда?.. В памяти что-то смазано промелькнуло, но я так и не понял, что и лишь неловко пожал плечами в ответ.

— Ты позвал — я пришел…

И тут страх, доселе обуявший меня, исчез, испарился, словно

был сдут с меня какой-то неведомой вспышкой ветра, и, подхваченный радостью, я бросился здороваться. Мы крепко пожали друг другу руки. Приятно было, после стольких лет разлуки, снова, плечо к плечу, заговорить с другом, и тут же я заговорил о самом главном:

— Саша, есть ли Бог на свете?

— Я не могу тебе ответить на этот вопрос…

— И все-таки, ты мне ответь: есть ли Бог на свете?!

— Понимаешь… Как тебе ответить, — он словно подыскивал подходящие слова…

— Да как есть, так и говори, — мне не терпелось услышать эту великую тайну…

— Тьфу… — сплюнул Саша, — что ты сразу с такими вопросами пристаешь! Мы с тобою столько лет не виделись, можно о чем-нибудь и другом поговорить! — и он улыбнулся.

— Нет уж… Ты мне зубы не заговаривай! Я ведь тебя серьезно спрашиваю.

— Хочешь, я тебе покажу, как мы живем? — перебил меня Саша.

— Конечно хочу, покажи! — обрадовался я.

— Ну, пойдем со мной.

— Далеко?

— Спустимся во двор.

— Но ведь тебя увидят соседи. Ты же мертв. Будет переполох!

— За это не волнуйся, идем…

Мы спустились по лестничной клетке и оказались во дворе. Яркий солнечный день обступил нас со всех сторон. «Но ведь сейчас ночь…» — мысленно возразил я сам себе и тут же забыл об этом, потому что удивился еще больше, навстречу мне шла соседка Вика. Я поздоровался с нею, но она как-то особенно плавно проплыла мимо, совершенно не обратив на меня внимания… А ведь мы не так уж безразличны друг другу!

— Это что за чертовщина?! — возмутился я и вслух обвинительно окрикнул девушку: — Вика!.. — Но она продолжала удаляться, не оборачиваясь. — Вика… Вика! — выкрикнул я раздраженно. Однако девушка уже скрылась в подъезде.

— Ты опять кричишь, — подчеркнул Саша. И тут я распсиховался.

— Но это же невероятно! Пройти мимо! Почему она не поздоровалась?

— Посмотри вокруг повнимательнее, — спокойным тоном предложил Саша. — Мы живем так же, как и вы. Только вы нас не видите и не ощущаете…

Я зло и недоверчиво огляделся по сторонам. И

действительно: прямо на футбольном поле нашего двора стояли какие-то ветхие хижины.

«Что за хлам навезло сюда домоуправление?» — подумалось мне.

Повсюду бегали полуголые детишки. У одной из хижин сидели на деревянной лавке старики в белых полотняных одеждах. Саша и я зашагали по направлению к хижинам. Старики почтительно кивали нам, когда мы проходили мимо.

В глазах, казалось, двоится!.. Тут же шныряли жильцы из соседних пятиэтажек, они проходили сквозь хижины, детей и стариков! Словно два кинофильма одновременно проецировались на один экран. Но больше всего я удивился, а точнее, ошалел от неожиданности, когда толстая, неповоротливая женщина с потным красным лицом, тяжело дыша, протопала сквозь меня!

Я ничего не понимал: я проходил сквозь кого-то или кто-то проходил сквозь меня? Я терялся в догадках: кто реален, а кто — нет! Увлекшись двойственностью, я неожиданно столкнулся с девушкой. Чтобы не упасть, интуитивно, мы мгновенно и крепко обнялись. Девушка расхохоталась и прошептала мне на ухо:

— Молодой человек, можно подумать, что вы всю жизнь торопились ко мне в объятия!

Я держал ее за талию. Девушка слегка откинулась назад, ее руки были у меня на плечах. Мы смотрели друг другу в глаза. В белом кружевном подвенечном платье и фате она выглядела очаровательной невестой. Курносая, голубоглазая, высокий, умный лоб, длинные вьющиеся волосы…

— Нам пора возвращаться, — услышал я за спиною Сашин голос. Девушка вырвалась из моих объятий и побежала прочь, но, пробежав десятка три шагов, она обернулась и выкрикнула в мою сторону:

— Меня зовут Наташа. Наташа… — И лукаво добавила: Запомни… — Она помахала мне рукой и скрылась в одной из хижин…

— Нам пора возвращаться, — снова я услышал Сашин голос.

За распахнутым окном продолжала царить ночь, у подоконника висела радуга. Мы попрощались у меня в комнате, и Саша уже отошел по радуге несколько шагов в сторону кладбища, как я, опомнившись, окликнул его вопросом:

— Саша, ты же мне так и не ответил: есть ли Бог на свете?! — Он обернулся, промолчал…

— Бога нет! Но есть что-то вроде него! — донеслись до меня его плавные слова…

Вскоре Саша превратился в крохотную черную точку, а потом и вовсе исчез. Радуга растворилась, словно растаяла…

Уставший, я прилег на диван. Закрыл глаза. И уже начал проваливаться в сладкую черную бездну дремы, как почувствовал чьи-то настойчивые хлопки по моему плечу и требовательный, знакомый голос над моей головой:

— Сережа, вставай, ты просил разбудить.

Я открыл глаза: за распахнутым окном было светло. Уже из прихожей послышался голос мамы:

— Я пошла на работу. Завтрак на столе…

Хлопнула входная дверь, на лестничной площадке затихали шаги…

Ночь продолжается

Неожиданно утреннюю тишину в квартире пронзительно подчеркнул звонок в прихожей. Я смахнул с себя простыню, вскочил с дивана и быстро натянул спортивные штаны. Босой и без рубашки, я приоткрыл входную дверь на себя и одним глазом выглянул на лестничную площадку: на пороге стояла соседка Вика. Я открыл дверь пошире и вышагнул из-за нее целиком.

— Ты что, еще спишь?! — заулыбавшись и прихихикнув, спросила Вика, окинув меня с головы до ног изумленным взглядом.

— Здорово… Проходи… — буркнул я и распахнул дверь настежь. Вика шмыгнула в прихожую и заговорила быстро, словно оправдываясь, снимая ловкими движениями руки босоножки:

— Твоя мама уже минут двадцать как ушла на работу, я видела ее с балкона… Вот я и подумала, что ты, по крайней мере, уже не спишь.

Одной рукой я протирал слипающиеся глазах, другой показал Вике в сторону моей комнаты, приглашая ее пройти. Она поняла без слов, привыкшая к моим причудам. Я захлопнул входную дверь. Уже из моей комнаты Вика, видимо, как всегда усевшись на диван, заговорила спокойнее, с расстановками:

— А знаешь, я принесла тебе книгу в подарок!

— Какую? — открыв дверь в ванную и приостановившись, спросил я.

— Автор — Гуревич…

— Да Бог с ним, с автором, — называется как?

— А называется: «Возрожден ли мистицизм?»

Наступила пауза…

— Ты что замолчал? — обеспокоилась Вика. — Тебе не нравится название?

— Ночь продолжается! — произнес я громко.

— Что? Какая ночь?! Что ты там говоришь?

— Нет, ничего… О чем книга, говорю? — Я еще стоял у входа в ванную.

— Мис-ти-ка… — заклинающе прошипела Вика.

— Какая мистика? — шутливо осведомился я.

— Ты что, не знаком с этим словом? — обрадовалась она и с восторгом знатока добавила: — Потусторонние дела!..

— А, хорошо! — отозвался я уже из ванной. — Я сейчас приду полистаю и оценю, только умоюсь.

— Давай быстрее, я…

Вика еще говорила что-то вдогонку, но, заглушив ее голос, из открытого крана вонзилась в мои ладони шипучая струя воды, и мелкие брызги ударили мне в лицо…

Умывшись, я закрутил кран, вода перестала шуметь, и снова проявился голос Вики. Я слышал, как она читала вслух выдержки из принесенной книги и комментировала их. Я сдернул с вешалки мягкое полотенце и начал промокать лицо, потом присел на край ванны. Я отчетливо слышал все, что говорила и читала Вика, но до моего сознания сквозь барьер прошлой ночи доносились лишь обрывки некоторых фраз:

— «Разве не представляет интерес тот факт, что, например, новое „тело“, которое якобы…» — Вика останавливала чтение, приводила в пример свою двоюродную бабку — трижды умиравшую. И снова продолжала читать: — «Астральное тело» оказывается…»

«Ночь продолжается», — подумал я, но к следующему отрывку прислушался повнимательнее: — «Характерно, — громко продолжала читать Вика, — что обычные, „земные“ реакции в известной мере смещаются, становятся более причудливыми. Например, одна женщина, „наблюдавшая“ себя и то, что происходило возле санитарной машины, со стороны, видела все крупным планом, и, напротив, отдаленно. Это напоминало своеобразный „наплыв“ при киносъемке. Изменение пространственной перспективы, несомненно, отражает определенные особенности…»

Я поднялся с ванны, повесил полотенце на вешалку и быстрыми шагами, стремительно вошел в свою комнату.

— Ну-ка, дай книгу, я гляну, — потребовал я.

— На, — Вика кокетливо протянула мне книгу.

Я впился в абзац, только что прочитанный Викой. Перечитал его дважды. Захлопнул книгу и осторожно положил ее на журнальный столик поодаль.

— Ночь продолжается, — произнес я, уже как заклинание, откровенно глядя Вике в глаза, и ухнул на диван.

— Ты что, не выспался? — спросила она и подсела ко мне поближе. Я улыбнулся и попытался ее обнять. Она отпрянула на другой конец дивана к окну.

— Перестань! — она поправила юбку. — А знаешь, как мне досталась эта книга?..

— Знаю! — отмахнулся я.

— Как? — назойливо спросила Вика.

— В наследство от трижды умершей бабки! — наигранно обижаясь, ответил я. Вика снова подсела ко мне, прилегла на мои колени. Я нагнулся и поцеловал ее в губы.

— Понимаешь, — сказала она, — я вчера ехала очень поздно вечером домой от подруги, конечно, на автобусе… В салоне было только два пассажира, я и еще один тип в очках, одно стекло треснутое зигзагом, вот так, — и она указательным пальцем начертила зигзаг в воздухе возле моего глаза. — Не доезжая универсама, водитель остановил автобус, вышел в салон и потребовал предъявить билеты для контроля. Я тут же предъявила. А тот, в очках, билета не имел, долго рылся по карманам, но не нашел денег — заплатить штраф. И тут он неожиданно обратился ко мне и предложил купить у него эту книгу. Я отказалась, мол, зачем она мне, да еще — за три рубля! Тип начал меня упрашивать, убеждать, что книга хорошая и что ее можно вполне подарить жениху или, на худой конец, — соседу.

— На худой конец, соседу, — вмешался я, — имеется в виду — мне… Мне, на худой конец!.. Так-так… И что же было дальше? — я покачал недовольно головою, подчеркивая иронию и шутку.

— Ну перестань перебивать! — не замечая, а может, не принимая моей шутки, оправдывалась Вика. — На худой конец слова не мои, а того типа!..

— Так, значит, не твои?.. — допрашивал я.

— Нет! — Вика сделала вид, что обижается всерьез, а может и действительно обиделась.

— Точно не твои? — не успокаивался я, входя в азарт.

— Нет, нет, нет! Дурак! — не выдержала Вика.

— Кто дурак?! — торжествующе стиснув Викины щеки в своих ладонях, промычал я.

— Ты! — вырываясь, выкрикнула Вика.

— Кто-о? — наигранно устрашающе протянул я.

— Ты, ты, ты, ты, ты…

Но больше уже никаких слов у Вики не вырвалось. Все вокруг покачнулось и словно остановилось… Я надолго поцеловал Вику в губы…

Вынырнув из-под моей головы, Вика снова села рядом со мной. Поглаживая мои волосы, заглядывая как-то нетерпеливо в мои глаза, она заговорила ласково, полушепотом:

— Когда я услышала, что книгу можно подарить соседу, — я

разжалобилась и купила ее, — уплатила штраф за этого идиота! Вчера было слишком поздно заходить в гости, вот я сегодня с утра пораньше и принесла книгу — тебе…

— Спасибо, — щекотно я прошептал в самое ухо Вике. Она хихикнула и, словно маятник, откачнувшись в сторону, снова прильнула ко мне. Я обнял ее плечи. С минуту мы сидели молча.

— Сережа, почему ты до сих пор не женишься?

— Человек должен сделать что-то сам, — сказал я, понимаешь, сам, как человеческая единица, а потом уже продолжить свой род. Мое убеждение: человек не может получить морального права продлевать свой род, если он — не самореализован, не самовыразил себя, себя… Понимаешь?..

— По-твоему, я поспешила и не имею морального права иметь Оксанку? — удивилась Вика.

— Женщина другое дело, — пошутил я.

— А что, женщина не человек по-твоему?!

— Я еще не разобрался в этом.

— Ну, у тебя и философия! Ну, ты и даешь! расхохоталась Вика. — Скорее разбирайся, а то…

— А то что? — игриво прислушался я.

— А то, — Вика плотно прижалась ко мне так, что хрустнули у нее косточки. — А то. Я не знаю, что я с тобой сейчас сделаю!..

— Ну вот, и нечеловеческие объятия! — съязвил я.

— Женские объятия, женские, — подсказала Вика, заглядывая мне в глаза.

— Да, уж это точно, — нечеловеческие, — утвердительно кивнул я…

Неожиданно Вика словно опомнилась от забытья, словно пришла в себя:

— Мне уже пора идти домой, — сказала она решительно.

— Посиди еще пожалуйста, — попросил я.

— Оксанка может скоро проснуться — кормить ее надо будет. А тебе уже скоро на работу!

— Вот еще! — возразил я. — Я еще с полчаса могу быть дома.

— Ну хорошо… Ты будь, а я пошла.

Я с неохотой проводил Вику. У входной двери она остановилась.

— Я завтра утром загляну, можно?

— О чем речь! — повеселевши, ответил я. — Приходи обязательно. Я буду ждать — не человека!

— Женщину, — тихо добавила Вика, как-то задумчиво и нежно.

Я немного сконфузился и добавил:

— И женщину тоже, — и я прикоснулся губами к Викиной

щеке. Вика ушла.

Я подошел к зеркалу в прихожей и пристально посмотрел себе в лицо:

— Тридцать, — рассуждал я про себя, — седые волосы частенько вырываю, и до сих пор в чем-то не уверен. А Вике двадцать, но она уже успела пожить замужем и разойтись… Решительная она все-таки… В шестнадцать — родить Оксанку!

Наскоро позавтракав, я ушел к себе в комнату и прилег на диван поваляться минут пятнадцать и тут вспомнил, что именно сегодня хотел начать заниматься Хатка-йогой и проснулся для этого пораньше, а вот не получилось.

Я оглянулся на журнальный столик и прочел на корешке подаренной мне книги таинственную надпись: «Возрожден ли мистицизм?»

Кладбище

Лежа на диване, я закрыл глаза и совершенно неожиданно для себя стал вспоминать события трехдневной давности…

Могила была еще совсем свежая. Из-за громадных венков выглядывала табличка с фотографией нового покойника. Надпись на табличке гласила: «Незнамышев Валерий Геннадьевич 1970 — 1988 гг.» Бумажные цветы перешептывались на догоравшем ветерке вечера. Они шелестели, словно высушенные под солнцем. Я неторопливо проходил мимо, осторожно шагая по узкой ветвистой тропе между могил, и невольно посматривал на фотографию Незнамышева. Казалось, с какой-то безысходностью «осматривается» покойник вокруг… Повсюду теснились накренившиеся в разные стороны кресты, словно некогда расшатанные сумасшедшими ветрами. Послышался громкий шорох в глубине кладбища. Точно огрызнувшись на кого-то, протяжно и злобно вскрикнула ворона. Она встрепенулась в небо и, бесшумно пролетев почти над моей головой словно черная тряпка, упала за высокий и сучковатый куст сирени напротив… Я посмотрел ей вслед, огляделся по сторонам и, смахнув ладонью засохший комок грязи с почерневшей доски, присел на теплую от солнышка деревянную лавку у могилы друга…

За много покойных лет уставший смотреть в одну точку со своей фотографии, он глядел так, словно больше не узнавал меня. Я уже давно не был здесь. Но было похоже, что он не узнавал не только меня, но и весь окружающий мир. Он забыл все и навсегда…

Фотографии у меня часто вызывают определенный размах сомнений и рассуждений. Сомнений — нужны ли они; рассуждений — если да, то зачем? Вот и Саша, друг, знал ли он тогда, когда фотографировался, а я помню тот день, что он

смотрит не просто в объектив фотоаппарата, а на это печальное кладбище?..

И так, немного порассуждав про себя, я внутренне умолк и просидел минут пять в кромешной тишине ни о чем не думая. Все вокруг молчало: могилы, фотографии покойников, кресты. Глухонемое пространство обступало меня.

На языке вертелось одно слово: Саша… Оно как бы пробегало по кругу и снова: Саша… И, немного помедлив, опять — Саша… И вдруг это слово вымолвилось вслух. Я оторопел, внутренне, строго покосился на себя, как бы оценивая происходящее, огляделся по сторонам — никого не было… Я не узнал свой голос и, прислушиваясь, повторил громче: — Саша… — После чего помедлив две-три секунды, я заговорил, обращаясь к таинственно обступившей меня невидимости, глядя на фотографию друга: — Саша… Здравствуй… — Я еще раз огляделся по сторонам и подумал: «Пожалуй, слово „здравствуй“ неуместно, больше подходит… — Покойной земли тебе, Саша, друг, последнюю фразу я произнес опять вслух.

Я продолжал говорить, уже теперь не обращая внимания ни на что: — Ты прости меня, Саша… Я давно не был на твоей могиле… Но, сам понимаешь почему. Мы, живые, весьма ограниченны! Мы редко выходим из игры, за черту жизни, чтобы посоветоваться со смертью. Нам некогда советоваться!.. Нам некогда мудреть!.. Но одно я понял в жизни: без почтительного отношения к смерти — нет совести. Совесть — это совет. А кто может дать самый высший совет, чтобы оценить что-то и кого-то в жизни — только смерть.

Помню, что в подобном духе я еще долго продолжал размышлять вслух и не заметил, как рассказал перед фотографией друга о том, чем живу, что делаю… Я поведал о своих бедах и радостях, и еще о многом и многом. И уже не помню, как это у меня получилось, но в конце своей, если так можно выразиться, надмогильной, исповеди, я заговорил вопросительно, почти что требовательно:

— Саша, ты никогда не верил в Бога. Но ты так мало прожил — семнадцать лет!.. И тебе многое простительно… Может, тебе покажется смешным, но мучит меня вопрос, который уже давно решили для себя атеисты: есть ли Бог на свете?.. Честное слово, Саша… У меня высшее гуманитарное образование, а я сомневаюсь, что Бога нет… И в этом признаться могу только здесь, тебе… Саша… Ответь, скажи мне — есть ли Бог на свете?

Я вздрогнул всем телом, лежа на диване. Воспоминания отступили.

Да, это было именно так… Именно так я просил… Господи!..

Вот почему Саша приходил ко мне прошлой ночью во сне… Только во сне ли?.. Во сне?..

Я подскочил с дивана, быстро оделся, завернул свой завтрак в газету, уложил его в дипломат и выскочил на лестничную площадку. Взявшись за дверную ручку, я, словно раздумывая, медленно потянул входную дверь на себя. Протяжно щелкнул замок. Я сделал несколько быстрых шагов вниз по ступенькам, но, постепенно замедляя шаг, на какое-то мгновение сердцем почувствовал, как что-то таинственно и беззвучно будто шевельнулось за дверью. Я на ходу оглянулся на дверь: она была заперта. „Возрожден ли мистицизм?“ — вынырнуло из памяти название книги. Я отмахнулся от него рукой, быстро спустился на первый этаж и вышел на свежую улицу утра… На работу!..

Письмо

„Привет, Москва!

Здравствуй, товарищ Юра! Как у тебя дела? Как литинститут? Ты знаешь, я все чаще перестаю жалеть, что не поступил…

Сейчас работаю на окраине города, директором небольшого кинотеатра. Кинотеатр сиротливо ютится на крохотной площади напротив конечной остановки троллейбуса номер девять. Вокруг площади за разношерстными заборами зеленеют фруктовые деревья, а среди них гнездятся густо облепленные солнечными зайчиками одноэтажные дома частного сектора. Все это называется „Лесной поселок“…

Мой кинотеатр в два этажа: на первом — кабинет директора, большое и малое фойе, касса, гардероб, зрительный зал на двести мест и туалеты; на втором — кинопроекционная, две подсобных комнаты для работы со зрителем и библиотека бетонного завода, что расположен неподалеку. В библиотеке с десяток тысяч довольно потрепанных и пыльных книг, ее посещают в основном дети и старики. А вот маленькую, с бегающими колючими глазами библиотекаршу часто посещает подруга, лет на двадцать младше ее.

Если какому-нибудь пытливому кинорежиссеру или киносценаристу захотелось бы узнать об истинной популярности своего фильма в провинциальном, так сказать, масштабе, то ему лучше всего было бы посетить мой кинотеатр, разумеется, после того, как его фильм откатается на центральных экранах города и наконец начнет демонстрироваться у меня, а это — через три-четыре месяца. Как правило, если это плохой фильм, то на сеансах — одни завсегдатаи: наркоманы, проститутки, пьяницы, бездельники и просто хулиганы. Хороший фильм, — аншлаг в зрительном зале и начальствующие и подхалимные голоса из трубки телефона на моем рабочем столе по поводу билетиков.

В штате кинотеатра два киномеханика: один — я, бывало, заставал его врасплох, — прильнет к какой-нибудь двери ухом или выглядывает из-за какого-нибудь угла, — лысый, уступчивый и молчаливый; другой — руки в брюки, в надменных поворотах лица, со змеиной улыбкой на губах. Первый во время сеанса всегда в кинопроекционной. Второй — бродит из угла в угол по этажам, коридорам и фойе или околачивается в зрительном зале: глазеет на экран, укоряет в чем-то контролера, или напарника Кирилыча, любителя выпить. Самого же зовут Палыч, надсмотрщик, как я его окрестил про себя. В штате две уборщицы — обе пожилые женщины, очень уважающие меня: Марина Ивановна веселая, поджарая, невысокого роста, с озорными шутками и народными присказками, в молодости — участница художественной самодеятельности. Лидия Ивановна — отзывчивая, говорливая и до слез чувствительная ко всему и ко всем вокруг, еще скажу о контролере, а точнее, о контролерах. По штатному расписанию у меня муж и жена: мужиковатая, разворотливая баба и муж длинный и худой, с широким размахом плеч, с отвисшими губами, с виду тихий и улыбчивый, официально похаживает на чай к библиотекарше на правах ее кума…

Библиотекарь, Зоя Карловна, вообще-то со странностями: то задумчивая и заикающаяся, сладострастно сглатывающая слюну, то заботливая и предусмотрительная, угощающая чаем, а то в упор, быстро и ловко, а иногда просто стремительно выпроваживающая меня, случайно зашедшего в библиотеку, обратно в коридор, ссылаясь при этом на рабочую занятость или на то, что ей, дескать, именно сейчас „очень необходимо поговорить с одним человеком“, с человеком, тихо сидящим в тот момент, как я не раз тайком замечал, в складском помещении библиотеки.

С парадного входа мой кинотеатр выглядит довольно монументально: во весь его двухэтажный рост — четыре круглых колонны из мрамора грязно-зеленого цвета. По обеим сторонам здания, на протяжении всего зрительного зала, протянулись длинные, коридорообразные беседки, тоже с колоннами, которые заросли сплошной стеной дикого винограда. Фонари в беседках вечно разбиты, и после ночного сеанса, проходя в сторону троллейбусной остановки поодаль от зарослей винограда, часто можно услышать: позвякивание бутылок или мужской надсадный шепот и судорожные вскрики какой-нибудь бабы, словно некий садист, больно и настойчиво, всаживает свой увесистый кулак в живот ей, под дых! Баба вскрикивает, а он, не обращая внимания, безжалостно ритмично продолжает „бить“ ей в живот под дых.

Юра! Я заканчиваю свое письмо. О том, как живу вне работы и чем занимаюсь в свободное время, я расскажу в следующий раз, но эта весточка тебе от меня будет уже запечатана в другом конверте.

Обязательно отвечай, пиши о себе, я заинтересованно жду!

Всего тебе доброго, до свидания!

С уважением, — Сергей Истина, твой друг“.

Катастрофа

Я находился в своем рабочем кабинете. Тишине не сиделось на месте: она поскрипывала ножками стула, отшаркивалась от моих подошв и деловито шелестела бумагами. Запечатанное письмо в Москву я отложил в сторону. Солнечный зайчик, лежавший на столе, словно прищемил конверт к черной полировке. Я откинулся на спинку стула и немного посидел так, ни о чем не думая.

И тут тишина в кабинете побледнела и грозно ощетинилась. Несомненно, на площади извергал монолитный шум шквал автомобильных сигналов. Любопытствуя, я покинул кабинет, напрямик прошел малое фойе и торопливо вышел из кинотеатра на обшарпанную солнцем площадь.

Будто цветочная гирлянда из гудящих свадебных машин окольцевала площадь. Вокруг жениха и невесты суетливо густела толпа родственников и гостей, просто зевак и любопытных.

Какая-то неведомая сила сдвинула меня с места и потащила к толпе. Уже через минуту эта сила вытолкнула меня в спину в пяти метрах от главных виновников торжества и моего беспокойства.

Мой взгляд отметил жениха только лишь как черное пятно. Девушка в белом кружевном платье и фате выглядела очаровательной невестой!.. Курносая, голубоглазая, высокий умный лоб, длинные вьющиеся волосы!.. Наши взгляды столкнулись, и она, как мне показалось, кокетливо улыбнулась в мою сторону, но лучше бы она этого не делала, потому что я сразу же узнал ее! Кто-то из ее подруг стал поправлять ей фату, и девушка на какое-то мгновение отвернулась в другую сторону.

— Наташа! — выкрикнул я и неожиданно для себя попятился назад, толпа проглотила меня, и я увяз в самой ее гуще. Вынырнув ненадолго над головами, я увидел, как невеста, обернувшись, заинтересованно выискивала в толпе того, кто ее окликнул.

— Наташа! — выкрикнул я еще раз, не столько для того, чтобы она меня заметила, на это надеяться было уже трудно, толпа совсем как трясина связывала меня по рукам и ногам, — а выкрикнул я, скорее для того, чтобы убедиться, что я не ошибся,

что девушку действительно зовут Наташа и что это та самая Наташа!.. Наташа, которую я повстречал прошлой ночью, видимо, во сне… Сон, сон, сон — пульсировало у меня в голове.

И я действительно не ошибся: невеста поднялась на цыпочки, выискивая меня по голосу!.. Но в следующий момент меня уже больше не было видно: широкая спина какого-то мужлана выросла перед моим лицом. Видимо, потому что я начал интенсивно подпрыгивать на месте, оттаптывая окружающим ноги, где-то через минуту толпа вытолкнула меня на свободу. Сон, сон, сон продолжало пульсировать у меня в голове!..

Я шел обратно к кинотеатру и рассуждал: если верить сну, то Наташа там, во сне, — жила среди мертвецов, в нашем понятии, земном… Но здесь она в образе невесты еще жива!.. В следующее мгновение страшная мысль пронзила меня, я подумал, если верить сну, который я видел прошлой ночью, то Наташа не может больше существовать!.. Во сне она была невестой, и, значит, ее должны, — что за глупости приходят мне в голову, похоронить в этом белом кружевном платье и фате!.. Господи! Не может быть!.. Но покойники действительно часто предстают в снах в одеянии, в котором их похоронили!.. В противном случае, все это нелепая случайность, бред… Ну, конечно же — бред! успокаивал я себя.

На ступеньках кинотеатра я обернулся назад: я увидел смеющиеся, радостные лица ребятишек, пробежавших мимо меня в сторону свадьбы… И все же мне захотелось закричать на всю площадь: „Спрячьте, спасите невесту!..“ Но в следующее же мгновение, я сам удивился подобному желанию, бред какой-то, неотступный бред… „Все будет хорошо!“ — успокаивал я себя…

И вот, на моих глазах, — свадебная толпа начала как бы уплотняться и затихать.

„Что-то случилось!“ — подумал я…

— Что там случилось? — спросила меня подошедшая ко мне с пустым ведром в руке уборщица Лидия Ивановна.

— Не знаю, — не отрывая мучительного взгляда от толпы, ответил я и пожал плечами.

В это время к нам подошел киномеханик Палыч, он уже успел все узнать: это было видно по его ехидному обличью.

— Здравствуйте, Сергей Александрович, — услужливо произнес он.

— Здравствуйте, Палыч, — безрадостно ответил я и пожал его протянутую руку.

— Что там случилось? — поспешила спросить теперь уже у Палыча Лидия Ивановна.

— Невеста в обморок упала, — ответил он так, словно произнес фразу: отстань от меня!..

— Ой, Боже ж ты мой! — всплеснула руками Лидия Ивановна, и упущенное ведро звякнуло у ее ног. — Это же Наталка, соседская, воспитанница моя…

— Там она, у дерева лежит! — крикнул Палыч вдогонку уборщице так, словно имел в виду: тебя там только и не хватало, старая!.. А повернувшись ко мне добавил: — Вызвали скорую. Зачем?.. Нашатырь под нос в таких случаях, — и все в порядке!.. — он смачно сплюнул в сторону, непризнанный и обиженный. Видимо, там он уже посоветовал подобное, но его послали ко всем чертям! И правильно сделали!..

Я стоял не шелохнувшись. Одновременно чувство страха и необъяснимой радости, да-да, именно радости, переполняли меня!.. Чувство страха — за человеческую жизнь, за нормальное состояние собственной психики! И чувство радости, а точнее сумасшедшего восторга от прикосновения к неведомой тайне!.. Одновременно очень хотелось кому-нибудь обо всем этом рассказать, поведать о том, что я знал, что это случится, что невеста должна обязательно, неминуемо… — но я боялся этого нестерпимого желания и этих щемящих мою голову мыслей! Если я сейчас заговорю об этом вот с ним, например, и я посмотрел на Палыча, тот стоял, скрестив руки на груди, оттопырив губы, то он, вполне нормальный человек, — скорее всего сочтет меня сумасшедшим, в лучшем случае — человеком со странностями или с температурой!.. И, слава Богу, — я смолчал. Не заговорил.

Мои мысли были прерваны сиреной скорой помощи. Машина выкатила на площадь. Сон, сон, сон — пульсировало у меня в голове! Колеса прошипели шинами по асфальту, заскрипели тормоза. Не помню что, но что-то ответив на непонятный мне вопрос Палыча, я, словно отлепившись от площади, словно в каком-то объеме тишины, удалился в прохладную глубину кинотеатра.

— Все будет хорошо… Все будет хорошо!.. Это только обморок, — словно кто-то идущий за мною по пятам наговаривал мне в затылок…

Посетитель

Какое-то время я молча присутствовал где-то вдалеке от всего окружающего меня мира. Я себя чувствовал неким, совершенно случайно сгустившимся, живым существом. Что делал, слышал, видел — не помню! Я находился в состоянии какого-то болезненного, отшумевшего восторга чувств и сонного безразличия эмоций и даже ни о чем не думал, — просто где-то находился… Но застал себя стоящим у окна в рабочем кабинете, когда, пошатнув какое-то равновесие, раздался стук в дверь, а точнее, кто-то, видимо, ладонью, похлопал по ее жесткому

дерматину снаружи, из фойе. Громко прозвучал и мой голос:

— Войдите!

Пока в ответ слышалось молчание, я быстренько сел на стул, схватил со стола первую попавшуюся папку и стал перелистывать подшитые в ней документы, даже не понимая, зачем я это делаю!.. Но мне очень хотелось поскорее выйти из этого непонятного мне состояния.

Я закинул ногу на ногу и придал как только мог своему лицу вид внимательно изучающего бумаги. Однако краем зрения я все-таки следил за дверью в кабинет. Дверь открылась и не спеша пропустила какую-то девушку в мой кабинет.

Прошло несколько секунд.

— Здравствуйте… — одиноко произнесла она.

Прошло еще несколько секунд, я продолжал перелистывать бумаги, а не замеченная занятым директором гостья — стоять у двери. Но вот я наконец набрался смелости захлопнуть папку с документами и отложить ее в сторону. Я приподнял голову, сделал вид, что только что заметил посетительницу.

— Здравствуйте! — сказал я и, вежливо указав рукою на стул, расположенный с моим столом рядышком, добавил: Присаживайтесь, пожалуйста.

— Спасибо, — охотно ответила девушка и, словно мальчишка, одним едва уловимым взмахом руки захлопнула дверь в кабинет. Потом она пронзила меня таинственным взглядом очаровательности и, словно манекенщица на демонстрации мод, зашагала через весь кабинет по оранжевой ковровой дорожке к моему столу. Каждый свой шаг она как бы фиксировала, замирая на какое-то, космически неуловимое, мгновение, хотя мне это, может, просто казалось. Она невесомо присела на краешек предложенного ей стула: хрупкая, строгая, со слегка обвисшими уголками женственных губ. У нее были светлые глаза и русые прямые волосы ниже плеч.

Как только девушка присела я тут же заявил:

— Слушаю вас…

Она опустила глаза, как бы смутившись от моей фразы, и опечаленно заметила:

— Прости меня, директор, но ты эти слова произнес, совершенно не задумываясь над их смыслом…

Тут я почувствовал, что окончательно пришел в себя. Я возвратился в шкуру директора: меня смутил тон и уверенное обращение на „ты“! Я даже почувствовал некоторую брезгливость, зависимость от моего посетителя, и я выдавил из себя протестующе:

— Да, но-о… — только и прозвучало у меня, потому что я

уверенно почувствовал себя в следующий миг учеником, школьником, присутствующим на первом уроке неведомого предмета.

А учитель продолжал говорить и спрашивать:

— Когда ты говоришь „Слушаю вас“, ты „слушаешь“ одновременно меня и себя?

— Но это же уважительная форма, — возразил я и почти беззащитно заглянул своей собеседнице в глаза, словно ища в них поддержки.

— Начнем с того, — и девушка положила свои смуглые руки ладонями на стол, — что слово „вы“ это прежде всего не уважительный, а множественный символ, так? — она прихлопнула ладонями по полировке стола.

— Так, — подтвердил я, а сам подумал: „Может быть, она — сумасшедшая?.. Впрочем, говорит вполне логично… Во всяком случае, лучше ее не раздражать…“

— Итак, значит, мы пришли к соглашению, что символ „вы“ — выражает множественность, прежде всего, — подчеркнула девушка, — и мы…

Но я перебил ее:

— Извини, как тебя зовут?

— Аня, — ответила она так, словно хотела сказать: будь по-внимательней и не перебивай! — и продолжила свой урок.

— Обращение на „вы“ — это обращение к целому миру, поскольку „вы“ — по своей сути множественно бесконечно, и „Слушаю вас“ тогда звучит уже как уверенность в том, что человек постиг целый мир, а если ты понимаешь, что этот человек, к которому ты обращаешься на „вы“, постиг целый мир, значит и ты, как минимум, постиг целый мир; но постигнуть целый мир, значит не что иное, как стать этим миром самому!..

— Это, — вмешался я, — давно известно: чтобы постичь истину — надо стать этой истиной самому.

— Верно говоришь. Но отсюда значит, что „Слушаю вас“ звучит неестественно, корыстно, подхалимно и так далее. В лучшем случае, как это получилось у тебя — звучит машинально, заученно, слепо!

— Да, но ведь под фразой „Слушаю вас“ можно подразумевать и поддержку, — взволновался я, — внушение, пусть не исполненного, но перспективного, надежду на то, что человек станет или, по крайней мере должен, э-э, может стать — целым миром.

— Тогда этой фразой — „Слушаю вас“ — ты принижаешь человека, как бы снисходишь к нему с высоты своего величия.

— Как это принижаю?

— Очень просто! Говоря „Слушаю вас“, ты уже имеешь в виду, что ты постиг целый мир, а человек, к которому ты обращаешься, еще не постиг его.

— Да, — не согласился я, — но может быть, говоря „Слушаю вас“, я имею в виду внушить и себе, не постигшему, веру в то, что я все-таки постигну целый мир.

— Тогда это не что иное, как обман себя и других, иллюзия! — определила Аня.

— Но даже если это и обман, то, по крайней мере, — это благородный обман, благородная иллюзия! Это таит в себе устремленность к лучшему.

— Извини, директор, но это путь заблуждения! Обманывая себя и других, ты ставишь, делаешь эталоном „целого мира“ себя и других, не ставших этим „целым миром“, на самом деле. Это всего лишь узаконенное, осмысленное заблуждение!

— Значит, — возмутился я, — чтобы перестать заблуждаться, надо понять, что ты обманываешься, надо стать „целым миром“ истиной, а для этого надо перестать заблуждаться!.. Замкнутый круг!.. Безвыходность!.. Заблуждаясь, понять, что ты заблуждаешься, — невозможно!..

— Верно, — воскликнула девушка, — замкнутый круг! Но он существует лишь для идей, логики и слов. Если их нет — нет и круга! Пока ты в этом круге, есть только ты, и не более того, но, как только ты вышел за этот круг, ты становишься „вы“… Другими словами, став „целым миром“, человеку незачем говорить слово „вы“, ибо он, этот человек, который стал „целым миром“, и есть в данном случае „вы“ — целый мир. Ну, посуди сам, если в таком состоянии он будет говорить „вы“, то он будет обращаться не иначе, как к себе самому… Абсурд, не правда ли?..

— Да, абсурд, но тогда „вы“ звучит всегда неестественно, фальшиво, то есть абсолютно в любом случае его произношения?! — задумчиво возмутился я.

— Совершенно верно, директор, как, впрочем, и все остальные слова и фразы, — подтвердила девушка.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я у нее.

— Я имею в виду, — ответила она, — что все остальные слова звучат так же неестественно и фальшиво, если мы начнем сейчас их разбирать с тобою, как слово „вы“.

— Что же получается, — противился я уже не так упорно, — надо избавляться от слов?

— Меньше слов — больше дела! — улыбнувшись, ответила Аня.

— Хорошо, а если, кроме шуток: с помощью слов мы общаемся сейчас с тобою… И тем более, отсюда выходит, —

непонятно, как можно выйти из этого круга?.. — просительно допрашивал я.

— Ты произнес фразу: „Как можно выйти из этого круга?“ а значит, уже, как минимум, ты понял, что этот круг существует… Теперь, на мой взгляд, о нем осталось забыть, и он перестанет существовать…

— Кажется, я что-то начинаю понимать, но поверь, что это еще не значит, что я уже со всем этим согласился!.. Благодаря словам, мы перестали быть животными и стали людьми.

— Я не могу тебе подтвердить теорию Дарвина, я не сторонница ее. Но я точно знаю, что, благодаря словам, мы, прежде всего перестали быть богами… — сказала Аня.

„Может быть, все-таки, — думал я про себя, — весь мой разговор с этой девушкой из области сумасшествия, может, я уже сошел с ума и на самом деле никакой девушки нет?.. Может, на самом деле я разговариваю сам с собою?“

— Если не ясны какие-то детали, — заговорила Аня, прервав наше обоюдное молчание, — независимо от того крупные они или мелкие, — это область наук, их задача открывать и постигать детали, дробить мир. Там, где существуют большие провалы между деталями, на первый взгляд, с виду, не имеющими друг к другу тяготения логики, — это область интуиции гения, — это, зачастую, начало новых наук или гигантские прыжки старых. И наконец, где невозможно углядеть совместимость деталей, как ни крути, ни верти их, где существует полное не объяснение интуицией и логикой, — это область человеческой фантазии, еще говорят — мистики, в худшем случае — область сумасшествия… Но об этом потом, как-нибудь в другой раз, Аня снова замолчала…

Я тоже молчал. А что мне было говорить? Про себя мне стало стыдно, я укорил себя за то, что я мог подумать так об области сумасшествия! И еще, я удивился ее догадливости о моих мыслях в этом плане.

Начиная с прошлой ночи, вся моя жизнь стала состоять из таинственности: Наташа во сне, „Возрожден ли мистицизм?“ (появление этой книги), Наташа наяву — ее обморок, эта девушка Аня, рассуждения о „вы“… Я уже начинал убеждаться в безысходности, в том, что вся моя жизнь теперь перешла в иное, не земное измерение…

В следующее мгновение Аня пристально посмотрела на меня и, как-то покорно улыбнувшись, продолжила разговор:

— Но все-таки есть у символа „вы“ положительное, чисто земное право на существование, в данном случае конечно…

— Какое же? — удивился я.

— Благодаря этому слову мы, — шутливо отвечала Аня, вообще смогли заговорить с тобою обо всем этом. Так что — да здравствуют слова!

— Да здравствуют слова, — подхватил я последние слова девушки, словно поддержал сказанный ею тост. А я действительно себя чувствовал захмелевшим от неожиданно интересного для меня знакомства.

„Нет, она не сумасшедшая! — думал я. — Тогда кто же она?“

И я спросил девушку:

— Аня, кто ты?

— Психофизиолог! — с рекламным восторгом ответила она.

— А зачем ты пришла ко мне в кинотеатр?

— Понимаешь, мне очень нужна твоя помощь.

— Какая? — отзывчиво откликнулся я.

— Ты же знаешь, — обратилась Аня ко мне, глядя на меня в упор, — интеллигенту невозможно вступить в партию просто так…

— Да уж, известное дело! Я, директор — беспартийный… Из-за этого с моим мнением почти не считаются в райкоме… Но я же не принимаю в партию, Аня.

— Я вообще-то, — продолжала говорить Аня, — закончила медицинское училище и университет по специализации психология. Мечтаю заняться наукой, работать во Дворце Здоровья. Но чтобы работать там, на серьезном месте, обязательно надо быть членом партии.

— Но я же не принимаю в партию, Аня, — возразил я еще раз.

— Не волнуйся, директор, я не сомневаюсь, что в партию ты не принимаешь. Речь идет о другом. Мне приходится существовать, а не жить полной духовной жизнью, третий год я уже на заводе, здесь, на бетонном — лаборанткой! Рабочих в партию принимают с меньшими лимитами. Через месяц заседание парткома: будет решаться и мой вопрос о переводе из кандидатов…

— Но я не влиятельный человек на заводе, Аня.

— То, что ты не влиятельный, я знаю… Но начинаю понимать, что ты еще вдобавок и нетерпеливый!

— Извини, слушаю дальше, — определился я.

— Все бы хорошо, — продолжала Аня, — но у меня есть, так сказать, партийное задание, сколотить художественную агитбригаду на заводе — тогда переведут в члены!

— Ну, хорошо, а чем я могу быть тебе полезен в этой ситуации?

— Как тебя зовут? — вот уж совсем неожиданно спросила меня Аня.

— Сережа, — ответил я с тем удивлением, что ведь до сего момента она, действительно, не знала моего имени…

— Сережа, — жалобно обратилась ко мне Аня, агитбригаду я уже сколотила, но у меня во время ее выступления согласно сценарию из парткома, рефреном демонстрируются кадры одного документального фильма, а наша киноустановка, передвижная…

— „Украина“, что ль? — спросил я, начиная понимать, в чем дело.

— Да, кажется, „Украина“, — ответила Аня. — Она поломалась. У тебя в кинотеатре — есть такая установка, мне подсказали в парткоме.

— Есть, — покровительственно подтвердил я.

— Выручи, Сережа. Мне нужна она будет только два раза: показать выступление представителям парткома и отстреляться на отраслевом смотре художественной самодеятельности.

— Хорошо, — обрадовался я. Представлялась возможность продолжить наше знакомство!.. И я протянул Ане чистый лист бумаги и ручку. — Вот, — предложил я, — напиши, куда и когда надо будет привезти установку.

Я провожал Аню. На ступеньках кинотеатра мы остановились.

— Вот что, Сережа, — вдохновилась она, — поскольку мы с тобой волею судьбы еще не раз встретимся, дам-ка я тебе почитать сборник рассказов. Они написаны одним очень близким мне человеком. Это вот, — она вытащила из своей сумочки книжицу небольшого формата в красном переплете и по-дала ее мне, — держи, они никогда не были официально опубликованы, всего лишь отпечатаны на пишущей машинке!

Я бегло пролистал ее.

— Спасибо, почитаю, — сказал я.

Мы попрощались. Девушка решительно спустилась по ступенькам кинотеатра и направилась через площадь к троллейбусной остановке.

Я следил за ней озадаченным взглядом и чувствовал себя снова неким загустевшим существом. Но обнаружил себя стоящим с книжкой под мышкой когда мимо меня по ступенькам поднималась с заплаканными глазами, причитая на ходу, уборщица Лидия Ивановна.

— О, Господи! Горе-то, Сергей Александрович, обратилась она ко мне. — А я вечером хотела „горько“ кричать, у Наталки… Кровоизлияние в мозг! В больнице теперь, бедненькая… Господи! Чем кончится-то все это? Помоги ей, Бог!.. Невестушка, а свадьбы не вышло…

В тот же день

В тот же день, в день, как я буду понимать позже, начала

великого пути Посвящения, — в день беды на площади, стало по иному высвечиваться не только личное, но и мое общественное, служебное…

— Сергей Александрович! — окликнул меня в малом фойе киномеханик Палыч, — до каких пор это будет продолжаться?!

— Что случилось? — опешил я перед подобным тоном. Раньше Палыч никогда еще не позволял себе, по крайней мере со мной, так себя вести…

— Где ваш художник?! — прокричал требовательно Палыч и состроил мне мерзкую гримасу.

— Во-первых, Палыч, я не шестилетний мальчик и не надо на меня кричать. Во-вторых, зачем он, художник, вам вдруг так скоропалительно понадобился? И, в-третьих, это вовсе не мой художник, а художник нашего кинотеатра! — я немного разозлился на последней фразе, а Палыч этого словно ожидал, как добычу!

— Нашего, вашего, — вы директор, вы и отвечать будете!

— Перед кем и за что? — возмутился я.

— На завтрашний день, да будет вам известно — рекламы нет!

— Как нет?! — удивился я.

— Да вот так! Нет! Пойдемте со мной, сами убедитесь!

Мы вышли на площадь. И действительно, рекламные стенды были пусты. Щитов с рекламой на завтрашний кинофильм не оказалось и в мастерской художника. Не оказалось художника и дома, который стоял напротив кинотеатра: как выяснилось, он уехал на пару дней к родителям в деревню. Я был разъярен, но старался не очень-то показывать себя с этой стороны… Затравленный криками Палыча, я, словно зверек, поскорее юркнул в свой кабинет. Надо было срочно найти любого другого художника, но реклама должна была быть вывешена сегодня, ибо завтра будет невероятный скандал, и я его уже предчувствовал. Я обзвонил всех своих знакомых. И все-таки мне удалось за десять рублей, за свой счет, конечно же, договориться с одним знакомым моего знакомого. Последний приехал буквально через полчаса и тотчас приступил к написанию рекламы.

„Ну, погоди, — думал я о своем художнике. — Приедешь ты из деревни, я тебе устрою!..“

Раздался телефонный звонок. Я поднял трубку и постарался как можно спокойнее произнести:

— Алло…

— Алло, — отозвались в трубке, — это директор кинотеатра?

— Да, директор у телефона.

— Сергей Александрович! — в приказном тоне прозвучал

голос какой-то женщины в трубке. — Вы творите у себя в кинотеатре, что хотите! Это — безобразие и произвол!

— Извините, — сдержанно сказал я, хотя внутри у меня уже снова все заклокотало и тоже хотелось орать в ответ, — а с кем я говорю? — совсем на пределе сдержанности спросил я.

— Это вам звонит главный бухгалтер кинопроката, — снова проорал в трубке женский голос.

— Не кричите, пожалуйста, — попросил я, — объясните, в чем дело?..

— Мне с вами больше некогда объясняться! Придете и все узнаете! — в трубке послышались отрывистые, короткие сигналы зуммера…

„Да, сумасшедший все-таки денек у меня сегодня“, подумал я.

— Что за чертовщина! — не выдержал я и выкрикнул вслух, и крепко ударил кулаком по столу! Дверь в кабинет открылась, вошла уборщица Лидия Ивановна.

— Вы свободны, Сергей Александрович? — кротко и печально спросила она.

— Да, проходите, пожалуйста, Лидия Ивановна, садитесь…

— Что это вы стучите так громко в кабинете, ремонтируете что, может, помочь в чем? — искренне спросила она.

— Да, ремонтирую, — сказал я, — свое настроение ремонтирую — кулаком по столу.

— Не обращайте внимания на Палыча. Он тридцать лет здесь работает, — присаживаясь на стул, сказала Лидия Ивановна, сами понимаете — чувствует себя хозяином. Столько уже директоров видел — сколько непутевых! Я не оправдываю его, мужик он, конечно, скверный, противный и насмешливый, но дело свое знает хорошо. Аппаратура у него всегда в порядке, и в кинопрокате его уважают за это.

— Да, во всем этом я убедился, хотя работаю у вас в кинотеатре всего-то четыре месяца! — сказал я и закурил сигарету.

— А художник, — сказала Лидия Ивановна, — он и раньше частенько подводил нас с рекламой. Просто последние месяцы он нового директора побаивался, вас… А теперь, видать по всему, — акклиматизировался!..

— Ну, я-то тут при чем? При мне-то он в первый раз выкинул подобное! Зачем же на меня сразу орать? Да еще при всех работниках, — подрывать авторитет руководителя…

— Ваш авторитет, Сергей Александрович в том, что вы молодцом, нашли выход из положения, реклама-то пишется! Перетрется — мука будет… Не расстраивайтесь…

— Может быть вы и правы, Лидия Ивановна. Поживем увидим! Как говорится: жизнь, она покажет… — я потушил сигарету.

Во время разговора с уборщицей меня одолевало желание узнать, в какую больницу положили Наташу. Это желание находилось где-то неподалеку от моей раздражительности, как спасательный круг. Я все думал, как начать разговор в этом русле.

— А что, с Наташей, вашей соседкой, действительно, что-то серьезное? — спросил я.

— Кровоизлияние, Сергей Александрович! Шутка ли! Такая молоденькая! — и Лидия Ивановна снова опечалилась. Мне было неловко продолжать разговор, но я все же спросил:

— А в какую больницу ее отвезли?

— Не знаю, — ответила задумчиво Лидия Ивановна, она думала о чем-то сокровенном и смотрела перед собой в никуда, поэтому не проанализировала мой вопрос, и это мне было даже на руку! Отпала необходимость объясняться, зачем я об этом спросил. Но узнать, в какой больнице лежит Наташа, мне очень хотелось, и я нашелся:

— А вы завтра бы поехали и навестили Наташу, с работы я вас отпущу.

— Спасибо, Сергей Александрович, — оживилась Лидия Ивановна. — Мне Наталка все равно как дочь. С маленечку и до самой школы она у меня воспитывалась. Меня к ней в няни нанимали. Родители ее с утра до вечера на работе, — инженера, — а я — все одно одинокая, — помогала, как могла.

— Так вот завтра и поезжайте к ней в больницу, Лидия Ивановна. А я вас, если хотите, на машине туда свожу, на нашей, кинотеатровской.

— Правда? — обрадовалась Лидия Ивановна: все-таки ей было уже за семьдесят.

— Отчего же не правда!.. Зайдите сегодня к ее родителям, узнайте, в какую больницу поедем, — подсказал я.

— Честное слово! Я вам очень благодарна, Сергей Александрович, за вашу заботу…

Уборщица ушла. А мне стало стыдно за себя, что обманываю старого человека, но мне очень хотелось увидеть Наташу, и у меня не было иного выхода.

Вечером того же дня

Я возвращался домой после работы и уже почти подходил к своему подъезду, как, сам того не ожидая, резко свернул в сторону и вышел на крохотное футбольное поле в нашем дворе. В это время демонстрировались мультики по телевизору. Из распахнутых окон трех крупнопанельных домов, прилепленных

друг к другу, до меня доносились причудливые визжащие голоса каких-то мультгероев. Многоэтажно и гулко раздавались взрывы детского хохота! Интуитивно я остановился на том самом месте, где прошлой ночью во сне случайно попал в объятия Наташи…

Я постоял совсем недолго. Мне стало отчего-то неспокойно: может быть, полуголая детвора, заметив меня, зашныряла туда-сюда сквозь мое изображение, отпечатанное сейчас в их таинственном мире…

„Что же это за мир такой, — неведомый нам, людям?! Может быть, это мир наших снов?“ — мысленно спрашивал я себя, поднимаясь по лестничной клетке в свою квартиру.

Ключом дверь не открывалась, — замок защелкнут на секретку. „Значит, мама уже дома…“ — подумал я и несколько раз просигналил звонком. В этот вечер мне предстояло некоторое открытие.

Мама встретила меня дружелюбно. Как обычно, мы обменялись несколькими семейными фразами на хозяйственную тему. Потом она ушла отдыхать в свою комнату, а я, задумчиво поужинав, ускользнул к себе в комнату.

Книга „Возрожден ли мистицизм?“ лежала там же, где я положил ее утром — на журнальном столике. Я подхватил ее на ходу в руки и наконец-то впервые прилег за целый день на диван.

Положив две подушки под голову, я прочел название первой главы — „Волна неразумия“, и тут же обратился в чтение.

Время напоминало о себе только шепотом перелистываемых мною страниц. Что-то таинственно сопоставлялось и глубинно зрело во мне. Я не читал, — я впивался в строчки!..

— Встань, пожалуйста, испортишь зрение. Ты уже четвертый час читаешь лежа! — услышал я заботливый голос мамы.

Оказывается, я не заметил, что она время от времени заглядывала в комнату. Наконец, решилась вмешаться и правильно сделала! Потому что, во-первых, глаза у меня уже действительно начинали превращаться в стекляшки; во-вторых, очень хотелось поделиться, поговорить с кем-нибудь о прочитанном. Я сел и ласково обратился к маме:

— Проходи, мама, садись. Я действительно зачитался!

Она присела рядышком со мною на диван и одной рукой облокотилась на подушки.

— Честно говоря, сынок, — сказала она, — что-то мне сегодня тоскливо и одиноко. — Я прильнул к ее теплому плечу и с шутливым оттенком в голосе произнес:

— Моя мама — преподаватель философии! И мне доставляет удовольствие слушать ее дозволенные речи!

— Подлиза, перестань! — сказала она и, шутливо оттолкнув

меня плечом, добавила: — Я не слишком навязчива?..

— Что ты, мама! Я действительно рад.

— Ну ладно, ладно, не оправдывайся. Лучше скажи, я тебя давно не видела в столь озабоченном чтении книги, как сегодня. Что ты читал так увлеченно и столько времени, если не секрет, конечно?

— Вот, — сказал я и протянул маме книгу. Она прочла вслух ее название.

— „Возрожден ли мистицизм?“… Павел Семенович Гуревич…

— Ты уже читала ее? — спросил я, обрадовавшись тому, что можно будет прямо сейчас поделиться впечатлениями.

— Прочесть не было времени. Я просматривала эту книгу в университетской библиотеке.

— Ну, и каково будет твое родительское мнение?

— Как только у меня появится свободное от усталости время, я обязательно ее прочту, — ответила мама.

— Все понятно, значит, одобряешь?

— Одобряю, сынок.

— Тогда, мама, можно тебе задать вопрос по существу дела?

— Задавай.

— Итак, мой вопрос, что такое мистика?

— Когда я училась в университете, мистика в энциклопедическом словаре определялась как вера в сверхъестественный мир, с которым особым, таинственным путем якобы общается человек.

— Мама, а какое определение ты можешь дать теперь — не как студент по словарю и не как преподаватель, а сама, как человек-философ со своим отношением к этому вопросу?

— Сейчас попробую… Мистика, это, по-моему, необъяснимое сейчас, принимаемое на веру, соприкосновение с определенным, известным частно или в сравнениях, количеством, принадлежащим известному или неизвестному качеству, причем, соприкосновение с таким количеством, которое не может существовать вне своего качества, ибо количество вне качества, существующее само по себе, это уже не количество, а качество, а любое качество имеет при себе сумму всех своих количеств, в нашем земном понимании, и его можно принять за совершенно законченную вещь, предмет, выраженный в какой-то форме, а это уже обычное явление, лишь может возникнуть вопрос о предназначении этого предмета; итак, соприкосновение с количеством, где не ясно лишь то, как существует это количество, не могущее существовать вне своего качества, все-таки — вне качества! Если мы зададим такой вопрос, то мы подтвердим в каком-то данном случае присутствие мистики, в противном

случае ее просто нет…

— Мама, а что, если мистика — это наука, и наисерьезнейшая?

— К сожалению, Сережа, в нашем мире верят только приборам, а приборы, еще раз, к сожалению, пока еще не оборудованы понятием веры.

Мама замолчала. Прошло некоторое время, может, с минуту или больше…

— Кстати, — неожиданно оживившись, сказала мама, — наше семейство имеет некоторые соприкосновения с мистикой! — Я насторожился. — Родной брат твоего деда по отцу был, воскликнула мама, — самый настоящий мистик! Колдун, говорили в народе!

— Да что ты, мама! — подскочил я на месте. — И ты никогда об этом не говорила! Расскажи…

— Твой двоюродный дед, когда еще был живой, рассказывала бабушка Дарья, был очень суровым человеком, злым и жестоким. Он жил в сорока километрах от Каспийского моря. Рыбаки, жители окрестных деревень, каждый год уходили на небольших судах на рыбный промысел и по нескольку месяцев находились в открытом море, а твоего двоюродного деда с собою не брали. Боялись они его. Если кто и отваживался его взять, то тот навидывался страхов на всю свою жизнь: огненные птицы летали над судном, преследуя его по пятам, они бросались на рыбаков! Огненные кошки бегали по палубе, карабкались по мачте в небо… Да и в селе от твоего двоюродного деда житья не было! А когда он, старый и дряхлый, лежал при смерти в своей избе, то он целый месяц не мог умереть. Бабушка Дарья говорила, он все просил, чтобы кто-нибудь подал ему руку для пожатия. Никто этого не делал, а твой отец подал ему свою руку. Несчастный с жадностью пожал ее и к вечеру умер. В народе существует такое поверье, что колдун не умрет, пока не передаст кому-нибудь свои чары через пожатие руки. Вот и вся история о твоем двоюродном деде, сынок…

— А я тоже подал бы ему руку, — решительно сказал я.

— И стал бы колдуном? — рассмеявшись, спросила мама.

— Но мой отец подал же ему руку и остался обыкновенным человеком?!

Неожиданно мама сделалась серьезной, даже печальной, и, ничего не отвечая, поднялась медленно с дивана и ушла к себе. Я остался один на фоне своего вопроса с чувством вины: из-за меня мама, — подумал я, — снова вспомнила об отце, который, как она мне рассказывала, уже давно ушел от нас к другой женщине, но до сих пор не ушел, как я начал понимать в этот вечер, — не ушел

из маминого сердца…

Я тоже разволновался, и, чтобы хоть как-то забыться и успокоиться, достал из дипломата книжку в красном переплете, данную мне сегодня Аней. Открыл ее и стал читать первый рассказ. Постепенно я упал в усталое, дремотное состояние и совершенно не понимал, читаю ли я рассказ или он мне уже снится…

Любовь

(Рассказ)

Когда-то люди рождались на белый свет и жили честно и справедливо. У каждого человека была своя любовь, каждый мог и любил каждого. Все люди на Земле жили в благополучии и радости, во взаимности. Они могли обмениваться любовью, дарить любовь друг другу, и вера была у каждого в то, что он не останется без любви, отдавши свою любовь ближнему, что он обязательно получит взаимно любовь ближнего. Все человечество было обласкано и счастливо, оно утопало в любви. Не было на свете людей, пресыщенных любовью, и людей нищих, без любви…

Но шло время, и вот, может быть, случайно, но родился кто-то первым — без любви, а может, даже и не родился вовсе, а просто кто-то первым не подарил свою любовь ему. И тот, который не подарил свою любовь, стал обладателем и своей и чужой любви, превратившись в собирателя любви, в богача. А тот, который подарил свою любовь, но не получил взамен любовь, тот человек стал нищим, без любви, и дарить ему больше было нечего, оставалось быть просителем любви и жить в нищете духа своего…

Богач, имеющий кроме своей любви и чужую любовь, стал заметным среди всех. По его примеру кто-то еще обманул кого-то, тоже не подарил свою любовь взамен. Появился еще один богач и еще один нищий. Всегда важен первый пример, от него все идет.

Вскоре уже стало много богачей и много нищих. Некоторые богачи имели уже по три-четыре чужих любви и больше! Так плодились разные по степени богачи, богатство стало переходить по наследству, и только нищих оказывалось все больше и больше…

Нищие умоляли, просили богачей вернуть их любовь, принадлежащую им от рождения, или же обманывали богачей и хитростью отнимали у них свою любовь, или же грабили их. Любовь стали продавать и покупать, выменивать…

И лишь немногие люди хранили свою любовь при себе, кто-то из них обменивался ею друг с другом сладостно и открыто, а кто-то в страхе друг перед другом думал, что его обманут и не дадут любовь взамен на его любовь! А такое все чаще случалось!

Прошло время, все большие драки устраивались из-за обладания любовью среди человечества. Люди из-за этого истребляли друг друга огромными количествами!

Стали появляться люди замкнутые, которые вообще никому и никогда не дарили свою любовь, разуверившись в справедливости. Так возник мир людей — нищих, и пресыщенных, и живущих сами по себе…

Вскоре появились учителя. Они призывали богачей, имеющих много любви, раздавать свою любовь прежде всего нищим, людям, не имеющим любви. Не дожидаясь от них сиюминутной любви взамен потому, что они нищи и не имеют любви! Они говорили, что вскоре не станет на свете нищих и богачей. И снова на земле будут жить люди, любящие друг друга.

Но, если подарить любовь первому, можно стать нищим, потому что можно ли быть уверенным, думает каждый, в том, что и все вокруг тебя будут тоже дарить любовь без оглядок?! Нет! Конечно же — нет!.. Значит, прежде, чем начать дарить любовь, надо быть уверенным человеком и жить в уверенном мире!..

Вера! Именно вера друг в друга утеряна людьми. Надо восстановить веру, — тогда и возникнет любовь! И кому-то надо начать верить первому, как некогда кто-то первый не подарил свою любовь взамен. Вера спасет мир!

Все начнется с Веры!.. Все начнется с Веры первого, одного!..

Я носился над землею из одного конца света в другой. Иногда я зависал где-то, над чем-то, и видел там, внизу, ужасающие меня картины!

Я видел, как какой-то мужчина ласково подманил, выказывая свою любовь, девушку-подростка к себе… Он жадно и безжалостно сорвал с нее одежду и отобрал у нее любовь силой и, не оставив свою взамен, убежал прочь, неистово хохоча! А девушка-подросток, совершенно голая, с опущенными бессильно руками, стояла и, онемевши, плакала. Она осталась нищей. У нее больше не было любви.

Я видел, как некий богач, окруженный любовью и возвышающийся на горе из любви, совершенно никого не любил вокруг. А люди, надеясь на взаимность, дарили ему свою любовь искренне и слепо и, обманутые, уходили прочь уже нищими.

Что интересно: богачи, они, как айсберги, — с виду обычные люди, но стоит им подарить свою любовь, и мы сразу замечаем, что обнищали, что эта любовь ушла в бездну, в глубину этой ненасытной натуры богача, и мы подолгу живем, думая о богаче, чувствуя, что нам чего-то не хватает, мы мучимся и даже не подозреваем, что нам не хватает любви.

Неожиданно я увидел, как мой отец украл любовь у моей

мамы, ушел от нее и скрылся в толпе богачей. Это мне не понравилось!.. И тогда я увидел, как мама не поверила отцу, не приняла его любовь в подарок и не подарила своей взамен. Отец ушел и подарил свою любовь другой женщине и получил взамен любовь от нее, а мама, моя мама, осталась со своею любовью одна, в безверии… И это мне тоже не понравилось!.. И я летел дальше…

Часть вторая. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Утро

Будильник затрещал, возвещая о наступлении десяти часов утра. Я опомнился ото сна, крепко потянулся и зевнул, продолжая лежать на диване. Мое тело было укутано одеялом, моя голова лежала, наполовину утонувшая в теплой подушке, мне не хотелось вставать с постели сразу. Надо было себя подготовить: сосредоточиться в ласковых объятиях лени, потом усилием воли оттолкнуть от себя маятник ночи и пока он откачнулся в сторону, успеть вскочить с постели до его возвращения и выглянуть в распахнутое окно, освежиться! И потом долго выковыривать солнечные соринки из глаз…

Но я продолжал лежать. Мне о вчерашнем думалось: я читал и перечитывал про себя остатки вчерашних мыслей и впечатлений и беззвучно шевелил губами, не открывая глаз…

„Мистика — это все-таки наука, — думалось мне. — И я начинаю верить в это… Саша показал мне, как они живут. Он приходил ко мне по радуге — совершенно реально; если это так, — значит он в какой-то иной, другой форме, а значит — смерти нет… И Бога тоже нет?.. „Но есть что-то вроде него…“ А что?.. Что „вроде него“?.. А может, это был просто сон, в самом деле? Да, но тогда Наташа!.. Ведь я познакомился с ней там, возле хижин, а она узнала меня здесь, в реальном мире, на следующий же день… Собственно говоря, а где „там“ я с ней познакомился?.. На том свете, что ль?.. Гм… Что-то звучит уж больно по-старушечьи… Все окончательно перепутывается у меня в голове. Логика и здравый смысл — дети, играющие за высоким забором!.. Наивно, да и только!.. Что же там, за высоким забором?.. Великий Астрал… Знакомое слово… Где я его встречал?.. Ах да! „Возрожден ли мистицизм?“, об „Астрале“ там упомянулось… и рассказ… Интересный рассказ о любви я прочел вчера, то есть, читал вчера на ночь и, по-моему, уснул. Не помню, — дочитал ли?.. Интересно, я нищий без любви или богач?.. Как все-таки мерзко выглядит человек, отнимающий любовь у другого человека насильно!..

Аня… Вчера я познакомился с Аней. Она, честно говоря,

поразила меня. Ее рассуждения и взгляды… Они… Они меня заставляют думать…

Двоюродный дед был колдун!.. Наверное, он живет где-то там, в хижинах… Повидаться бы с ним. Я его никогда не видел, но, кажется, что мы бы узнали друг друга. Тьфу! Так можно и договориться!.. Ну, все. Пора вставать, — начну заниматься йогой!..“

Все еще с закрытыми глазами, я уселся прямо в постели и принял позу „полулотос“. Буду учиться для начала дышать. Учиться дышать заново! Смешно осознавать, что я не умею дышать. А ведь, в сущности, дыхание, — одна из самых главных функций человеческого организма, напрямую связанная с мышлением, что-то вроде этого я где-то когда-то читал. Итак, прежде всего, необходимо сосредоточиться…

Я выдохнул весь воздух, какой только был у меня в легких, и на мгновение замер, стараясь думать только о дыхании…

Форточка была открыта, и, медленно всасываясь через нос, свежий воздух вначале вспузырил мне живот, потом расширил, раздвинул грудную клетку, и я почувствовал жесткость ребер, наконец, приподнялись плечи, — во мне воздуха было уже по горло! Несколько секунд я не дыша просидел вздутый изнутри, словно воздушный шар, ноги сложены бантиком. И вот, постепенно выдох, облегчение: опустились плечи, ужалась грудная клетка, в области живота — впадина. И опять я повторил все сначала. И так я продышал минут пять…

На первый раз достаточно. Я открыл глаза, поднялся с постели и ушел принимать душ.

По утрам время почти всегда бежит быстрее, особенно когда залежишься в постели!

Приняв душ и побрившись, я только что и успел позавтракать как пришла Вика:

— Вот сегодня, Сережа, ты мне нравишься больше, чем вчера, — заявила она с порога, — и умыт, и побрит, и позавтракал, даже улыбаешься по-другому, обновленнее.

— Я просто очень рад тому, что ты пришла, как и обещала, — сказал я, но про себя подумал: „Надо же! — совершенно забыл, что Вика должна прийти сегодня утром в гости… Ладно, все равно я прилично проспал, залежался на диване, на просмотр новых фильмов не поеду. Дом кино подождет!“

Я снова обратился к Вике:

— Я радуюсь тому, что ты пришла… Можно твоему соседу тебя поцеловать? — я подошел к Вике, приблизился к ее лицу…

— Можно — ответила она.

Мы обнялись. Она молчала и очень смотрела на меня.

Я подхватил Вику на руки. На диване, в моей комнате, ее красивые ноги обнажились. Она застеснялась меня, словно школьница, вспорхнувшая на качелях…

Первое свидание

Директорам, конечно, может быть, не всем, но многим, хотя бы иногда можно и нужно какие-то из служебных обязанностей прогуливать! Но прогуливать как школьникам, перерешавшим классные задачи на два дня вперед…

На работу я попал к двум часам дня. Я появился в кинотеатре, как если бы посетил Дом кино, но я просмотр кинофильмов прогулял, и это было замечательно!

Директор не укладывается в понятие определенного часового рабочего дня, а скорее всего, директор укладывается в понятия — опережение, запас, направление… и другое…

Директор обязан уметь сегодня за целый день сделать одно, с виду, может, очень маленькое дело, пусть даже пустячное, но дело, которое протолкнет завтра кучу больших и объемных служебных дел… Не проходите мимо такого дела, директора! Бросьте все, оставьте всех, и вы выполните это маленькое дело, пусть даже личное, и вы добудете, пусть даже за целый день, но не даром прожитый, самое главное, что может пригодиться на долгие дни потом — настроение!

По секрету сказать, попасть на просмотр новых кинофильмов мне удалось еще неделю назад, конечно, в ущерб личному времени, с группой профсоюзных лидеров города. Но зато, как оно, это потраченное, но сохраненное личное время понадобилось мне сегодня утром! Я боготворю подобные переносы! Это есть не что иное, как творчество жизни. Людей, живущих так двадцать четыре часа в сутки, я назвал бы поэтами жизни… И как жаль, что я, да и многие мы, редко бываем такими организованно-свободными!.. Это своеобразная гармония, музыка. Сотворение судьбы собственными руками…

Итак, я поспел на работу к двум часам дня, и поспел в замечательном настроении, сохраняя на своей груди Викино тепло.

— Сергей Александрович, спасибо! — окликнул меня Палыч в малом фойе. — Вы спасли сегодняшний фильм — реклама на месте!

— Что вы, Палыч, не за что! — ответил я легко и свободно.

Я теперь все чаще стал замечать, что, как только у меня появляется женщина, все вокруг преобразуется в какую-то благосклонность, уважительность, доброжелательность…

Вот и теперь все работники мне вокруг улыбались, и я себя чувствовал очень уютно в кинотеатре. Но мое настроение как бы

спохватилось, заворожило меня еще больше, когда я увидел Лидию Ивановну, уборщицу, и услышал, что она уже целый час как готова ехать в больницу к Наташе!..

Не долго думая, я позвонил Степану, подвозчику кинофильмов от кинопроката. И уже через полчаса я и Лидия Ивановна ехали с ним в машине. По дороге в больницу я исподволь выведал, в какой палате лежит Наташа, но все-таки заметил, как Лидия Ивановна один разок искоса глянула на меня. Наверное, меня выдавала моя излишняя озабоченность. Но я был слишком счастлив, вспоминалось, как я не мог надышаться поцелуями Вики все утро, и потом я уже предвкушал таинственность, встречу с Наташей, ведь счастье, как и беда — не приходит одно!

Мой дальнейший план был очень прост, я довез Лидию Ивановну до больницы, а сам как бы по делам поехал в кинопрокат, пообещавши вернуться в больницу через час. Через час я действительно вернулся, отвез Лидию Ивановну обратно в кинотеатр, но на этот раз проявил может быть излишнюю холодность в отношении Наташи и снова вызвал косой взгляд в мою сторону Лидии Ивановны.

Теперь путь к Наташе был свободен, я помог выбраться из машины старушке, а сам тут же вернулся в машину и уговорил Степана опять вернуться в больницу, сославшись на то, что уборщица забыла там свою сумку.

Возле больницы я попрощался со Степаном. Я поблагодарил его, но отказался от его предложения отвезти меня обратно в кинотеатр. И он уехал.

И вот я поднялся по бетонным ступенькам на крыльцо больницы и постучался в окошечко, врезанное в деревянную дверь. Потрескавшаяся фанерка отодвинулась, окошечко открылось.

— Вам что нужно, молодой человек? — прозвучал ядовито голос вахтерши.

— Я хотел бы навестить Наташу из палаты номер девять, как можно вежливее попросил я.

— Как фамилия? — поинтересовалась вахтерша.

— Моя? — переспросил я, с ужасом соображая, что фамилии-то Наташи я не знаю.

— Фамилия Наташи? — насторожилась вахтерша.

— Такая же, как и у меня, — ответил я, глупо улыбнувшись, продолжая думать, как же выкарабкаться из этой ситуации.

— Так ты жених, что ль?! — воскликнула пренебрежительно вахтерша.

— Да, — тут же ответил я, и только после своего ответа

понял, что я ответил правильно.

— Ну, а что тогда голову морочишь?! — зло возмутилась вахтерша.

Что-то щелкнуло за дверью, видимо, железная задвижка, и одна половинка двери открылась настежь.

— Заходи, — послышался из-за второй, закрытой половинки двери теперь почему-то безразличный голос вахтерши.

Я робко зашел в полутемный коридор. Стены вокруг были не выкрашены, а словно измазаны зеленой краской с желтым отливом. Вот уж поистине: каков человек — такие и стены вокруг него! Ядовитые стены — ядовитая вахтерша.

— Вон на вешалке халат, одевай! — словно огрызнулась в мою сторону вахтерша.

Я поспешно надевал халат, оглядываясь по сторонам.

— На втором этаже девятая, — сказала вахтерша, отчаянно зевая.

— Спасибо, — тут же поблагодарил я. Вахтерша меня жутко раздражала, хотелось поскорее избавиться от ее взглядов. Не застегнув халат, я пошел быстрым шагом.

— Молодой человек, — словно выстрел в спину остановил меня все тот же ядовитый голос. — Так фамилия-то как? — Я оторопел. Я уже начал медленно спускаться с первых преодоленных мною ступенек, спокойно осознавая свое поражение, но желание навестить Наташу во что бы то ни стало клокотало во мне, как вдруг:

— Маргарита Львовна! — послышался женский голос над моей головой.

— Да! — выкрикнула раскатисто вахтерша.

— Вы будете покупать эту кофточку, если нет, то Галина Васильевна покупает! — снова прогремел женский голос, он усиливался акустикой ядовитых стен. Видимо, женщине лень было спускаться со второго этажа, и она вела переговоры с вахтершей, перевесившись через перила.

Я воспользовался случаем и через какие-то мгновения проскользнул мимо медсестры, которая громко перекрикивалась с вахтершей. Медсестра не обратила на меня никакого внимания.

Я торопливо зашагал по коридору, считывая номера палат с табличек. Я каждую секунду ожидал, что меня снова окликнут в спину. Но медсестра и вахтерша были заняты своим делом, и я свободно передвигался вдоль коридора к заветной цели: палате номер девять. Я подошел к ней и сразу же, не раздумывая, тихо постучал в дверь.

Мне не ответили. Тогда я приоткрыл дверь и заглянул в палату: на широкой деревянной кровати лежала Наташа: она

спала. Больше в палате никого не было. Я на цыпочках зашел в палату и осторожно прикрыл за собою дверь. Я приблизился к Наташиному изголовью.

Даже сегодняшнее свидание с Викой не могло удержать меня. Я заронил эту девушку в свое воображение там, у хижин, у свадебных машин, и лишь только сейчас, здесь, в больнице, я начинал понимать, что я влюблен, и может быть, безнадежно, навсегда. И эта безнадежность неухоженной робостью замерла у изголовья Наташи сейчас…

Что — устремленность к Наташе или к тайне минуту назад осторожно прикрыла за мною дверь в эту палату? Но лишь спустя много-много времени, когда я порядком изведаю мыслительные тропы насущных дней и ночей, я пойму, что любовь и тайна одно и то же на свете. А пока я еще не знал об этом…

Неожиданно Наташа открыла глаза, словно ожидала. Как же она была хороша! Вьющиеся волосы обрамляли безмятежное лицо.

— Сережа, — промолвила она шепотом, — я ничего не понимаю, обними меня, пожалуйста, мне страшно, я боюсь тебя.

Я подошел совсем близко, присел на краешек кровати, нагнулся к Наташиному лицу, и мы начали перешептываться.

— Все прояснится, — сказал я, — не бойся меня, все прояснится…

— Ты думаешь? — с напряжением в голосе спросила Наташа, — а ты, случайно, не призрак?

— Нет… Я настоящий.

— А я, может, призрак?

— Нет, ты тоже настоящая, видишь, я глажу твои волосы и ощущаю их нежность, а сейчас ты ощущаешь мою ладонь у себя на щеке. Ведь правда?..

— Да, твоя ладонь настоящая, и я даже могу дотронуться до нее губами.

— Как твоя фамилия, Наташа, а то вахтерша не пропускает меня.

— Сказкина, а твоя?

— Истина, Сережа Истина…

— Истина, — повторила Наташа. — Это правда?

— Да.

— Серьезная фамилия, ты не находишь, Сережа?

— Наверное, так, а твоя фамилия очень ласковая, Сказкина.

— Истина рождается тяжеловесно, вырывается из тьмы, освобождает свои крылья из тины невежества, — прошептала задумчиво Наташа.

— Откуда это? — поинтересовался я.

— Я не помню, — отрешенно ответила Наташа, — пришло в голову просто сейчас, — она вгляделась в мои глаза. — А я тебя уже не боюсь. Ты словно родной мне человек…

— У нас есть тайна, общая тайна. Она объединяет нас, Наташа… Ты помнишь хижины?

— Не надо об этом, Сережа, пожалуйста, мне снова становится страшно…

Мы замолчали и долго смотрели друг другу в глаза. Наши чувства и наши мысли будто переплетались.

— Я видела тебя вчера, Сережа, — первой снова зашептала Наташа.

— На площади поселка у свадебных машин?

— Нет, — и я внутренне насторожился, такой поворот меня напугал. „Нет“ — это значит, что Наташа видела меня в другом месте, но где и как, ведь вечером вчера она находилась уже здесь, в больнице!..

— И где же ты меня видела?

— В твоем дворе…

— А-а, возле хижин, — обрадовался я, но по глазам Наташи я понял, что обрадовался напрасно. Возле хижин мы виделись в том, замысловатом сне, тогда где же она могла меня видеть? Я насторожился еще больше. Дыхание, затаившись, пружинило у меня в груди.

— Я видела тебя вчера вечером в твоем дворе на футбольном поле, — я вслушивался в каждое ее слово. — Ты возвращался откуда-то домой очень печальный и несколько минут постоял на футбольном поле. Я подошла и поцеловала тебя, а ты отшатнулся от меня и так поспешно ушел…

От этого признания Наташи, в свою очередь, мне стало жутковато… Уж не призрак ли, действительно, Наташа? И я снова погладил ее волосы и прикоснулся к ее щеке ладонью.

— А потом появился какой-то туман, — сказала Наташа. Я увидела людей в белых халатах, один из них хлопал меня по щекам, я поняла, что приоткрыла глаза. Меня тошнило и очень кружилась голова…

— Можно, я буду тебя навещать? — прошептал я.

— Да, конечно… — утомленным голосом ответила Наташа. — А сейчас уходи, пожалуйста, я постараюсь уснуть. — Она закрыла глаза.

Через три месяца

— Ну, как? — спросила Аня, когда мы вышли из Дворца культуры.

— Неплохо, — ответил я. — Думаю, что парткому понравится.

— Господи, как же я устала от этих репетиций! Хочется отдохнуть…

— Пойдем что-нибудь выпьем в летнем кафе, — предложил я. Аня посмотрела на часы:

— У меня в запасе только один час.

— Только час? — переспросил я.

— Да, а потом надо зайти в детский сад, за Аленкой.

— Аленка, это кто?

— Это моя дочь.

— Ясно…

— Ну что, идем в кафе? — переспросила Аня.

— Да, — решительно ответил я.

Мы взяли по чашечке кофе, по стакану густого лимонного сока и присели за столик в самом углу решетчатой беседки. В кафе почти никого не было, звучала негромкая музыка.

— Нет, в самом деле, тебе понравилось или ты просто не желаешь разочаровывать меня? — спросила Аня.

— Конечно понравилось. К чему беспокоиться… Я не привык обманывать себя, строить взаимоотношения на похвальном похлопывании по плечу… Впрочем, одно место я, вероятнее всего бы, скорректировал, — и я улыбнулся…

— Какое? — спохватилась Аня.

— „…за правду, за труд!..“ Ты помнишь эту фразу, она звучит в конце второй части?

— Да, — ответила Аня, недоумевая. — Но что же здесь плохого?

— В самой фразе плохого ничего нет. Только вот в слове „труд“, буква „дэ“ звучит как буква „тэ“, и на слух „труд“ слышится как глагол „трут“. А там еще и „за“!.. Вот и получается — „затрут“. И вся фраза воспринимается не иначе, как „… за правду — затрут!..“ — Аня улыбалась, придерживая ускользающие из-под ее тонких пальцев губы. Я вначале тоже сдерживал порывы своей улыбки усилием воли, старался быть серьезным. Но мы все-таки весело расхохотались, не обращая внимания на окружающих! А впрочем, никому не было дела до нас…

— В самом деле, а что же делать? — успокаиваясь, спросила Аня.

— Думаю, — ответил я, — надо скорректировать фразу так: „… за правду и за доблестный труд!..“

— Спасибо за подсказку, — ласково поблагодарила меня Аня. Она отпила лимонный сок, сделала пару глотков, поставила стакан перед собой и о чем-то задумалась. Мы немного помолчали. Мы оба смотрели через решетчатую стену кафе на

улицу. Поодаль от нас шумела автострада. Машины, словно механические существа, изворачивались на повороте в порывах ветра и, подсигналивая, обгоняли друг друга; иногда какая-нибудь из них, чтобы пропустить торопливого пешехода, резко притормаживала, припадая на передние колеса, и, когда рассеянный пешеход давал стрекача, машина, весело взвизгнув шинами по асфальту, снова уносилась вдаль.

Аня и я, молча, небольшими глотками, отпивали из чашек очень горячий кофе, густой, словно жидкий шоколад, запивали кофе холодным лимонным соком и смотрели на автостраду…

— Я прочел рассказ о любви, — сказал я, нарушив наше уже загустевшее молчание.

— Ты без любви, — утвердительно и как-то отрешенно определила Аня и откровенно посмотрела мне в глаза.

— Как ты это чувствуешь? — недоверчиво спросил я, потому что не поверил Ане, потому что уже не хотел я ей верить на этот счет. Там, в больнице, у изголовья Наташи, я уже почувствовал рождение ранее действительно неведомого мне чувства. Я еще не мог с точной уверенностью сказать, что это любовь, но я уже не мог не ощущать ее сладкий, еще ослепительно размытый контур… Я посмотрел на Аню выразительно и недоверчиво покачал головой.

— Но твоя любовь где-то очень близко, рядышком. Только протяни ей навстречу руки, и ты сможешь ее обнять, — тут же добавила она.

С минуту мы снова молчали. Теперь меня что-то сковало изнутри. Мысленно я подыскивал новую тему для разговора. Мне вспомнилась первая встреча с Аней в моем рабочем кабинете, но следующий мой вопрос, как я ни старался, прозвучал как-то неохотно, неуверенно.

— Аня, — тихо позвал я девушку. Она подняла опущенные глаза и оперлась взглядом на меня.

— Аня, — спросил я, — что ты имела в виду, когда говорила, что символ „вы“ имеет право на земное существование? Насколько я понял тогда, ты все-таки чего-то недоговорила!..

Аня словно пришла в себя, как-то приободрилась и повеселела. По всему было видно, что она благодарна мне за то, что я не продолжил мучительную для нее тему.

— Сейчас я тебе все постараюсь объяснить, Сережа… Ты правильно догадался, а я в самом деле недоговорила тогда. Но сам понимаешь: из-за стола рекомендуется вставать, когда еще хоть немножко ощущаешь голод, а разговор на какую-то тему, на мой взгляд, надо останавливать, когда еще есть хоть немного недосказанности.

— Хватит философствовать, — улыбнувшись, вмешался я, или ты опять хочешь ускользнуть от ответа?

— Вовсе нет, — шутливо продолжила Аня, — но оправдаться лишний раз не грех! Итак… Ты, конечно, в курсе, что наш мозг состоит из двух полушарий? — Аня прищурилась…

— Обижаешь! — вдохновился и я.

— Так вот, — продолжила Аня уже серьезно, — ученый мир доказал, что каждое из полушарий предрасположено к более или менее определенному роду деятельности. Каждое из них может работать самостоятельно.

— Значит в человеке получается как бы два человека! Ты это имеешь в виду? — спросил я.

— Да, — ответила Аня. — И вот что: надо развить свои полушария так, как предлагают ученые, чтобы они работали на равных. Но, все-таки, в зависимости от жизненной ситуации, какому-то из полушарий необходимо уменьшать свою деятельность за счет увеличения деятельности другого, соседнего; вплоть до полного включения другого в это время. Тогда символ „вы“ оправдывает свое земное существование, потому что в человеке начинает жить попеременно, или согласованно, или на равных два человека. Но этого состояния может достичь только тот, кто научится владеть полностью своими эмоциями, страстями, ощущениями и даже мыслями. А это подвластно лишь человеку с высоким развитием интеллекта, согласись. Мне далеко не каждому хочется сказать „вы“, все больше — „ты“, тому, кто совершенно не владеет собою, ближе к животному сословию, чем к человеческому…

— Да-а, Аня… — проговорил я, — интересные, честно говоря, права на земное существование у символа „вы…“, интересные…

Мы переглянулись.

— А что такое „астральное тело“? — спросил я неожиданно даже для самого себя. И вообще я стал в последнее время замечать, что я частенько говорю первое, что приходит в голову, не раздумывая, будь то вопрос или ответ. Аня как-то особенно выразительно посмотрела на меня и тоже спросила:

— Почему у тебя возник такой вопрос?

— Читал книгу Гуревича „Возрожден ли мистицизм?“ и там наткнулся.

— Ну что же, — сказала Аня, — тогда слушай.

Наш мир, а точнее мир вообще, делится мистиками, условно конечно же, на три взаимосвязанные, составляющие одно целое, части. Это ментальный, астральный и физический планы. Ну, физический план, с ним проще! Мы, то есть, наше тело физическое, находится в нем непосредственно — это мир форм.

Астральный план, — это мир образов и чувств. Ментальный — мир мыслей, идей. Вот, например, у художника появляется идея написать картину, идея формируется в ментальном плане, переживается, воображается в более или менее конкретной форме в Астрале и, наконец, реализуется в физическом плане, то есть пишется художником на холсте красками…

— Не значит ли это, что существует и ментальное тело? спросил я, оживившись.

— Совершенно верно! И ментальное тело тоже существует.

— Интересное дело! — охотно обрадовался я своему открытию. — А нельзя ли подробнее?

— Можно и подробнее! — одобрительно ответила Аня. Астральное тело также реально, как и физическое. О ментальном пока говорить не буду, о нем как-нибудь потом. Астральное тело не имеет определенно канонизированной формы своего существования, как наше физическое тело, а может, по желанию его обладателя, принимать любую форму, доступную нашему воображению.

— Как это? — удивился я.

— Очень просто, — продолжала Аня, — оно может принять форму, например, большого и маленького шарика, форму любого предмета, растения, животного, а так же форму физического тела, находящегося в физическом плане…

— Недавно я узнал, что мой двоюродный дед был колдун. Он жил в сорока километрах от Каспийского моря. Рыбаки из окрестных деревень не брали его с собою в плавание, потому что огненные кошки бегали по палубам, карабкались на мачты, огненные птицы преследовали корабль и нападали на рыбаков, до смерти их перепугивая. Как объяснить это, Аня?

— Это чисто астральные проказы, шалости. Видимо, твой двоюродный дед умел выводить, в качестве подчиненных ему, целые группы людей в астральный план. Он умел так сильно притягивать Астрал…

— Слушай, удивительные вещи ты говоришь, — задумчиво подытожил я и сделал последний глоток лимонного сока.

— Удивительного здесь ничего нет. Просто для тебя это все в новинку, необычно. — Аня посмотрела на свои часы и всплеснула руками:

— Все! Пора идти за Аленкой. Ты меня проводишь до остановки?

— Да, конечно же, провожу, — ответил я озабоченно.

Мы поспешно поднялись из-за стола и торопливо вышли из кафе.

Письмо из Москвы

„Здравствуй, Сергей!

Вот наконец-то пишу тебе…

Жаль… все-таки очень жаль, что ты не поступил. Помнишь, на абитуре — сидели-гадали по ночам — кто поступит?

Вот теперь все ясно…

Да, тебе все-таки нужно было, конечно, поступить — все же образование есть образование. Хотя все зависит в первую очередь от самого человека… Это тоже верно…

И я знаю — ты человек сильный, и поэтому я все-таки за тебя как-то не боюсь особенно… Ну, дай Бог…

Как хоть ты жив-то?

Собираешься ли в ближайшее время в Москву? Обязательно, обязательно заезжай! Я живу в 526-й комнате с третьекурсником

Да, Мысивчик поступил. Живет в 511. В колхозе еще как-то общались, но потом у нас произошел с ним ряд обострений и сейчас отношения весьма сдержанные… Да, в общем-то этого и следовало ожидать.

Курс наш получился неважный. Особенно это проявилось уже в колхозе.

И, может быть, еще и потому так обидно, что ты-то так и не поступил…

Курс абсолютно разрозненный, группировками. (Хотя сейчас слегка это сглаживается.)

Публика наша — или люди не очень далекие, или же позеры, скоты, важничающие „гении“, или ни то, ни другое так, просто…

Хотя, конечно, есть и хорошие ребята, но… их так мало, очень мало…

Такие вот дела, Сергей…

Лекции, конечно, сильные. Очень интересные преподаватели. Уровень высокий. И что самое главное, не банальный. (За исключением преподавателя по истории КПСС — тут морали.) Да что рассказывать, — приезжай, сходим вместе. Может, решишь на будущий год снова поступать. У нас очень много здесь ребят и девчонок, которым в районе 30 лет (есть и 32, 33).

Хотя, — кто его знает… Смотри сам.

Да, у нас на днях восстановили в Литинституте одного преподавателя (его попросили уйти два года назад, но сейчас студенты-старшекурсники добились у нового ректора его возвращения), — так вот. Это доктор философских наук Куницин. Слышал ли ты что-нибудь о нем? Дело в том, что вчера в общежитии в „клубе молодого литератора“ (есть у нас такой!) была встреча с ним. Так вот, — он занимается космологическими проблемами параллельно со своими философскими трудами. Очень, очень, умный. Прекрасно знает научные труды

Циолковского, Ефремова.

Так же очень хорошо (!) знаком с трудами Козырева о времени и о пространстве. (Помнишь, ведь ты говорил о нем…)

Еще говорил о неком французском ученом — Ф. де Шардене. (Слышал ли ты о нем что-нибудь?)

Вообще — все было довольно смело. И не только просто смело, но и умно. То есть то, что он говорил — все можно было понять вполне, но каждый в каком-то своем свете. Одним словом пересказать, конечно, невозможно…

Ну, а Москва… — есть Москва. Я тут бегаю, пытаюсь ускоренно впитывать высокую культуру, которой так недоставало там, у себя в провинции. А ведь сколько тут пробудешь — тоже неизвестно. Гарантии нет, что не вылетишь сегодня-завтра по какой-нибудь причине. У нас с курса уже одного успели отчислить — был задержан милицией в Москве — пьяный. И — все…

Такие вот дела… Так что я и спешу…

Да, — слышал ли об Еремее Парнове — он занимается Тибетом, Гималаями, путешествовал много. Страну Шамбалу искал. Если слышал — что думаешь об этом?

Был на днях на выставке картин Николая и Святослава Рерихов. Очень сильно. Так у Николая Рериха тоже есть картины, навеянные Шамбалой…

Хотя что об этом говорить в письмах. Надо, конечно, разговаривать.

Напиши, Сергей как у тебя? Как работа? Чем занимаешься? Как с творчеством? Что нового? Когда приедешь?

Пиши, давай не ленись.

До свидания!

Твой друг Юра Божив“.

Это письмо мне очень помогло отключиться от окружающей меня обстановки, ведь я находился в областном кинопрокате, сидел в суматошном коридоре на мягкой, обтянутой дерматином лавке, а рядом со мной, будто коряга на берегу, мужчина, в грязных сапогах и в пиджаке, с галстуком красного цвета на фоне темно-синей рубашки; он постоянно пытался исподтишка заглянуть в текст письма. Этого мужчину я видел впервые, видимо, приехал из какого-то села…

Я ожидал своей очереди на прием к методисту кинопроката, надо было утвердить репертуарный план моего кинотеатра на следующий месяц. После прочтения письма, как ни приятно мне было поразмыслить на близкие, дорогие мне темы, упомянутые другом, все же пришлось вернуться к реальности! Через несколько минут мне предстояла стычка с методистом.

С некоторых пор он меня невзлюбил!

Дело в том, что с Палычем за последнее время у меня произошел ряд конфликтов, а здесь, в областном кинопрокате, его, как говорится, каждая собака знает. Они его даже почетными грамотами не раз награждали.

Как только начались конфликты, меня, как это принято в бюрократических кругах, принялись учить уму-разуму, послушанию: фильмокопии получать кинотеатр стал отвратительные, низкой категории, да и сами фильмы ставились в план завалящиеся, не кассовые; уповалось на то, чтобы я подошел к Палычу, с которым не разговаривал, и, унизившись, попросил бы его посодействовать, замолвить словечко в кинопрокате, заменить завалявшийся фильм на хороший, кассовый… Премию кинотеатр не получил впервые за много лет. Прежние директора были более покладистые, и даже, как я случайно узнал, ставили Палычу коньяки за услужливость, но мне это было противно, и я не носил цветы и шоколадки в кинопрокат! Сотрудники кинотеатра смотрели на меня уже косо — ведь их ударили по карману! Зрители после сеансов — отплевывались…

И всем было невдомек, что плохой звук и рваное изображение во время сеансов на экране и невыполнение плана — это всего лишь бюрократические курсы послушания, курсы по раздавливанию личности директора…

Я чувствовал уже тогда, что с каждым днем все настойчивей увлекаюсь мистикой. Я уже начинал догадливо сопоставлять, что чем больше я углубляюсь в сокровенные науки, тем больше на меня обрушивается какое-то злобное негодование мира сего! Меня обругивают, поучают, я все больше и чаще встречаю раздраженных людей, у меня все время что-то ломается, не получается, не устраивается, я порою начинаю задыхаться без одиночества, которое необходимо в определенной дозировке каждому нормальному человеку, вокруг бурлят какие-то пустяки, за руки и за ноги держат меня, удерживают, не отпуская туда, куда я хочу, они заставляют меня бесцельно двигаться, говорить, кричать, раздражаться, озлобляться, но самое страшное, что я все чаще спотыкаюсь на ровном месте, и это становится злорадной нормой для окружающих! Порою мне уже кажется, что люди мне делают гадости специально, с каким-то тайным смыслом и наслаждением!

Алкоголик

Я шел из кинопроката грустным, в кинотеатр ехать не хотелось, и я медленно пересекал осенний парк. Ярко-желтые листья вспыльчиво шуршали по асфальту аллеи, шарахались

прочь от моих ног. Я пришел на закравшуюся под нависший козырек кустарника скамейку и, словно обняв ее за широкие плечи, раскинул руки в стороны. Всем телом облегченно откинулся я на деревянную спинку и зажмурился…

На улице еще было довольно тепло, но уже ощущался едва уловимый запах изморози. Чувствовалась и скрыто переживалась неотступность приближения зимы, как чувствовалась и переживалась неотступность приближения моей встречи с Наташей…

После того моего единственного посещения Наташи в больнице я больше ее не видел. Недавно через уборщицу я узнал, что Наташа выписалась домой. Но как мне теперь с ней свидеться? Не забыла ли она меня, да и нужен ли я ей?… Если бы не этот непредвиденный карантин в больнице! Сколько же я раз хаживал взад и вперед под окном ее палаты. А потом замотало меня. Мир вокруг, действительно, словно взбесился! Все мешает и злит, норовит вывести из себя, из духовного равновесия…

Однако я определенно сознаю, что Наташа, как и я, тоже полна ожидания встречи.

Вика все чаще приходила ко мне домой, и мы проводили утренние часы с нею в постели. Но все же я не забывал о Наташе, она неотступно присутствовала в моем сознании. И совесть все чаще заедала меня: я не хотел потерять Вику, но я не мог и забыть Наташу! Случалось, что я неожиданно ускользал от Викиной ласки, взамен говорил какую-то чепуху, ссылался на плохое настроение или на торопливость каких-нибудь служебных обстоятельств, требующих моего безотлагательного присутствия.

Но как только я подобным обманом, а я человек совестливый, уходил от Вики, так совесть моя утяжелялась, и уже не одна, а две иконы неотступно преследовали мое настроение: Наташа и Вика…

Часто мне казалось, что я очень люблю Вику, а Наташа это некий символ, который одухотворяет меня в моей любви. Но как я глубоко ошибался!..

Наташа, как ангел-хранитель, берегла меня, она печально и нежно заглядывала мне в глаза… А Вика осторожно подозревала, не докучала капризами, но озабоченно укоряла, поглядывая на меня с моей воображаемой иконы…

Ко мне на лавку подсел какой-то мужчина: на лице щетина не брился дня три или четыре, небольшой черный дипломат бережно положил себе на колени.

Он даже не посмотрел в мою сторону, а так, уставившись взглядом куда-то сквозь асфальт, спросил:

— Составишь компанию?

— В смысле? — в свою очередь спросил я.

— Выпить хочешь?

— Нет, — отрезал я, но, видимо, это у меня получилось неуверенно.

— Напрасно, — сказал мужчина.

Он осторожно приоткрыл дипломат и вытащил оттуда непочатую бутылку водки, стакан, ломтики сухой колбасы, с полбулки нарезанного хлеба. Всю эту кухню он разложил на газете возле себя, сорвал лезвием складного ножичка жестяную пробку со „столичной“ и, налив себе грамм сто, преподнес стакан к губам:

— Твое здоровье! — сказал он в мою сторону и тут же, в одно мгновение, опорожнил содержимое стакана.

На какое-то время он затаился, словно ожидал пожара в своем желудке. Потом, будто по системе йогов, он шумно выдохнул из легких весь воздух, и у него получилось: ха-а-а…

Я слегка поморщился и сглотнул слюну. Настроение у меня было никудышное и я, не удержавшись, попросил:

— Налей пол-стаканчика…

Сосед по лавке воспринял мою просьбу с пониманием, и, как само собою разумеющееся, он не говоря ни слова аккуратно налил из бутылки пол-стакана и для меня.

Я подсел поближе, взял стакан и тоже залпом проглотил его содержимое.

— Бери колбасу, закусывай, — предложил мне мужчина.

Я сделал себе бутерброд… Пару минут мы оба молчали… Мы сосредоточенно жевали закуску и многозначительно переглядывались.

Теперь я чувствовал какую-то зависимость от своего неожиданного компаньона, простодушную обязанность перед ним.

Так бывает часто: приобретет для тебя билет в автобусе отзывчивый пассажир, сделает вроде бы пустячное дело, выручит, потому что у тебя в этот момент не оказалось мелочи в кармане, казалось бы — радуйся и будь доволен, а нет же, всю дорогу состояние такое, словно крохотную частицу твоего „я“ купили за пять копеек, и до той остановки, на которой ты выйдешь, владеет этой самой крохотной частичкой твоего „я“ тот пассажир, отзывчивый и любезный… Я не знаю, может, это только я себя так ощущаю в подобных ситуациях… Что поделать… Или я болезненный себялюб, или я слишком застенчивый…

По крайней мере, в тот день, когда я сидел в парке на скамейке, „автобусное“ чувство заставило меня первым нарушить зябкий, бессловесный уют парка.

— У вас тоже плохое настроение?

— У меня? — переспросил компаньон. — Гм… Отличное! Иначе не сидел бы я здесь, с вами, молодой человек, и не пил бы эту гадость! — Он шутливо поморщился.

Я улыбнулся в ответ. Хмельное вдохновение, словно молоденькая и обаятельная девушка, которую я поманил, присело ко мне на колени. Но я еще не прикасался к ее прелестям, а только наслаждался ее прикосновениями ко мне. Все начинало оживать вокруг, ветер в порывах радости шелушил опавшую листву на асфальте; дотрагивался до меня острыми сучками кустарника, некоторые его ветки небрежно висели у меня над головою и как бы заигрывали с моими волосами. Теперь я был немножко пьян.

— Пить надо уметь, молодой человек, — сказал компаньон и многозначительно добавил: — Пить, — это все равно как правильно есть, дышать, бабу ощупывать.

— А вы философ! — отметил я, чувствуя, как девушка, тоже хмелея, нашептывает мне выпить еще пол-стаканчика водки. Тут я уже предложил сам:

— Может, еще по пол-стаканчика?..

Компаньон шмыгнул носом и, опять же, не комментируя свои действия, плеснул из бутылки в стакан сто граммов свежей серебристой водки. Почувствовав жажду, я с жадностью приник к граненому стакану, словно к прохладным губам девушки. На этот раз я пил водку небольшими глотками, испытывая необъяснимое удовольствие. Набив рот колбасой и хлебом, с трудом прожевывая, я размеренно проговорил:

— Хашо…гда…се…хашо!

Компаньон ничего не сказал в ответ, а только налил себе очередные сто граммов и, как и в первый раз, быстро выпил их. Я наконец прожевал колбасу с хлебом и расслабился, откинувшись на спинку лавки. У меня уже было хорошее настроение, и я мечтательно окинул парк влюбленным взглядом.

— Так вы говорите: „Пить надо уметь…“ — обратился я к компаньону.

— Да, — сказал он.

— А вы умеете пить?

— Я, молодой человек, умею пить… Несколько заповедей для алкоголя мною опробированы на своей собственной шкуре, и за них я могу поручиться.

Это меня заинтересовало:

— Неужели и алкоголь тоже наука?

— Да, молодой человек, не сомневайтесь, это наука, и еще какая!

Это становилось забавным.

— Гм… И вы можете со мною поделиться этой наукой?!

— Отчего же не поделиться!

— Тогда я весь внимание, — сказал я, приготовившись слушать.

— Что ж… Начну с того, что алкоголь — это все равно что форточка, — заговорил компаньон. — Открыл форточку и проветрил свою душу… Душа человека, она ведь, так же как и его тело — много выделений имеет. Они со временем накапливаются. И, я вам скажу, молодой человек, если душу вовремя не проветрить, — задохнуться можно! Однако здесь надо обязательно помнить и придерживаться следующего: форточку эту не везде и не всегда открывать можно. Вы меня извините, но если вы откроете эту форточку в сортире или там еще где, в каком зловонном месте, а?

Я пожал плечами.

— То-то! — продолжал компаньон. — Эту форточку открывать следует в хороших местах, где много свежего воздуха, простора и любви…

Мой компаньон замолчал.

— А как же узнать, когда открывать эту форточку? спросил я.

— Когда открывать? — задумчиво переспросил компаньон. Для каждого человека срок разный: одному и в год одного-двух раз достаточно, другому — чаще… По мне, так и в месяц один-два раза — обязательно!

— И все-таки, как это почувствовать? — не успокаивался я.

— Ну, никогда нельзя пить понемногу, а всегда надо напиваться! Однако, чтобы голова все соображала… Тут политика! Выпьешь немножко — быстро хмель сойдет, завтра еще захочется, а значит становишься рабом, алкоголиком. А если не алкоголик, то очень долго мучишься от соблазна выпить. Водка должна на пользу идти, а тут одни муки будут; либо пить все время хочется и пьешь, либо не пьешь, держишься, а пить хочется! Вот что значит не допить!.. Но и перепивать — тоже плохо! Выпьешь много — отрезвеешь, глядь, а ничего не помнишь! Пьянку — всю помнить надо! А еще, когда слишком много выпьешь, то и здоровье испортить можно, и потом выпить уже долго не сможешь; нужно будет выпить, а откажешься, а если и не откажешься, то пьянка эта — не в радость тебе будет. А что же это за пьянка, коли не в радость! А?!

— Да, конечно, вы правы, — согласился я.

— Тут, в выпивке, золотая середина нужна. Наука, еще какая наука это!.. Значит вот от того, сколько ты выпьешь, немало зависит и то, когда тебе опять пить надо будет… Но это только

одна сторона дела.

— А другая? — осведомился я.

— А другая, хм… — компаньон сплюнул себе под ноги жилистые остатки колбасы, — хм… - подумал он еще немного. — А другая… Понимаешь, у всех по-разному душа загаживается. Здесь многое зависит от того, какой у тебя характер, в какой атмосфере ты вращаешься. Атмосфере, ну это значит — кто тебя окружает, — пояснил он.

— Да это понятно, понятно, — подытожил я.

— Да нет, молодой человек, тебе еще не совсем понятно… Так вот, как только появится первая мысль, что тебе хочется выпить, так ты сдержи ее, успокоив себя тем, что ты обязательно выпьешь, но не в этот раз!.. Вторую мысль тоже придержи. А вот третьей мысли не дожидайся, ни в коем случае! Сам возьми и выпей… Здесь, вот как на лезвии бритвы, ни передержать, ни поспешить нельзя!.. Передержишь, жажда появится, страсть, а поспешишь, на поводу у желания пойдешь, а это — тоже страсть!.. В этом деле, — тут компаньон звучно щелкнул себя по горлу, — самостоятельность нужна.

Он налил мне еще водки. Я выпил и закусил. Остаток водки компаньон выпил прямо из бутылки и тоже закусил…

— Складно вы рассказываете про водку, — сказал я.

— Складно только врут или сказки сочиняют, — сказал он и улыбнулся.

— Не обижайтесь, я не так выразился!

— Да ну, — махнул он рукой, — я не обижаюсь!

— Ваш опыт не очень-то обычен и по-хорошему удивителен!

— Да, это верно, молодой человек, а ко всему прочему, он еще и необходим людям, не только мне.

— И я тоже так думаю! — подтвердил я.

Мне было приятно хмелеть в этом полу-зябком парке. Компаньон достал из черного дипломата еще одну непочатую бутылку водки.

— Продолжим? — предложил он.

— Прррродолжимм, — каким-то клейким голосом ответил я.

И мы выпили еще по пол-стаканчика, и я совсем расслабился.

— Ну, хорошо!.. Когда надо пить, я для себя уяснил… А вот… Где? Где пить, — это в тумане… в тако-о-м большом тумане, а?.. Ведь правда?..

— Ну, вот я с тобой пью сейчас, что ты думаешь, просто так, что ль? — сказал компаньон.

— А… Я понял, — сказал я. — Вы хотите меня ограбить, да?

— Молодой человек! Ваша норма уже на грани! предупредил он.

— Понял… — сказал я, — это я так, сдуру! Но все равно вы так и не ответили мне?..

— Пить надо только с хорошими людьми или одному, утвердительно сказал компаньон.

— Значит я… Я хороший человек! — сказал я и подтвердил это еще раз. — Я хороший человек. С этим я согласен!

Компаньон выпил еще пол-стаканчика. Потом он взял бутылку с оставшейся наполовину водкой и выбросил ее в кусты.

— Что вы дела… — икнул я, — делаете?!

— А ничего. У меня уже норма! Остальное — за борт! Чтобы судно не потонуло, — он немного хохотнул.

Потом мы еще долго разговаривали, сидя на лавке, а когда прощаться стали, компаньон сказал:

— Норма — великая вещь! Она во всем нужна… И даже в любви…

По дороге домой я подумал, почему меня так манит Наташа? Наверное, — это страсть, страсть влюбленного, который всего несколько раз едва пригубил мгновения встречи с любимой… Но тут же я отшатнулся от этого вывода, как от фонарного столба, чтоб не ушибиться! Ибо с Наташей меня единило нечто большее, чем страсть, — нас объединяла тайна!..

— Что ж поделаешь!.. Не всякая наука совершенна в своем применении, — сказал я вслух уже воображаемому компаньону, обратив на себя внимание прохожих.

Наваждение

Под солнечным ливнем бабьего лета, в самом центре города, я, совершенно одинокий, еле волоча ноги, перешел пустынную улицу.

Она была очень легка под моими тяжелыми ногами. Каждым своим шагом я ощущал невесомость улицы, но он доставался мне нелегко. Мне казалось, я был таким тяжелым человеком, что каждый свой шаг должен был бы проваливаться по колено в землю, раздавливая асфальт, как пластилин! Вокруг не было ни единого прохожего, ни одного автомобиля. Город был пуст. Город был только моим… Совершенно никакого движения вокруг. Даже деревья опустили ветви под солнечным светом и замерли… В жизни каждого человека немало есть того, что, принадлежа всем, на самом деле принадлежит ему одному… Когда это поймешь станешь одиноким; когда это станет обычным — станешь неприступным; когда это перешагнешь — станешь человеком…

Одиноко… Я подошел к многоэтажному дому и прислонился к нему лицом. Я боялся, что он рухнет от моей тяжести… „Я уже устал жить без Наташи… Помоги мне, Господи, отыскать ее…“ Белый глянец мраморной стены прохладно примагничивал мои

ладони и лоб… „Помоги мне, Господи, отыскать ее…“

Я скользнул правой рукой, упругой и тяжелой, за угол здания, мраморная стена продолжалась и там, и вот… К моей руке кто-то прикоснулся! Неожиданно больно кольнуло сердце в груди.

Все еще чувствуя это прикосновение, я потянулся к нему всем своим телом. Преодолевая клейкий солнечный свет, я словно отодвинул от себя изгиб мраморного угла, и… о, Боже!.. Там стояла Наташа…

В белой фате, она пошатнулась вперед. В тот же момент я устремился к ней, и счастье ослепило меня!..

В одно мгновение вся моя тяжесть будто перетекла в улицу. Теперь улица стала свинцовой, а я и Наташа, словно два бумажных человечка, неслись, гонимые внезапно возникшим ветром, по этой тяжелой улице вниз, к набережной.

Через несколько мгновений мы очутились среди вороха серебристых бликов в комнате с видом из окна на зеркально колеблющуюся воду.

Я, так долго воображавший, но прозревший скульптор, любовался Наташей, как своим произведением, прикасался к ее удивительным изгибам плеч. Я словно вылепливал Наташино тело!

Я вылепливал черты ее лица, утонченную шею, гладил послушные руки. Я вылепливал ее смуглые груди.

В пляшущих тенях комнаты лицо у Наташи то вспыхивало солнечным светом, то выразительно заострялось. Наташа чутко улавливала и обвивала полудетскими руками каждое движение любви и наслаждалась им. Ей все было приятно и необходимо. Она ничего не отпускала от себя! Даже сладкие стоны свои она глубоко вдыхала в себя, и они отзывчиво пружинили по всему ее телу.

Мы оба поглощены одним наслаждением…

Время сомкнулось над нашими головами. Теперь мы лежали рядом, а вся остальная жизнь суетилась там, за ворохом серебристых бликов на потолке, за распахнутым окном во Вселенную Земли.

Знакомство

Давно прошло выступление агитбригады перед парткомом бетонного завода. Аню приняли в партию. Потом я еще несколько раз встречался с ней, разговаривали о многом, но в основном о проблемах психологии. Были и загадки, и таинственные намеки в ее словах, от которых я, бывало, не мог долго уснуть по ночам. Потом некоторое время мы не виделись и даже не звонили друг другу.

И вот в моем рабочем кабинете раздался телефонный звонок, в трубке послышался голос Ани:

— Здравствуй, директор!

— Здравствуй, — обрадовался я.

— Узнаешь? — спросила Аня так, словно: „Еще не забыл!“

— Еще бы, сразу узнал. Что так долго не звонила?

— А почему ты не звонил?

— Я?

— Ну ладно, не выпутывайся! Значит, так было лучше! помогла моему замешательству Аня и добавила. — Я теперь на другой работе!

— Что? — словно опомнился я. — Приняли во Дворец Здоровья?

— Да, можно поздравить. Я теперь психофизиолог Областного Дворца Здоровья! — выкрикнула в трубку Аня.

— Ба! — воскликнул я. — Да ты умница! Ну, знаешь, с тебя причитается!

— Банкет не обещаю, но в гости очень даже приглашаю! Милости просим во Дворец моей мечты! Я работаю в паре с удивительным человеком. Да ты уже с ним заочно знаком!

— Что-то не припомню…

— А философские рассказы? — подсказала Аня.

— Корщиков?!

— Он самый, собственной персоной!

— А когда можно будет к тебе подъехать?

— Да завтра вот и приезжай, если сможешь, комната шестьсот двенадцатая.

— Во сколько?

— А во сколько тебе удобно?

— Я завтра же возьму отгул, буду свободен весь день.

— Хорошо. Тогда тебе лучше всего подъехать часикам к одиннадцати, устроит?

— Устроит. Как штык буду!

— Ну, тогда до завтра?

— Всего хорошего, Аня!

В трубке послышались короткие гудки…

На следующий день на шестом этаже Областного Дворца Здоровья в одиннадцать часов я постучал в комнату 612, немного постоял у двери, несколько раз прочел табличку „Психофизиологи“ и постучался еще раз.

Директора не любят долго ждать, если ожидание касается лично их. Они избалованы тем, что обычно ожидают их, а не они…

Не дожидаясь приглашения, я приоткрыл дверь и заглянул в помещение. Кстати, до сих пор не пойму, почему во многих зданиях такие коридоры: без окон, длинные, с низким потолком это, наверное, от духовной закрепощенности, низменности чувств и помыслов, — червяку не нужен простор и грация, он ползает по отверстию, облегающему его тело; это тебе не храмы и дворцы с высоким потолком, где человек возвышался духом своим; экономя на стройматериалах, с каждым новым подобным зданием теряем высокую душу; такие низкие потолки, и это во Дворце Здоровья, во Дворце!..

В безоконном коридоре желтели электрические полусумерки, а тут вся комната вспыхнула ярким дневным светом! В комнате было тесно. Плохо соображая, ослепленный, я едва разобрал силуэты двух людей в белых халатах.

Они сидели лицом к лицу у окна за полированными столами, сдвинутыми вплотную друг к другу.

— Можно? — спросил я.

— Входите, — послышался голос какой-то девушки.

Я робко шагнул в комнату, словно из-за кулис на крохотную любительскую сцену, и сразу же почувствовал себя исполнителем главной роли.

— Надя, это ко мне, — словно напомнив о чем-то договоренном, объявился негромко второй голос, тоже голос девушки, но я его сразу узнал: это был голос Ани.

Надя встала из-за стола, глянула в мою сторону, улыбнулась и вышла из комнаты, а я, жмурясь, как на ветру, присел в мягкое кресло возле стола Ани. В белом халате Аня казалась мне вылепленной из ослепительного света.

Наконец мое зрение полностью адаптировалось, и я разглядел пачку бумаг на Анином столе и какие-то карты с изображением человеческих фигур. В десяток секунд Аня что-то очень быстро дописала на обратной стороне одной из карт и ловко отодвинула гибкими руками все бумаги и карты в сторону, на подоконник.

— Сейчас, — сказала она, — придет Корщиков. Надя пошла за ним.

— Да, но мы с тобой даже не поздоровались, — шутливо

возмутился я.

— Конечно, — запротестовала Аня, — ввалился в комнату без приглашения!

— Извини, действительно, сам не прав, здравствуй, Аня!

— Это другое дело, здравствуй, Сережа!

И тут дверь в комнату быстро открылась и закрылась. Ее движение произошло за какое-то неуловимое мгновение, по крайней мере, мне так почудилось, и в комнате оказался мужчина лет сорока, с неподвижно обвисшей правой рукой. Он прошел мимо меня и сел за стол Нади.

— Саша, — обратилась Аня к нему, — познакомься, пожалуйста. Это Сережа, тот самый…

Мужчина встал, и я тоже приподнялся из кресла, мы наклонились навстречу друг другу и мягко пожали руки, дружелюбно обменявшись улыбками.

— Саша, Корщиков, — сказал мужчина.

— Очень приятно, Сережа: Истина, — ответил я, и тут же обратил внимание, на лице у него крупные очки, одно стекло треснуто. Что-то беспокойное промелькнуло у меня в памяти. Мы снова сели на свои места: он за стол, я в кресло…

— Здесь очень много света, — сказал я, улыбнувшись в сторону Ани и, снова посмотрев на Корщикова, добавил, — но потолок низкий!..

— Низковат, — как-то двусмысленно подтвердил Корщиков.

— А по мне так — норма! — сказала Аня, умиленно глядя на Сашу, как бы завязывая разговор между мною и Корщиковым.

— Да, это интересно, — сказал я.

— Есть люди, которым и Вселенная кажется подобной комнатой, — подытожил Корщиков.

Аня поняла, что разговор начался, она уставилась в окно, то ли делая вид, то ли действительно что-то разглядывая там внизу, на улице. В общем, всем своим видом она показывала, что не мешает нам пообщаться.

— Аня не давала вам почитать мою работу? — обратился Корщиков ко мне.

— Нет, — сказал я, — кроме ваших рассказов я ничего не читал. А у вас есть своя научная работа?

— Ну, как вы уже догадались, имеется, — сказал Саша.

— И что, ее можно будет почитать?

— Конечно, — засуетился Корщиков. Он полез в нижний ящик стола, извлек оттуда папку-скоросшиватель и протянул ее мне. Его правая рука продолжала висеть от плеча, и я понял, что она у него не работает.

— Спасибо, — сказал я и принял папку.

— Я думаю, что вам не мешало бы еще почитать Владимира Шмакова. У меня есть негативы его трактовки „Священной книги Тота“.

— А что это за книга? — поинтересовался я.

— Вы знаете, я тороплюсь сейчас. Вы уж не обижайтесь на меня, — сказал Корщиков, — но в следующий раз я обязательно отвечу на ваш вопрос.

— Ради Бога, извините, что я вас задерживаю, спохватился я, но все же спросил еще:

— Совершенно последний вопрос, если можно?

— Да, да, я слушаю, — остановился Корщиков у двери.

— Когда я смогу получить негативы этой книги?

— Если вы хотите побыстрее…

— Если можно, то лучше — быстрее, — обрадовался я про себя такой близкой и действительной возможности прикоснуться к чему-то невероятному.

— Меня две недели не будет на работе, — отгулы, сказал Корщиков. — Вы можете, если хотите, зайти ко мне домой, ну, хоть завтра.

— Я согласен, — сказал я. — Как к вам добраться?

— Улица Ленина, тридцать три, комната двадцать два. Это общежитие.

Я бегло записал адрес в блокнот, попрощался с Корщиковым, и он ушел.

— Это очень мужественный человек, — тихо и как-то особенно нежно произнесла Аня, и я понял, что Корщиков для нее много значит. Она грустно смотрела мне в глаза и продолжала говорить.

— Он жил на Кавказе раньше. Как-то на „Жигулях“ свалился в пропасть, получил несколько переломов позвоночника и прочие повреждения тела. Занялся Востоком. Сам себя выходил. Только вот рука осталась отпечатком той трагедии…

— Ясно, — задумчиво произнес я.

Аня предложила мне чаю. И тут меня словно осенило. Я вспомнил, что Вика приобрела книгу „Возрожден ли мистицизм?“ у человека тоже в очках, одно стекло — треснутое… Хотя, успокоил я себя, мало ли на свете треснутых очков!

Часть третья. И ВОТ…

В гостях

Дом 33 по улице Ленина… Я поднялся на второй этаж и тут же поморщился: нет ничего противнее запаха сырого белья, перемешанного с запахом борща! Общежитие…

Изо всех щелей на меня обрушились стуки, крики, хохот. Вот и комната 22. Она оказалась в самом конце коридора. Я

торопливо постучал в белую замусоленную дверь, мне хотелось поскорее скрыться за этой дверью. Я до ужаса ненавижу общежития! Я всегда избегаю долго в них находиться. Все общежития у меня ассоциируются с какой-то заразой, уж лучше снимать квартиру… Общежитие — это же унижение, уничтожение самостоятельности, творчества и человеческой личности! Здесь как нигде и никогда к тебе лезут изо всех щелей, и ты можешь лезть в каждую щель, и попробуй только закрой свою щель, не пусти! Ты станешь уже не общим, и тогда… Ты сам уйдешь из общежития… Но это еще полбеды! Из общежития можно уйти… А вот если целая страна является общежитием?! Планета?

Как назло, мне не открывали. Пришлось постучать еще и еще раз. Я прислушался: за дверью послышалось то ли шарканье, то ли возня… Я не выдержал и крикнул прямо в дверь:

— Саша, Корщиков! Это я — Сережа Истина, вчерашний знакомый, — и я снова прислушался.

Щелкнул замок, дверь приоткрылась, послышался голос Корщикова:

— Заходите.

— Что так долго? — спросил я. Мне хотелось спросить весело, но у меня вышло громко и грустно. Тяжело перестраивать свое настроение в единый момент, а надо бы научиться! В общежитии без этого — не выжить!

— Т-с-с… Я задремал, — сказал Корщиков шепотом, сынишка еще спит, пожалуйста, тише…

Я протиснулся в комнату. Саша оказался передо мной в одних плавках. Он осторожно прикрыл дверь и предложил:

— Проходите сюда, э-э, нет, лучше туда, в кресло у окна. А я сейчас только умоюсь.

Кресло слегка поскрипывало, я приютился в нем потихоньку и наконец-таки вдохнул свежего воздуха из открытого окна: надышавшись, огляделся по сторонам. За разноцветной шторой у входной двери шипела вода, а здесь, неподалеку от меня, на распахнутом диване спал мальчик лет четырех с очень крупной, как мне показалось, головой.

Вскоре из-за шторы появился раскрасневшийся Корщиков. Он надел трико, порылся в книжном шкафу и, достав оттуда черный пакет, протянул его мне.

— Вот, это Владимир Шмаков. Если не трудно, отпечатайте, пожалуйста, экземпляр и для Ани, — попросил он.

— Конечно, отпечатаю, — сказал я и, приняв пакет, спросил. — Когда мне вернуть эти негативы?

— Ну, я думаю, недели три хватит, чтобы все отпечатать?.. — то ли рассуждая вслух, то ли спрашивая, сказал Корщиков.

— Постараюсь уложиться, — заинтересованно определил я и добавил, — хотя работы немало!.. Сколько всего страниц? заглядывая внутрь черного пакета, спросил я.

— Чуть более пятисот, — ответил Саша и сел напротив меня на довольно расшатанный, жиденький, как этажерка, стул.

Мы заговорили врастяжку, с паузами, будто на разных языках, как бы прислушиваясь к незримому переводчику, сидящему между нами. Таинственные паузы вкрадывались в наш диалог, эти паузы я тоже осмысливал, и даже, мне показалось, осмысливал не меньше, чем сами слова Корщикова.

Я отложил черный пакет в сторону, на подоконник. Пауза продолжала висеть между мною и Сашей.

— Отвратительное место общежитие, не правда ли? — сказал Корщиков.

— Я бы сказал даже — мерзкое, — ответил я.

— Да, но, как бы оно плохо ни было, а только чем ни хуже, тем лучше, — удивил меня Корщиков.

— Вы сказали: чем ни хуже, тем лучше? — переспросил я.

— Да, — подтвердил он.

— Но, тогда, Саша, позвольте вас не понять!

— Сосредоточиваться в безветрии, тишине и покое, — это хорошо! — сказал Корщиков. — Но это такое непрочное умение! От малейшего шороха может рассыпаться… Куда сложнее застолбить свое внимание на чем-либо среди отвлекающей тебя призрачности. Поверьте, в магии, например, это очень важное обстоятельство.

— Ну, это в магии, а в жизни все, скорее, наоборот, возразил я. — Хотя, про себя, мне именно так и хотелось думать!

— Одни говорят — магия, другие говорят — жизнь. В чем разница? Суть одна. Названия — разные, — пояснил Корщиков.

— Ну, уж я не соглашусь с вами, что жизнь и магия — одно и то же.

— Согласитесь или нет, от этого суть все равно не изменится, — сказал Корщиков. Он абсолютно уверенно посмотрел мне в глаза.

Все-таки пауза великая вещь! Ничего на свете нельзя делать без пауз. А разговор без пауз — не разговор, а так, информативное общение, и только… Я молчал с полминуты.

— Вы можете смело расспрашивать меня по своему усмотрению, — предложил Корщиков.

— Вы знаете, — сказал я, — не люблю „вечера вопросов и ответов“.

— Понимаю, — кивнул Корщиков, — чувствуете напряженность? Ну, что ж…

— Совершенно верно, чувствую!

— Тогда… Спрошу я. Можно?

— Спрашивайте.

— Хорошо… Что побудило вас заинтересоваться Шмаковым, ну и так далее?

— Э-э… Как вам сказать… Мне порою кажется, что тяга к необычному у меня в крови, она скорее неосознанная, чем направленная, и больше символична, чем рассудительна… Здесь и вера в Бога, и в приметы, ну и конечно же состояния восторга, радости, таинственности, если хотите, — даже страха!

Корщиков улыбнулся, но как-то по-доброму, и эта улыбка меня ничуть не смутила.

— Например, в детстве, — продолжал я, — каждое лето я проводил у своей бабушки в деревне. Напротив ее двора жила одинокая старая женщина — настоящая монашка! — баба Домна… Она никогда в жизни не была замужем! Я часто бегал к ней в гости, через дорогу, и подолгу засиживался за чтением Евангелия и других священных книг. А рассказывала баба Домна так интересно о жизни святых и Христа! Царство ей небесное, пусть ей земля пухом будет… — я приумолк.

— Да… Впечатления детства, — медленно проговорил Корщиков, — но это, — предрасположенность души, а в чем же мелодика вашего интереса?

— Мелодика?

— Да, мелодика, — подтвердил Саша.

— Не так давно, — сказал я, — я узнал, что мой двоюродный дед был колдун!

— Аня рассказывала мне об этом, — остановил меня Корщиков.

Снова наступила пауза. Я раздумывал: говорить о Наташе или не говорить?..

— Говорите, говорите! — возник неожиданно голос Корщикова. Я удивленно посмотрел на Сашу:

— У меня создается впечатление, что вы даже знаете, о чем я должен говорить! — сказал я.

Корщиков промолчал…

— Ну, хорошо… — решился я. — Понимаете, Саша, у меня есть девушка. Божественно красива, неземная душа… Я люблю ее… Мы познакомились во сне… А на другой день узнали друг друга наяву, как старые знакомые!.. В этой истории я так запутался.

— Не переживайте… Если вам суждено, — разберетесь, сказал Корщиков, — все зависит от вас самих. А раз началось, значит — суждено!

Он смотрел мне в глаза совершенно спокойно, уверенно, непоколебимо, а я только посматривал в его глаза, как бы заглядывая на мгновения…

— У меня был друг, — продолжал я, — он давно умер, но он приходил ко мне во сне и показывал, как они живут. Там я и познакомился с Наташей.

— Так ту девушку зовут Наташа? — спросил Корщиков.

— Да. Ее зовут Наташа.

— Что ж, такое бывает, — определил он, и тут же, как-то особенно оживившись, спросил: — Вы что-то хотели у меня спросить вчера в лаборатории?..

— Да, я хотел попросить вас рассказать о Священной книге Тота, — ответил я.

— О Священной книге Тота можно говорить часами, если не веками. Ведь это — самая древняя книга на Земле!

Корщиков поднялся со стула, продолжая смотреть на меня. Его правая рука неподвижно висела от плеча. Потом он сделал несколько шагов от стула, постоял у книжного шкафа и снова вернулся и сел на стул. Я молча ожидал…

— Мой экземпляр Священной книги Тота сегодня у приятеля, но это не беда! Я перескажу вам кое-какие соображения по поводу ее происхождения и значимости, основываясь на вступительном слове Владимира Шмакова.

Саша помедлил еще несколько секунд… Я уловил в глазах Корщикова такую выразительную силу и надежность, что мне почудилось, будто эти глаза управляют его телом!.. И Корщиков заговорил.

— Множество веков пронеслось над Землей. Но там, в бездонном океане времени, среди всего смертного находится один-единственный Памятник, великий Памятник!.. Кто поставил этот Памятник и откуда он родом?! — никто на Земле не знает и, возможно, не будет знать никогда… Все нити и дороги человеческого познания за всю нашу планетную жизнь начинались там, от этого памятника. В Европе этот Памятник известен под именем Священной книги Тота — Великих Арканов Таро…

Корщиков говорил плавно, словно внушая мне каждое слово.

— Владимир пишет в своем Предисловии, что десятки веков назад господствующая ныне Белая Раса на земле имеет этот Памятник Божественной Мудрости от своей предшественницы, и что это Божественное откровение определяет основу всех Посвящений. Его сущность усматривается в каждой религии. Поверьте, Сережа, что это так, — добавил Корщиков. Он опять поднялся со стула, порылся в каком-то чемодане, извлек оттуда

общую тетрадь в зеленой обложке, снова сел на стул, немного полистал эту тетрадь… — Вот, — сказал он, — что говорит Елена Петровна Блаватская в своей работе „Тайная доктрина“, — и он зачитал отрывок:

„Говорят, что Таро „индийского происхождения“, потому что оно восходит к первой подрасе Пятой Расы — Матери, до окончательного разрушения последнего остатка Атлантиды. Но если оно встречается у предков первобытных индусов, то это не значит, что оно впервые возникло в Индии. Его источник еще более древен и его след надо искать не здесь, а в Himaleh, в Снежных Цепях. Оно родилось в таинственной области, определить место нахождения которой никто не смеет и которая вызывает чувство безнадежности у географов и христианских теологов, области, в которой Браман поместил Свою Kallasa, гору Меру и Parvati Pamir, извращенный греками в Парапамиз“.

— Так, — сказал Корщиков, — Блаватская попыталась опровергнуть цитату, которую она использовала в своей „Тайной Доктрине“ с какого-то манускрипта о Таро — Священной книге Еноха. Если Вы не возражаете, то я зачитаю и саму цитату тоже! — обратился он ко мне.

— Обязательно зачитайте, — отозвался я, — мне это очень интересно!

— Итак, вот как звучит эта цитата:

„Есть лишь единый Закон, единый Принцип, единый Агент, единая Истина и единое слово. То, что вверху, по аналогии подобно тому, что внизу. Все, что есть — результат количества и равновесий. Ключ затаенных вещей, ключ святилища! Это есть Священное слово, дающее адепту возвышенный разум оккультизма и его тайн. Это есть квинтэссенция философий и верований; это есть Альфа и Омега; это есть Свет, Жизнь и Мудрость Вселенские… Древность этой книги теряется в ночи времен. Она индийского происхождения и восходит до эпохи несравненно более древней, чем время Моисея. Она написана на отдельных листах, которые раньше были сделаны из чистейшего золота и таинственных священных металлов… она символична, и ее сочетания обнимают все чудеса духа. Старея с бегом веков, она, тем не менее, сохранилась — благодаря невежеству любопытных — без изменений в том, что касается ее характера и ее основной символики в наиболее существенных частях“.

Зачитав цитату, Корщиков продолжал молча перелистывать тетрадь.

— Ну, пока хватит, — сказал он, захлопнув тетрадь и отложив на подоконник.

— Честно говоря, — произнес я, — то ли мир сходит с ума, то

ли еще что?! Но я все больше не распутываю, а наоборот, с каждым днем ввязываюсь крепче, ухожу во что-то такое невероятное.

— То ли еще будет, Сережа, — хитро прищурился Корщиков.

— Давайте начистоту?! — предложил я. — Что меня ожидает?

— Вы забеспокоились об обратной дороге? — спросил Корщиков.

— Да нет… Хотя, все-таки, мне кажется, я имею право знать, куда я иду?!

— И не вернуться ли назад? — словно предложил от моего лица он.

— Ну, если хотите, пусть это прозвучит именно так, согласился я.

— Тогда, — сказал Саша, — я вас должен сразу предупредить: обратной дороги — нет!

— Весьма крылатая фраза! — сказал я.

— Да, но здесь она как никогда уместна, — подытожил Саша.

— Ясно… — призадумался я, — и насколько это серьезно, я хотел сказать — опасно?

— Смертельно… Может быть, и смертельно, — немного смягчил он.

— Значит, степень опасности зависит от чего-то?

— Да, зависит.

— И вы мне можете сказать, от чего?

— Это не секрет… Ну, вот скажите: сможете ли вы выдержать ряд испытаний?

— Каких испытаний?

— Скажем, вам будут угрожать — смертью, избиением, тюрьмой, над вами будут издеваться, насмехаться. Вам не будут верить, будут вкрадываться в вашу душу, выискивать в ней слабые места и потом соблазнять женщинами, деньгами, горем, потерями — опустошать. Пресыщать радостями и тут же отбирать их… и еще многое и многое другое… Даже пьянство будет подавать вам руку дружбы, хмельной откровенности. И в любом из того, что я перечислил, вы вполне сможете утонуть навсегда, кануть в иллюзию!

— Я не отношусь к категории людей, которые берут время на обдумывание, — я согласен на любое из этих испытаний, сказал я.

— Если бы вы решили обдумывать, то это значило бы, что это не ваш путь! — пояснил Саша.

— Это мой путь, я его выбираю!

— Хорошо… Но только учтите, что с такой же легкостью, с какой вы согласитесь пойти этим путем, вам не сойти с него. Вы

сможете остановиться на каком-то этапе, чтобы потом снова продолжить свое движение, но не более того!

— Потом, это когда? — спросил я.

— В следующем рождении, — пояснил Корщиков.

— А как надолго эти испытания?

— Это может продолжаться неведомое количество времени.

— Отчего же так?

— Оттого что здесь отсчет идет не на количество, а на качество, — сказал Корщиков, и он добавил. — А еще, мне хотелось бы сказать вам вот о чем: не ищите во мне единственного учителя! Все зависит от вас самих, все содержится в вас самих! Вся жизнь, весь мир — ваш великий учитель!.. Вот, возьмите, хотя бы и нарочно, для начала, и с сегодняшнего дня начните прислушиваться ко всему на свете, всматриваться во все на свете, и, поверьте, если вы научитесь — воспринимать и оценивать… Этого уже будет немало!..

— Ну, хорошо!.. Предположим, что я уже научился весьма совершенно воспринимать и оценивать, и что тогда?

— Научиться воспринимать и оценивать — это первый этап, за которым следует овладеть собственной реакцией и отношением к воспринятому и оцененному, но и этого мало! Третий этап проявление реакции, вашего отношения вовне, в среду, можно сказать — обратная связь… Вот тут-то и подстерегают вас всевозможные испытания, о которых я уже упоминал…

— Господи, тогда как же несовершенен простой смертный, не умеющий даже воспринимать и оценивать, я не говорю уже о его реакции — она будет непредсказуемой! — ужаснулся я.

— Тут и зарыты все распри человечества, все его конфликты, — сказал Корщиков.

— Но надо полагать, что правильно оценивать и реагировать — это еще не все? — поинтересовался я.

— Да, и это еще не все! — подтвердил Саша, — но мне бы не хотелось, как говорится, забегать вперед, — сказал он, всему свое время!

— Думаю, что вы правы, — согласился я.

— Надо же! — воскликнул Корщиков. — Вы интуитивно делаете успехи.

— Я не заметил успехов, — сказал я, — если не секрет, в чем они?

— Вы произнесли: „Думаю“.

— Ну и что же?

— А то, что это хорошо!.. Вам предстоит заменить слово „хочу“ на слово „думаю“, — определил Саша, — у вас эти

проблески уже появляются.

— Отчего же мне предстоит менять свой лексикон?

— Оттого, что „думаю“ — всегда изначально, а „хочу“ оно всегда вторично. Когда вы это поймете путем личного истинного опыта, тогда вы со мной согласитесь осознанно. И все ваши испытания в единый момент прекратятся, ибо вы будете „думать“, а не „хотеть“!.. Но к этому вы придете все-таки путем испытаний, и неминуемо!..

— Похоже, что испытания — это что-то вроде зловещих тренировок, — сказал я.

— Да, это действительно тренировки, но только не зловещие, а очистительные.

— Значит, надо переучиваться говорить?

— Ни в коем случае! Не надо специально браться перестраивать свой лексикон.

— Вы же сказали, что мне это предстоит?

— Понимаете, Сережа, перестройка лексикона должна быть внутренней. К примеру, у девочки, хочет она того или нет, в конце концов — вырастают груди… Если вы будете намеренно исправлять свой лексикон, в данном случае слово „хочу“ заменять на слово „думаю“, то это слово „думаю“ будет у вас выглядеть как слово „хочу“, между „думаю“ и „хочу“ появится лишь разница в произношении.

— Почему же, Саша?

— А потому что внутренне это будет звучать примерно так: „я хочу заменить слово „хочу“ на слово „думаю“! В основе остается „хочу“. Вы понимаете, остается „хочу“!

— Хорошо!.. А если эта внутренняя установка прозвучит по-другому. Скажем так: „я думаю заменить слово „хочу“ на слово „думаю“. Тогда как?

— Но это же будет только самообман, и не более того!

— Почему же? — возразил я.

— Потому, что если вы волевым решением, а не внутренней естественной потребностью заменяете слово „хочу“ на слово „думаю“, то это будет актом воли вашей, а значит, вы все равно обязательно подразумеваете слово „хочу“. Это как мальчик, который желает, чтобы у него отросли груди!..

— Да, — сказал я, — такому мальчику прежде всего надо стать девочкой, и груди отрастут сами собой!

— Ну, вот вы и поняли меня, — обрадовался Корщиков.

— Значит, все-таки — испытания?! — спросил я.

— Ничего не поделаешь! — ответил он.

— А вы знаете, я теперь догадываюсь, откуда у Ани такая острота восприятия слова! — сказал я. — Разговаривая с вами —

это понять немудрено!

Но Корщиков не ответил на эти слова похвалы… На диване зашевелился спящий до сего времени мальчик. Саша подошел к нему, присел на краешек дивана и погладил сынишку по его крупной голове. Мальчик открыл глаза и тут же уселся молча на диване. Его отец ловко, одной рукой натянул ему трусы. Потом он положил возле сына стопку книг и снова вернулся к окну. Усаживаясь на все тот же этажерчатый стул, Корщиков спросил у меня:

— Не правда ли, очень крупная голова?

— Да, я об этом подумал, еще как только вошел сюда, в комнату, и меня это удивило… В самом деле, отчего такая крупная голова?.. Наверное, ваш сын вырастет очень умным человеком?

— Может быть, — сказал Корщиков и слегка усмехнулся, как-то очень доверчиво.

Мальчик старательно перелистывал книги, ощупывал и рассматривал их страницы. Он совершенно не обращал на нас никакого внимания.

— Да, — словно опомнился Корщиков, — только вы, обратился он ко мне, — не думайте о своей исключительности относительно испытаний!.. Все человечество, каждый человек, животное, птица, дерево, травинка, звезда, пылинка, — несут тяжкое бремя своих испытаний, необходимых только им в их посвящении. Все, абсолютно все и все посвящаются в истину, медленно или быстро — не имеет значения, но посвящаются!

— Тогда, — удивился я, — к чему меня было предупреждать об испытаниях, если испытания — присущи всему и всем на свете?

— Маг, — сказал Корщиков, — тем и отличается от про-фана, что он, Маг, нарабатывает опыт путем осознанным, направленным, а профан, в том числе и ученый профан, нарабатывает опыт бессознательно, методом проб и ошибок, в лучшем случае интуитивно! Такое посвящение — тоже посвящение, но довольно медлительное, хотя и естественное. Оно, порою, растягивается на баснословное количество воплощений, смертей и жизней!.. Вы хотите остаться профаном? — спросил Корщиков.

— Нет. Конечно же нет, — ответил утвердительно я.

— Папа, я хочу молока, — неожиданно отозвался мальчик на диване.

— Я сейчас, малыш, — тут же отреагировал на просьбу сына Корщиков. — Извините, я только подогрею ему молока, — сказал он мне.

Вскоре малыш пил свое молоко вприкуску с магазинным сухарем и поглядывал на меня, а я спросил у Корщикова:

— А почему именно я?

— Вы хотите сказать: почему именно вы удостаиваетесь в Посвящении осознанном? — пояснил Корщиков.

— Да, я имел в виду это.

— Как я уже сказал вам, что исключительности у вас нет, как нет ее ни у чего и ни у кого на свете! Все и все посвящаются в истину…

— И все-таки, почему же именно я? — повторил я вопрос.

— Почему именно вы?

— Да, да, почему? — я теперь смотрел Корщикову в глаза.

— В этой вашей инкарнации, — сказал он, — в сегодняшнем воплощении, ваше Посвящение дошло до уровня, когда само Посвящение пора осознать как таковое! То есть ваше Посвящение не противоречит естественному развитию Всеобщего Вселенского Посвящения, оно также протекало и протекает, как у всех и у всего! Просто в этой, сегодняшней жизни вашей вы, наконец, доразвились, путем баснословных предыдущих испытаний в других воплощениях, до осознанности! Поверьте, каждый профан, в конце концов, обязательно придет к моменту осознанности своего Посвящения, только в какой из своих инкарнаций, земных воплощений это произойдет — неведомо никому!.. У вас этот момент наступил…

— А могу я не успеть завершить свое Посвящение и в этой жизни, — спросил я и озабоченно облокотился на подоконник.

— Не завершите в этой, все равно продолжите завершение в следующей! — сказал Корщиков.

— Как же это? — настаивал я.

— Скажем, — пояснил Саша, — родитесь в семье Посвященного.

Мы приумолкли. Было слышно, как малыш грызет сухарь…

Я опустил глаза и долго смотрел себе под ноги, размышляя. Прошло некоторое время. И вот у меня возникла противоречивая мысль:

— Знаете, о чем я подумал сейчас? — не поднимая глаз, произнес я.

— О чем же? — отозвался Корщиков.

— Я подумал: истина — это Бог? Так?

— Предположим, так, — подтвердил Саша.

— Тогда как же объяснить существование дьявола и Посвящение в его ряды? Ведь такое Посвящение — тоже существует?! — и я уставился Корщикову в глаза.

За все время беседы он ни разу не отвел своего взгляда в

сторону! Мне начинало казаться, что он всегда упорно смотрит на меня, даже когда подогревает молоко!

— Я уже осведомил вас, что Посвящение существует только одно, — в истину! — сказал Саша.

— Но все же, как быть с дьяволом? — настаивал я.

— И дьявол, — улыбнулся Корщиков, — и, как вы выразились, его Посвящение, — все это — разновидности, э-э, различные по степени испытания.

— Значит, человека может отбрасывать и назад на пути Посвящения? Но тогда вы, по-моему, противоречите сами себе! Не вы ли сказали, что человек продолжает свое Посвящение с того уровня в следующей жизни, на котором он остановился в предыдущей?!

— Верно, я говорил так и не отрицаю ничего. Но противоречия здесь никакого нет. И вот почему. Если человека отбросит назад и в следующей инкарнации своей жизни он будет не человеком, а, скажем, — деревом! Сможет ли он продолжить свое Посвящение в истину, будучи деревом, с того этапа, на котором он остановился в образе человека?!

— Я думаю, что не сможет!

— Вы совершенно правы, Сережа. Не сможет! Не сможет, пока не отработает определенные качества в образе дерева, и потом, снова, в какой-то из последующих жизней не станет человеком подобного уровня развития, который он уже имел до отступления назад в образ дерева… Разве здесь есть противоречие? Человек действительно продолжает свое Посвящение в следующей инкарнации, здесь, скорее, можно подразумевать не в следующей, а в последующей инкарнации подобного уровня!.. Вот почему важно не терять чистоту Посвящения в каждой инкарнации, в каждом земном воплощении, чтобы не отступать назад, дабы заново заслуживать путем новых и возможно неисчислимых испытаний возврата к уровню Посвящения, которого ты достиг уже сегодня, чтобы продолжить его… — Корщиков умолк.

— Что же, Саша, — вы убедили меня, — согласился я.

Снова наступила пауза. Корщиков наклонился и поднял с пола валявшиеся там очки. Он стал протирать их салфеткой. Я увидел, что одно стекло у этих очков продолжало оставаться треснутым. „Может, тот безбилетный тип из автобуса по описанию Вики, это все-таки он, Саша?“ — подумалось мне. И я решился:

— „Возрожден ли мистицизм?“, у вас есть эта книга? спросил осторожно я.

— Была, — тут же ответил Корщиков, продолжая усердно протирать очки.

— А куда она делась? — поинтересовался я, испытывая некоторую неловкость за учиненный допрос.

— Я продал ее, — спокойно ответил Саша, жарко подышав на линзы, и они запотели.

— В автобусе? — уточнил я.

— Да… — ответил он.

— А знаете, ваша книга у меня! — сказал я и принялся ожидать реакции Корщикова.

Он продолжал протирать очки, шли секунды.

— Вы ее прочли? — спросил Корщиков как ни в чем не бывало.

— Да, — робко ответил я…

И тут в нашу комнату кто-то постучал.

— Извините, я пойду открою, — сказал Саша.

Хлопнула дверь. Из-за разноцветной шторы в комнату вошла молоденькая девушка. Она подмигнула малышу на диване, и тот улыбнулся. Девушка в сопровождении Корщикова подошла ко мне.

— Это Сережа, — сказал Корщиков ей.

Я встал с кресла. Девушка протянула мне руку:

— Оля, — сказала она.

— Моя жена, — добавил Саша.

Зек

От Корщикова я возвращался очень поздно. Уже было далеко за одиннадцать, когда я сел в троллейбус. В салоне находилось десятка полтора человек. Все сидели. Я закомпостировал талон и уселся к окну напротив средней двери. Колеса, как резиновые мячи, жестко пружинили на многочисленных выдолбинах когда-то заасфальтированного узенького переулка. Троллейбус раскачивался на ходу и гремел всем своим железным телом. Вдруг мой взгляд обнаружил знакомое для меня лицо сидящего впереди пассажира. Я его сразу же узнал. Правда, узнал чисто визуально, имя не помнил. Это был парень лет тридцати, коротко подстриженный и, по-моему, слегка навеселе. Он сидел полубоком.

Настроение у меня было великолепное. Я ощущал его всем телом. Я не мог удержаться, и мое лицо осветилось улыбкой. И дернуло же меня!

— Что ты улыбаешься? — обратился он ко мне и полностью развернулся через плечо в мою сторону лицом так, что чирканул своим носом меня по щеке.

Я не придал этому значения, немного подался назад, пристально рассматривая парня.

— Привет, — сказал я совершенно беззаботно.

— Напомни, откуда я тебя знаю? — спросил парень голосом, ничего хорошего не обещающим. — Мне твоя физиономия знакома!

И тут меня осенило, но и настроение упало:

— Мы с тобой в молодости были знакомы по Тарасу. Я друг Тараса, — и я осекся, сказав это.

— Друг? — как-то пренебрежительно передразнил парень меня.

— Да, когда-то мы дружили, — неохотно проговорил я.

— Друг, — прошипел парень, — а ты знаешь, где сейчас Тарас? — Парень словно требовал от меня этого знания. Слов ему показалось мало, и он всем телом навалился на железный поручень кресла, перевесился через него ко мне и уперся своим лбом в мой лоб.

— Да, он сидит, — постарался ответить я как можно спокойнее, — сядь, пожалуйста, на свое место, — попросил я, — на нас люди смотрят…

Парень неохотно сел на место, но ненависть шевелила его черные зрачки, и он казался почти безумным. „Нет, он не пьян, он обкурен“, — подумал я, и у меня все содрогнулось внутри. Скотский страх выпарил из меня всю радость без остатка.

— А ты почему не сидишь?! — заорал парень.

— Собственно говоря, почему я должен сидеть? — словно оправдывался я. — Плохого я ничего не делал…

— Но ты же друг!! — опять заорал парень.

Я видел, как некоторые пассажиры искоса поглядывали на нас, другие отводили свои взгляды, словно ничего не замечали и не слышали. Страх одиночества и беспомощности овладел мною. Лет пять назад я стоял на загородной станции электрички и вот также отводил свои глаза. На платформе было человек четыреста, не меньше, и никто, в том числе и я, не помешали избивать цепями группе пьяных оглоедов из местной деревушки одногоне понравившегося им подростка.

Одиночество, одиночество! Мы стремимся к нему и от него погибаем часто…

— Но ты же друг?! — напомнил о себе парень. Он, видимо, уже почувствовал, что я боюсь, и теперь, успокоившись, продолжал издеваться.

— Да, я был его другом, но это было лет пятнадцать назад, — взволнованно заявил я.

— Я тебя научу ценить друзей, — говорил и скалился парень, — Тарас там сидит, а ты здесь, на воле — сука!

— Ну, ладно, я сейчас выхожу, — как бы извинился я.

— Я тоже выйду с тобой, — предупредил он.

— Зачем? — спросил я.

— А мы сейчас выйдем и подеремся!

— Не пойму, за что драться? — недоумевал я.

— А я тебе морду набью! — настаивал парень.

— За что? — поразился я, и страх все больше овладевал мною. Парень был на голову выше меня, мускулист, и потом это безумие в глазах! Мало ли что у него на уме!

— Я тебя узнал, — ехидно усмехнулся он. — Ты — Китаец!

— Я никогда не был Китайцем, — возразил негромко я.

Но мне стало еще больше не по себе. В юности эти наркоманы действительно называли меня Китайцем.

— Нет, ты — Китаец! — сказал он. — Я вспомнил!.. Я тебя по молодости бил!

— Я никогда не был Китайцем, — безнадежно проговорил я. Но мне действительно вспомнился случай: этот парень как-то отнял у меня книгу „Смерть героя“ Ричарда Олдингтона. Ее я переплетал сам. Корешок был очень крепкий от обилия окаменевшего клея. Я тут же настойчиво потребовал свою книгу обратно, парень, неожиданно для меня, со всего размаха ударил меня корешком книги в лицо! Окровавленный, я убежал тогда… Может поэтому и сейчас у меня мелькнула мысль убежать, выскочить в темноту переулков! Но тогда я был безусым юношей и мне это было простительно!.. А сейчас… Да, но и получать побои, будучи вполне солидным человеком, директором кинотеатра! Представляю, как это будет выглядеть! Мне стало жутковато… „Лучше поеду еще пару остановок на троллейбусе. На конечной остановке много фонарного света, и, наверняка, еще немало людей. Может, все-таки, он отстанет от меня там? Навру ему, что еду куда-нибудь далеко! Береженого — Бог бережет!“ — подумал я про себя.

Троллейбус остановился на моей остановке, но я не сдвинулся с места. Двери со скрежетом захлопнулись, и троллейбус как-то зловеще помчался дальше…

— Ты почему не вышел? — торжествовал, чуя мой страх, парень.

— Я решил ехать в другое место, — сказал я.

— Куда? — злобно потребовал он.

— Да так, в одно место. По делам надо… — объяснил я, словно уговаривая, убеждая парня оставить меня в покое.

— Я поеду с тобой! — решительно огласил он.

И тут я почувствовал, что мой страх мучительно нарастает, пускает во мне свои корявые корни все глубже. Мне вспомнилось, что как-то я испытывал подобное состояние: я ехал без билета, куда-то очень опаздывал, меня оттеснили в угол контролеры, я

что-то ответил им злобное; моя остановка промелькнула, а мне предстояло ехать в управление платить штраф; состояние досады, нелепости, озлобленности и безысходности тогда обуревало меня, и злорадный, панический страх тоже всасывался мне в живот… Но сейчас, как и тогда, я крепился, старался утрамбовывать, глубоко вдавливать этот страх, насильно распирая легкие воздухом.

Я вытеснял трусливость наружу и растворял ее в пространстве вокруг себя своими жестами, словами…

Троллейбус остановился на конечной остановке. Я вышел из него. Парень тоже вышел, и сразу же — ударил меня в живот!

— Ты что… офонарел?! — будто взмолился я.

Удар был не очень болезнен. Скорее всего он походил на сильный толчок — под дых.

— Я сейчас тебя искровавлю! Сука!.. — заорал парень на меня.

Наш троллейбус, на котором мы приехали, отъехал, а на его место быстро подкатил троллейбус другого маршрута.

— Дурак набитый! — выкрикнул я и направился в этот троллейбус. Видимо, потому, что я находился в движении, парень промазал по моей заднице ногою и слегка зацепил меня по бедру.

Я заскочил в заднюю дверь троллейбуса, прошел с клокочущим сердцем через весь салон и сел на пустующее место напротив передней двери. Мысленно я молил, чтобы троллейбус тронулся побыстрее с этой тревожной остановки… Через окно я видел, как в желтом фонарном свете парень разъяренно озирался по сторонам в поисках своей жертвы…

И вот случилось то, чего я больше всего боялся. Парень зашел в троллейбус и тоже через заднюю дверь. Где я сижу, он не знал, но чувствовал, что я где-то здесь. Рыская прищуренным взглядом, он через весь салон медленно приближался ко мне. Еще вполне можно было выскочить в открытую переднюю дверь, и он бы этого даже не заметил, но я непоколебимо остался сидеть на своем месте: „Будь что будет…“ — подумал я. Теперь меня больше одолевало презрение к этому человеку и настоящая человеческая обида.

— А-а! Вот где ты! — ехидно заулыбался парень, он даже повеселел как-то, обрадовавшись своей находке. Наверное, он уже не надеялся отыскать меня. Женщина, сидевшая рядом со мной, суетливо подскочила на ноги, и, оглядываясь сочувственно на меня, пересела на другое место. Парень тяжело рухнул на ее место. Он хотел придавить меня плечом, но я упрямо напрягся всеми мышцами и не пошевельнулся.

— Ты что, козел, на меня там проорал? — на этот раз не так

уже громко рявкнул он.

— А за что ты меня в живот ударил? — сдавленно встрепенулся я.

— Ты, да я тебя щас прямо здесь грохну! — припугнул он.

— Слушай, может, хватит? Что ты ко мне пристал? вежливо ответил я.

— Ты же сказал, что ты друг? — буксовал парень.

— Да, мы дружили с Тарасом, — снова доказывал я, — но потом он сам от меня отошел. В последние годы, перед его тюрьмой, мы с ним только издалека и здоровались…

— Ну ладно… Давай выходить! — потребовал парень.

Троллейбус остановился. Пассажиры провожали меня печально и обреченно. Мы с парнем вышли на остановку.

Отсюда пешком напрямик мне было добираться домой минут двадцать.

— Не бойся, — успокоил меня парень, — я больше тебя не трону… У меня такой же, как ты, остался там, за стеной…

Мы углубились в ночь притихших двориков микрорайона.

— Ты что, сидел? — поинтересовался я на ходу.

— Да, месяц как откинулся, — ответил он.

— А где ты сидел?

— На „сухом“.

— И много?

— Три года.

— А за что?

— Пластилин в кармане был…

— Ясно, — грустно сказал я.

— Тарас, он здесь, в десятке сидит, — пробурчал парень, — говорят, что его „опустили“ и у него крыша поехала.

— Да, — сказал я, — я слышал об этом. Это очень печальные вещи…

Некоторое время мы шли молча.

„А в сущности, что такое страх? — рассуждал я про себя. — Промежуток между трусостью и гордыней? Оплот нерешительности? В страхе можно и убить, и убежать… А может, страх — это островок безопасности посреди шумного шоссе? Стоишь на таком островке: опасно и вперед, и назад… Два смертоносных для тебя движения, и впереди, и сзади… Впереди — гордыня, позади — трусость… Гордыню всегда сломить хочется, а трусость убивает тебя сама изнутри, и она очень отвратительна со стороны! Что трусливый, что гордый — одно и то же! И то и другое противно. И то и другое вызывает какой-то безумный, кровавый экстаз у зла, нападающего на них. А вот если человек находится в состоянии страха, не трусости или гордыни,

а именно страха, но всем существом своим пытается преодолеть его — это сразу же видно со стороны! Не тронет зло такого человека. Только преодолевать страх надо не в сторону гордыни или трусости, а через человечность свою…“

И тут мне вспомнились сегодняшние слова Корщикова:

„Важно выработать в себе бесстрашие!.. Не то бесстрашие, которое возникает в какой-то ситуации на короткое время, ибо это — фанатизм, а он непредсказуем, а то истинное бесстрашие, что всегда является состоянием твоей личности. К такому бесстрашию надо стремиться. Такому бесстрашному человеку ничего не встречается злого на пути, все злое само обходит его стороной. Для этого трусость и гордыня — всегда заметны. А истинное бесстрашие для всего злого становится невидимкой. Вокруг бесстрашия — всегда тишина, покой, уверенность и радостность… А еще, никогда ни о чем не пожалей, Сережа, важна не сама ситуация и ее переживания, а важно — твое отношение к ней…“

Ведьма

В этот день я задержался, как это нередко бывает, весьма надолго в кинотеатре. Давно закончился последний сеанс, и все работники разошлись по домам. А мне было приятно просто посидеть в своем рабочем кабинете, просто понаходиться в нем при свете неяркого ночника, подумать, поразмышлять.

Приходят такие моменты, когда хочется побыть в более масштабном одиночестве, чем твоя квартира, где и за стенкой и под полом — люди, и это призрачное одиночество больше расшатывает нервы, нежели очищает и устремляет тебя…

В этот ночной час даже на улице в беседках кинотеатра за вьющимся диким виноградом все умолкло. Через открытую форточку была слышна тишина этих беседок…

Я долго сидел и вдумчиво наслаждался светом ночника, причудливо преобразившим кабинет. Потом я встал с кресла, вышел из-за стола, чтобы немного походить по кабинету. Все-таки мне нравилось находиться совершенно одному в большом здании с онемевшими комнатами. Это ощущение пространственной пустоты, целого двухэтажного здания, позволяло мне дышать и мыслить свободно. Ведь случись так, что сейчас в какой-нибудь из комнат кинотеатра присутствовал бы еще кто-нибудь — я об этом бы знал!.. Он словно заноза бы мешал мне в моем одиночестве.

Часто мы думаем, что ушли в одиночество, вроде бы и в самом деле пространственно — одни, но даже если о нас в это время кто-то усиленно думает или просто вспомнил о нас на миг, — это уже не одиночество! Мы чувствуем все! Каждое прикосновение чужой мысли к нам. Вот почему нам бывает ни с

того ни с сего как-то странно не по себе, так неопределенно, неизвестно почему нехорошо. И хочется просить всех на свете: не думайте обо мне, не мешайте мне жить.

И в самом деле, — надо уважать одиночество человека! „Очищай даже помыслы свои“, — как все-таки прав этот древний завет…

В одиночестве со мной начинают твориться интересные вещи! Я могу осторожно выхаживать строго по шву двух половинок линолеума, глядя себе под ноги; я могу с удивительной точностью ходить по кабинету и наступать только на те места, где поскрипывают деревянные доски под линолеумом или еще Бог знает что!

В общем, причуды одиночества, они у каждого человека свои. Наше мышление любит переходить в движение нашего тела, особенно, когда мы одни или когда забываешь о взглядах со стороны. Правда, при последнем ты становишься весьма забавным объектом для окружающих. Еще бы! Только вообразить себе: человек разговаривает вслух сам с собой в присутствии других людей! Или же он будет, как я, к примеру, замысловато выхаживать по своему директорскому кабинету на глазах у изумленных подчиненных…

Почему, почему так? То, что мы можем себе позволить в одиночестве, никогда не позволяем себе в окружении общества. Утеряна какая-то детскость, первородность, энергетическая свобода, простота и доступность…

Почему это? А потому, наверное, что мысли наши, хотя бы и глупые, хотя бы и уродливые, убогие, всегда можно скрыть, не показать, смолчать. А движения — они-то будут налицо! Вот они, смотри и понимай, кто перед тобой, какой человек, какой глубины и прочее. Да, если бы все человечество вдруг дало бы полную волю движениям своего тела в стиле своего мышления… Господи!.. Как бы все просто стало!..

Дураки бы отошли на свои места, а умные бы воссели на свои… А что проходимцы, льстецы, негодяи и прочее, подавляющее большинство планеты? А мне кажется, — их вовсе бы не стало. Ведь и задумать-то плохое, недоброе нельзя будет. Божественные отношения наступят повсюду на Земле…

Так я незаметно для себя разговорился вслух, выписывая кренделя по кабинету в полном одиночестве кинотеатра.

Впрочем, одиночество мое остановилось вдруг у дерматиновой двери кабинета, и я прислушался. Мне показалось, как что-то неопределенное послышалось оттуда, из малого фойе: шаги — не шаги, шорох — не шорох, и я насторожился…

Вдруг я содрогнулся от неожиданности: раскатистый крик

метнулся из малого фойе по всем помещениям кинотеатра, словно заглянул ко мне в кабинет и ощупал меня с ног до головы… Мне стало жутко. Я бросил озабоченный взгляд на телефон, стоящий на столе у самого ночника: „Вызвать милицию или же подождать, что дальше будет?“ Я решил, что еще подожду и послушаю…

Крик, обшаривший все изгибы и углы кинотеатра, умолк. Вместо крика теперь были отчетливо слышны точно по луже хлюпающие шаги. Я принялся гадать, притаившись за дверью, что же это могло быть: может, что-то замусорилось в одном из туалетов, и вот теперь по всему мраморному полу фойе растекается водяное зеркало? А может, кого-то зарезали там, и эти шаги хлюпают по кровавому месиву?

— Купсик! — внезапно раздался знакомый мне голос где-то совсем рядом за моей дверью!

— А-га-га-га! — видимо, отозвался хозяин шагов.

— Купсик, дай воды побольше, я хочу поплавать на спинке, — потребовал все тот же знакомый мне голос.

„Да это же Зоя Карловна! — вспыхнуло у меня в голове, библиотекарь кинотеатра“.

— Зойка, а ты со мной сегодня полетишь на планету? спросил каким-то булькающим голосом хозяин шагов.

— Ой, сегодня не знаю. Я так занята буду, у меня столько гостей намечается! — и она как-то зловеще захохотала.

Хлюпающие шаги пробежали по фойе, и вдруг вода водопадом рухнула там, за дверью. Я придавил дверь изо всех сил плечом, хоть она и была заперта на ключ, на всякий случай; лицо у меня взмокло от волнения.

Издалека послышались плескания.

— Ах, Зойка, догоню-ю! — завопил Купсик.

— Да куда же ты нырнул, а-а-ха-ха! Толстенький! Там же сортир! — шалила Зоя Карловна.

Она барахталась в воде, наверное, в двух шагах от меня; я продолжал подпирать дверь плечом. На окне моего кабинета была крепкая металлическая решетка, и я уже пожалел об этом.

Видимо, Купсик подплыл к Зое Карловне очень близко, и теперь они, нежась на плаву, перешептывались:

— Зо-ойка, — протянул в удовольствии Купсик.

— Толстенький, ты мне еще и за ухом, за ухом пощекочи, — шептала библиотекарь.

— Зо-ойка… А знаешь, твой директор…

— Не может быть! — оборвала Зоя Карловна.

— Да, да, — утверждал Купсик.

Все так же, стоя у двери, я приложил свое ухо к дерматину,

чтобы лучше слышать, о чем они говорят.

— Так ты запустил утку? — поинтересовалась Зоя Карловна.

— Еще бы!.. Но… — нашептывал Купсик своей ведьме, но я не расслышал что!

— Хорошо!.. Я сама все устрою, — сказала убедительно ведьма так громко и холодно, словно, чтобы я слышал!.. И потом, может, она оттолкнула от себя толстенького или шлепнула его рукою! Только заорал он, как все стихло… Минут через пять я решился и медленно повернул ключ в замке два раза. Я потянул дверь за ручку. И ничего не случилось! Вода не хлынула на меня, в фойе никого не было. Только стояла какая-то утрамбованная тишина, высвеченная ярким полнолунием.

Визит

Где-то часов около двенадцати следующего дня я стремительно вошел в библиотеку на втором этаже кинотеатра. Зоя Карловна сидела за своим рабочим столом и рылась в ящике с картотекой.

— Здравствуйте, — строго произнес я.

— Здравствуйте, Сергей Александрович! — проговорила библиотекарь, вскочила со стула и подбежала ко мне, усердно потирая руки.

Я недоверчиво покосился на Зою Карловну, но улыбнулся.

— Давайте выпьем чаю? — предложила она.

— Давайте, — согласился я.

Зоя Карловна просеменила коротенькими ножками в соседнюю комнату и засуетилась там. Комната служила книгохранилищем, но оттуда сейчас доносились позвякивания стаканов и даже, по-моему, бутылок…

Пока Зоя Карловна готовила чай, я равнодушно расхаживал среди книжных шкафов и полок, водя взглядом по корешкам книг. Слова я читал не все, а так, только некоторые, те, что наиболее ярко выделялись. Это напомнило мне прогулку по кладбищу, где тоже проходишь по аллеям и мельком считываешь глазами всевозможные фамилии покойников. Я остановился у окна и заглянул в него: по направлению к кинотеатру шел контролер, сегодня работала его жена, он шел и вдруг остановился у ступенек, задрал голову и пристально всмотрелся в соседнее со мной окно. Там, где книгохранилище. Я шагнул в сторону, за стенку, чтобы меня не было видно, и продолжал оттуда выглядывать, наблюдая за контролером. Я видел, как контролер понятливо кивнул, развернулся и решительно зашагал прочь от кинотеатра.

— Сергей Александрович! — донесся до меня голос библиотекаря из книгохранилища, когда контролер уже свернул в

проулок.

— Иду, иду, — отозвался я и поспешил в книгохранилище.

На широком столе среди вороха стопок журналов и газет, перепачканных жирными пятнами и присыпанных хлебными крошками, на самых его краешках стояло два стакана горячего чая в алюминиевых подстаканниках. Зоя Карловна уже сидела у своего стакана и сверкала бегающими глазами. Я тоже сел на приготовленную для меня табуретку и тем самым оказался напротив Зои Карловны.

— Да… Здесь у вас пора уже ремонтик делать! заговорил я, попивая чай и внимательно осматривая стеллажи и потолок.

— Да ну! — возразила Зоя Карловна. — С этим ремонтом больше хлопот будет! Скажете тоже!.. — словно обиделась она. — Вон, книг столько! Тьма!.. Все тогда придется перетаскивать в другое место, перебирать и обратно здесь расставлять! Шутка! Я-то одна. И библиотека должна работать, и прочая работа вестись, да еще и ремонт! Я лучше сама здесь побелю потолок и выкрашу пол!

— Да. Вас тяжело переговорить, — улыбнулся я в ответ на возражения Зои Карловны.

— Тяжело — не тяжело, а только я здесь хозяйка и мне виднее как и что! — явно наигрывая обиду, сказала библиотекарь.

— Если и сами, то все равно же с книгами возиться? — как бы оправдался я.

— Да че с ними возиться! — чуть ли не выкрикнула Зоя Карловна и осеклась тут же, перешла на спокойный, но выразительный тон. — Прикрою газетами, и порядок! Все меньше работы.

— Нет, — возразил я. — Так и так, из книг уже пора пыль выбивать. По корешкам вон тараканы и пауки бегают!

Зоя Карловна хотела было что-то выкрикнуть, да поперхнулась чаем. Она многозначительно прокашлялась и отодвинула свой наполовину пустой стакан в сторону.

И тут за моей спиной раздался миловидный женский голос.

— Сидите? — спросила обладательница его.

Я обернулся: в дверном проеме книгохранилища стояла женщина лет сорока с виду, довольно крупного телосложения, симпатичная. Она вертляво прошла мимо меня, словно ей было во-семнадцать, села возле Карловны, подтянула голубую юбку, тем самым оголив приятно загорелые, гладкие ноги и, достав из крохотной сумочки, лежащей на столе, сигарету, обратилась к библиотекарю:

— Зойка! Дай спички.

Ничего не говоря, Зоя Карловна присела на корточки,

открыла нижний ящик стола и извлекла оттуда растрепанную коробку.

Прошипела зажженная спичка, вспыхнуло пламя. Сигарета задымилась. Женщина сильно затягивалась, и сигарета, все уменьшаясь, осыпалась пеплом на пол.

— Фуф! С самого утра не курила! — проговорила между затяжками она.

Эту женщину я и раньше здесь видел не раз, а вот так близко впервые… Я сидел и, честное слово, даже не понимал, зачем я сегодня поднялся к Зое Карловне в библиотеку. Наверное, мне хотелось просто увидеть ее, после вчерашнего… Я до сих пор не мог поверить, что Зоя Карловна — ведьма…

— Зойка! — отдышавшись дымом, снова обратилась женщина к библиотекарю.

— А-а ха-ха! — хохотнула Зоя Карловна.

„Все-таки — ведьма!“ — твердо подумал я.

А хохотнула Зоя Карловна вот почему: пока я сидел и рассматривал книжные стеллажи, отвернувшись от курящей женщины, она в это время заголила ноги еще больше, так, что мужчина вряд ли в состоянии хотя бы один раз не взглянуть на это зрелище. Метнул взгляд и я… Женщина с сигаретой словно ожидала моего взгляда, после чего откинула юбку на место.

— Это Катя, моя подруга, — отрекомендовала женщину с сигаретой Зоя Карловна.

Подруге этого, видимо, показалось мало, и она представилась еще и сама:

— Екатерина! — величественно сказала она.

— Словно царица! — подчеркнул я, и женщине с сигаретой мой комплимент понравился.

— Сергей, — представился и я.

— Сергей Александрович, — словно переводчик объяснила Зоя Карловна для своей подруги.

Больше всего меня удивляло в этой по существу нелепой и чуждой мне ситуации то, что я принимал ее, эту ситуацию, такой, как она есть, не оценивая, не сопротивляясь, не переделывая на свой лад. Я не вмешивался в ее ход. Все чаще я стал замечать за собой подобное. Это — чудеса созерцания. Красочность обступает тебя со всех сторон, и если ты не потянешься к ней своими чувствами, помыслами или телом, останется только красочностью. И тогда ты почувствуешь прилив неведомых сил и нестерпимую радость…

— Как дела, Сергей Александрович? — спросила Екатерина.

— Екатерина, — сказал я, — извините, а как будет звучать ваше отчество?

— Васильевна, — подсказала Зоя Карловна.

— Ну, что я, сама не скажу, что ль?! — возмутилась Екатерина в сторону своей подруги, и та, промолчав, только лишь часто заморгала.

— Понимаете, Екатерина Васильевна, — не обращая внимания на пререкающихся подруг, продолжил я развитие своей мысли. Мы вот подумали с Зоей Карловной за чаем, что пора уже и ремонтик здесь организовать, в этой комнате, не правда ли?

— Правильно! — поддержала меня Екатерина. — Сюда ни влететь, ни войти — сарай, и только!

— На чем? — спросил я.

— Что на чем? — неуверенно переспросила меня неожиданно притихшая Екатерина Васильевна. Она, словно провинившаяся, опустила глаза, потому что я видел, как Зоя Карловна на какое-то, едва уловимое мгновение, неодобрительно покачала своей сорвавшейся подруге головой.

— Я имею в виду, на чем влететь, — пояснил я.

— А-а!.. — как бы опомнившись, воскликнула Екатерина. Вы меня не так поняли, Сергей Александрович, я имела в виду вбежать! — И она тут же поменяла тему нашего разговора. Сергей Александрович, а я вас недавно слышала по радио.

— Да. Было дело… — и я немного засмущался.

Нашла все-таки Екатерина мое слабое место! И потащила, потащила.

— У вас прекрасные стихи! — ознаменовала она и полушепотом добавила: — Почитайте, пожалуйста.

— Да как-то и неловко, честное слово. И потом я сейчас плохо помню наизусть. Да и ангина дурацкая, тоже еще как назло, может, в следующий раз? — отпрашивался я.

— Ну, ну! Сергей Александрович! — вмешалась Зоя Карловна. — Дама просит.

— Хорошо! — сказал я.

И мне ничего не оставалось делать, как читать стихи, и я прочел.

Земля и Бог, — все так
привычно.
Среди людей вопрос ребром:
Земля и Бог, — что есть
первично,
А что придумано потом?!
Одним Иисус Христос
опека.
Другие бьют земле поклон.
Нам не живется без икон.

В себе забыли человека!..
Забыли в мире мы
о многом…
Среди распутицы дорог
Когда-то, чтоб воскреснуть
Богом,
Стал человеком даже — БОГ!..
***
Космический ребенок, звездный малый,
На мир Земли он заглядеться мог.
И так, отстал от папы и от мамы…
„Я здесь, богиня мама, папа Бог!
Агу, Агу!..“ Напрасны эти крики.
Проходят годы, вырос человек…
Он узнает божественные лики
Или не помнит их он целый век…
***
Вздохнул невольно пра-пра-пращур
И отхлебнул добра и зла.
Его душа, глаза тараща,
Корнями в тело проросла…

Я читал стихи медленно, с таинственными расстановками. Читал только те стихи, которые хорошо чувствовал наизусть. Екатерина Васильевна и Зоя Карловна слушали меня, переглядываясь, притаившись, сидя возле стола, и даже ни разу не шевельнулись…

Я окончил чтение и тоже притаился… Прошло, может быть, с полминуты…

— Как осмысленно вы читаете… — кротко похвалила меня Екатерина.

— Сегодня форточку можно не открывать! — отозвалась Зоя Карловна.

— Это почему же?! — удивился я.

— Да вы уже все помещение стихами проветрили!

— Вот это да! — улыбнулся я. — Никогда еще не задумывался над поэзией с подобной стороны.

Я поднялся со стула, отошел к двери и сказал:

— Ну мне пора, меня ждут бумажные перегородки службы! Ничего не поделаешь!

— Сергей Александрович! — остановила меня Екатерина, когда я уже сделал первый шаг из книгохранилища. — А с ремонтиком я тоже помогу!

— Я обязательно учту ваше предложение, — сказал я. Спасибо, Екатерина Васильевна.

Я вышел из библиотеки, а позади послышалось:

— Зойка!

— А-а ха-ха!

„Господи! — воскликнулось во мне. И я громко произнес про себя, а вовне лишь прошевелил губами имя. — Господи Иисусе! Ведь это же — две ведьмы!“

Реальное воображение

Все больше я начинал верить в мистику, — все большее вокруг становилось таинственным. Да оно так и бывает на свете! Чем больше рисуешь, тем четче вырисовываешься ты сам. Мне порою даже кажется, что еще надо разобраться кто кого рисует: художник картину или картина художника! Мы воображаем или же мы являемся частью воображения? А самое главное, где граница между воображаемым и реальным? И если эта граница существует, то кто же является пограничниками, как не мы сами! И все же граница есть. Она является реальностью, хотя бы потому, что в мире существует любовь.

Да, именно любовь прорывается через границы наши и отыскивает свое повторение по обе стороны этих границ!

Спросите влюбленного: что с ним? Этот несчастный ответит вам: я люблю!

Итак, кого или что он, влюбленный, полюбил? Он полюбил воплощение своего вкуса! И физическое и духовное воплощение в каком-то определенном лице или деле. Он полюбил свои представления, свой образ, свои, найденные воочию, устремления, свою желанную ласку, свои взаимоотношения, а значит он по-любил себя, прежде всего! Он встретил, обрел себя, замкнул себя на себе самом в какой-то отдельности своей или же объемно, во всем.

А что же это значит: замкнуть себя на себя самого? Великолепное слово, полностью отвечающее этому состоянию эгоизм! Да! А что здесь плохого?.. Высшая степень эгоизма одиночество… влюбленный, точнее — эгоист, ну, в общем, человек, открывший в себе себя, часто больше не нуждается в очевидном, реальном объекте своей любви. Он с простодушной легкостью восклицает: „Как дай Вам Бог любимой быть другим!“

Мы все слепы от рождения. Мы ищем себя, от самого чрева матери, собираем себя во всем — в людях, в ситуациях, делах, книгах, воображении и так далее. Весь окружающий мир как бы вызеркаливает нас! И когда мы уже полностью себя отразим, нам уже не нужен становится весь окружающий мир, ибо он уже открылся в нас… Мы влюбились, мы нашли себя и… стали эгоистами! Одно из важных и зачастую последних зеркал эгоизма выявляет твой любимый человек…

Чувствую, что назрело множество возражений, не буду спешить, пусть их рост продолжается. Мне думается, что чем шире перепад между ними, тем ярче все становится вокруг. Да здравствуют: высокое и низкое, черное и светлое, смерть и жизнь! Возражение и движение — не одно ли это и то же?!

Самые беспощадные люди на свете — это влюбленные, правда, те влюбленные, которые еще находятся на стадии не окончательного эгоизма, те, которые еще не ушли в себя, в свой эгоизм, в одиночество своего мира. Попробуй только хотя бы косо посмотреть на предмет любви такого влюбленного! Какая беспредельно звериная озлобленность и жестокость в ответ! Впрочем, поэты и философы пытаются приукрасить это, ссылаясь на то, что влюбленный защищает любимое дело или любимого человека. То-то и оно, что он — защитник именно любимого, то есть защитник себя! В этом и есть красота гармонии…

Бесспорно, что можно защищать и нелюбимого или нелюбимое и при этом оставаться самим собой — невозможно! Ведь делать подобное противоестественно! Не будет человек совершать то, что ему не нравится. Катятся с горы, а не в гору! А если все-таки наоборот, то это значит, что человек, по объемности, менее нашел себя. Так сказывается воля более сильного, воля общества, государства, права. Что поделаешь, но здесь вступает в силу закон соподчиненности, закон энергетической гармонии.

В любом случае, делать нелюбимое — всегда претит человеку!

И еще, высшая ступень любви — одиночество! Как же приходят к нему? Мне кажется, что здесь есть только два пути. Первый — когда ты себя накопил в самом себе путем очень раздробленным, очень собирательным… Такие люди зачастую всю свою жизнь пока они еще не испытали прелесть одиночества, несчастны и печальны, а иногда и сорвиголовы! Второй путь когда ты себя накопил в себе самом весьма избирательно, более конкретно, то есть любил того-то и то-то… Такие люди становятся одинокими, испытывая постоянно счастье и спокойствие…

Но жизнь — она вперемешку! И по природе своей, чаще всего, оба пути взаимопроникновенны в человеке. В чистом виде эти пути — редко встречаются…

Есть еще один путь одиночества — врожденный… Но это совершенно другое, иной поворот судьбы. Смолчим о нем. Смолчим еще о многом. Молчит молчун, закрывши крепко рот. Его молчанье может пригодиться… Но дважды ценен, трижды ценен тот, кто говорит, но не проговорится!..

Итак, делать нелюбимое я не стал бы никогда на свете! Я живу, я тороплюсь разыскать свой эгоизм и даже готов на жертву ради любимого человека, а значит во имя себя…

А еще я остаюсь пограничником, но, наверное, я очень добрый пограничник. Я слишком долго не обращал внимание на перебежчиков, и я привык к этому и не знаю теперь, кто с какой стороны! Я совсем растерялся от этого, все перепуталось: реальность воображаема, а воображаемое — реально!..

Беременная!

— Сережа! — Я остановился…

— Сережа! — „Слышится ли мне?“

— Я здесь, родной мой, обернись!..

Я обернулся, обернулся легко и просторно! Обернулся у себя во дворе, возвращаясь с работы. Обернулся на футбольном поле. Позади меня стояла — Наташа!

— Я долго шла за тобой и молчала, — сказала она.

— Я долго шел и не оборачивался, — ответил я.

— Я не могу больше идти за тобой, но я не хотела тебе мешать!

— А я не в силах продвигаться дальше вперед без тебя, Наташа!

— Твоя любовь тяжелеет во мне, и мои шаги все труднее и труднее… — сказала она.

Мы стояли друг против друга, словно сошлись в поединке любви. В поединке, где сбудется победителем — целое… Я целовал Наташу.

— Я уведу тебя туда, где мы не будем нужны друг другу, родная, — шептал я, — уходи от меня, я принесу тебе гибель!

— Теперь уже ничего не страшно, — ласкалась Наташа, — у нас будет малыш…

— Так это было на самом деле?! — восторжествовал я.

— Я не знаю, но я очень этого хотела!

— И ты ничего не помнишь? Наташа!

— Комната, река… Серебристые блики, — сказала она, целый ворох серебристых бликов на потолке!..

Там, где Бог!

На следующий день была суббота, и мы с Викой решили тайком сходить в церковь. Это она вытащила меня, убедила, девчонка!

— А вдруг там и правда дежурят доносчики?! сопротивлялся я. — Ты представляешь себе, что будет?

— Это в тебе уже бес блуждает, — ужасалась Вика, она все больше верила в Бога и даже начинала соблюдать посты.

— Если узнает райком партии — я пропал!

Меня снимут с работы, — паниковал я. — Клеймо навсегда!

— Значит, судьба, — убеждала она. — Господи прости, эти атеисты! Тебе зачтется…

Видимо, мое детство, воспитанное верой, победило во мне сомнения, и я согласился. И я видел, как Вика была счастлива…

У нас в городе остался только один собор. С одной стороны его проходила трамвайная линия, а со всех остальных теснился Центральный рынок. Страшно представить себе бездуховность такого огромного города! Это все равно, что закрыть все библиотеки и оставить лишь одну, которую придется посещать спешно, тайком. Воистину страшны времена, когда бездуховность считается нормой! У нас в городе был громадный златоглавый храм, и его не стало. И теперь, на той светоносной площади, где он величественно возвышался, поставили крохотный памятник безликому всаднику на коне… И еще были храмы…

Мы с Викой только входили во двор собора, как на нас ринулись со всех сторон стоявшие по обе стороны распахнутых железных ворот бабушки в косынках, женщина с изуродованным синяками лицом, все они просили милостыню. В кармане у меня оказалась целая кучка звенящих пятнадцатикопеечных монет (вчера я не дозвонился по междугородке из автомата). Я все их раздал.

И тут я увидел, как скользнула по паперти и скрылась в церкви знакомая мне фигура! Я мог спорить с кем угодно, — она появилась ниоткуда! Появилась, как святая, которую увидел только я… „Господи!.. Так это… Это же… Наташа!“ выкрикнул я про себя.

— Ты что остановился? — дернула меня за руку Вика, и я очнулся от счастливого беспамятства!..

Мое замешательство длилось несколько мгновений, но теперь я ринулся в церковь, ринулся в нее, потому что туда меня поманила Наташа, и я почувствовал, что во мне, как в детстве, вспыхнула и таинственно расцвела вера в Бога.

— Сережа, — одернула меня Вика, — это же неприлично!

— Что? — на ходу, едва расслышав ее голос, отозвался я.

— Неприлично. То ты останавливаешься, то ты бежишь, как угорелый! Это в тебе все-таки бес резвится!

Я окончательно пришел в себя, и далее мы пошли с Викой нога в ногу, медленно. У паперти Вика достала из газетки аккуратно сложенную косынку нежно-голубого цвета и надела ее себе на голову.

— Завяжи, — попросила она меня.

Я завязал косынку, в глазах у Вики царили искорки. Она давно уже уговаривала меня пойти в храм, и наконец, ее

могущественная мечта сегодня сбывалась…

Вика повернулась к собору лицом, перекрестилась на него и поклонилась ему. Я забыл обо всем на свете! Где-то в туманном далеке памяти растаял райком партии и кинотеатр, словно их не было никогда на свете! И мурашками покрылось мое тело, и сухие, горячие ручейки растекались по нему, от величия и древности, от светлого волшебства этого замысловатого движения руки. Движения, которое пришло ко мне в детстве вместе с тем, как я научился держать ложку… Я тоже перекрестился.

… Повсюду витал проникновенный запах горящих свечей и дымный аромат ладана. Людей было много, но дышалось нараспашку! Ни малейшей теснинки в душе! Мы купили по три небольших свечки, аккуратно выстояв длинную очередь.

— Ты пойди к своему святому, Сергию Радонежскому, его икона там, — Вика едва указала рукою, — слева от алтаря. Поставь свои свечи и помолись ему, а я буду тебя ждать здесь и тоже молиться, хорошо?..

— Да, конечно, — согласился я. И пошел.

Я свернул за высокую колонну и остановился в двух шагах от иконы Сергия Радонежского.

Я стоял напротив своего святого, он возвышался надо мною в золотом квадрате рамы и, как мне показалось, словно выглядывал куда-то из-за подвешенной перед его святым ликом массивной лампады. И я улыбнулся этому, но тут же и содрогнулся… Я понимал, что юмор здесь не уместен, что это результат какой-то осквернённости моей души, эхо безумно хохочущего мира бездуховности, там, за изгородью этого храма. Господи, нам уже не хватает смешного безумия нашей собственной жизни, над которым мы сами же смеемся, так мы еще и придумываем страшные картины хохота, мы замкнули свой хохот на придуманный, и теперь, словно ужаленные змеи не можем уже остановиться и извиваемся по кругу за своим собственным хвостом!

А мне удалось вырваться сюда ненадолго. Но я к этому безумному хохоту прикован тяжелой цепью, которая притащилась за мною к иконе Сергия…

Я подпалил по очереди все три свечи и установил их на подсвечник под иконой. Встал ближе к иконе и начал взволнованно молиться и горячо шептать, абсолютно забыв обо всем на свете!

— Святой Сергий! Не откажи в милости, выслушай скромную молитву мою… Прости, я столько лет не помнил о тебе! Но я столько лет не помнил и о себе! А что может человек, не помнящий о себе, больше того, чем прожигать жизнь свою, ибо

весь мир для него заключается в слове „хочу“! Прости меня, святой Сергий! Я пришел сегодня сюда к тебе приклониться, и этот день — лучезарен для меня! Устала душа моя, переполнилась тяжким грузом она от греховной жизни. Прости меня, Сергий, и помоги, если можешь, в дерзких планах моих! Дай мне здоровья, и силы, и ума для Победы в устремлении моем к Истине, к Богу, для победы в каждом дне моем над силами зла! Освети и окрести путь мой, Сергий Радонежский! Предскажи мне Великую Победу в Земных и Духовных делах моих и наставь на путь истинный!.. Проси за меня у Господа Бога Иисуса нашего, чтобы даровал он мне прощение и милость свою, чтобы помог он рабу своему Сергею Истине…

Я замолчал. У меня навернулись слезы умиления, и я простоял еще минут пять молча, поглощенный вдумчивым взглядом Сергия.

Потом я возвратился к Вике.

— Сегодня Праздник, — сказала она. — Пойди, пусть тебя батюшка святой водою окропит и благословит. Это — вон там, и она кивнула в сторону того места, куда мне предстояло идти.

Я проходил под высокими сводами купола, где простирался Господь надо всеми верующими, внимая их молитвам.

И вот я остановился поодаль от батюшки. Он стоял во всем черном, макал веник, скрученный из хвороста, в небольшое ведро со святою водою и обрызгивал: яблоки, мед, прихожан, их детей, произнося при этом святые слова. Каждую секунду я порывался приблизиться к нему, но поток прихожан, как нарочно, усиливался. Наконец, я уловил свободный миг, промежуток среди прихожан, и тоже шагнул к батюшке.

— Окрестите меня, святой отец, окропите святой водою, благословите на дерзкие дела, — попросил смиренно я.

— Какие же дела твои, добрый человек? — спросил батюшка.

— Ищу дорогу к Богу, к Истине, хочу поведать о душе человеческой, открыть ее тайну для всех людей!.. — сказал я.

Батюшка посмотрел на меня строго, но по-доброму, он намочил веник покрепче и брызнул на меня, в лицо…

— Там, где Бог! Там, где Бог! — сказал он.

Словно в детстве я попал под светлый и теплый дождик! Множество мелких капелек стекало по моему лицу, и мне было так хорошо и радостно! Я обернулся и замер… Замер от изумления!..

В десятке метров от меня среди молящихся старушек в белых, накрахмаленных косыночках, я увидел — Наташу!.. Она стояла и тоже усердно молилась, как вдруг подняла голову и наши взгляды уловили друг друга…

Я очень долго пробирался среди людей к тому месту, где стояла Наташа. Я с трудом подошел к заветному месту.

— Молодец! Теперь можно идти домой, — услышал я возле себя сияющий голос Вики, а Наташи, ее уже не оказалось…

Я с Викой вышел на улицу. С посеревшего неба срывались первые хрупкие снежинки, они таяли, буднично таяли в лужицах. Вика взяла меня под руку, и мы, мимолетно переглядываясь, зашагали вдвоем к трамвайной остановке. Я чувствовал, как Вика гордится мною. Я оглянулся в сторону храма…

Часть четвертая. ПРИКОСНОВЕНИЕ

Стечение обстоятельств

Хорошо быть ветром! Летишь где угодно, что подвластно силе твоей — пронизываешь, преодолеваешь, что не подвластно тебе обтекаешь или проходишь стороной, не задумываясь…

Если бы я отвечал на вопрос, в чем различие между свободным ветром и человеком, то я непременно ответил бы так: человек может иметь свое мнение, может как-то относиться к своему продвижению в пространстве, как с помощью мысли, так и помощью тела. Другими словами: человеку свойственно оценивать, даже направлять, планировать движения тела и мысли, человеку свойственно желание самого движения и оценка его — семь раз отмерь — один раз отрежь! Эта пословица — ошейник для дураков! Здесь и запрятан секрет глупости человека да и человека ли?! Но здесь двоякость: может ли человек называться человеком, если он закомплексован и не свободен, как ветер; и может ли человек называться человеком, если он свободен, как ветер, а значит — бессмыслен?!

Только Человек-Ветер, человек, который совершенно не оценивает движения мысли и тела! Да здравствует он!

Да, но только не каждому, кто сказал „я“, можно давать оружие! А Человек-Ветер — это огромное оружие, непревзойденное на Земле, оно не имеет аналогов на планете!

Именно, Человек-Ветер, а не просто — ветер, или просто человек!

Смотрю я, ведь как свободен ветер! Ему дозволено многое, и дозволено это потому, что он ветер и не более того, потому что он не оценивает своих движений, не обдумывает их, но здесь, правда, есть единственное сожаление в адрес ветра, он не понимает своих движений! Но остановимся на том, что ветру как таковому — очень многое дозволено из того, что не дозволено человеку.

Человек-Ветер, в отличие от ветра, способен понимать, осознавать сам факт своих движений в пространстве. Человек-

Ветер в отличие от человека способен не желать.

Наше тело — ветер, а наши мысли комплексуют его! Мы издаем не законы, а издаем мысли, которые своеобразно комплексуют наши тела, в государственных масштабах, в рамках социального строя…

Человек-Ветер созерцает эти законы, живет гармонично, без стрессов, и, что удивительно, общество само разрешает ему то, что оно ни за что на свете не разрешило бы рядовому своему члену, даже законы тают перед силой созерцания. Да здравствует Человек-Ветер!

В последнее время я жил и метался между ветром и человеком, и мне было тяжело жить в такой раздвоенности!

Я срывался, обрушивался на что-то, на кого-то всем существом своим и навлекал на себя кучу неприятностей.

Доходило до абсурда: я начинал избегать на улице своих знакомых, больше сидеть дома, в одиночестве, или срывался в оглушительное раздолье.

И так меня швыряло от человека к ветру и от ветра к человеку… И я даже написал четверостишие:

Люблю я ветра гордые порывы!

Пред Вами расточаюсь в похвале:

Ветра познаний и любви, — как взрывы!

А кто-то скажет: „Ветер в голове…“

Но зато, когда мне удавалось пусть даже на одну секундочку ощутить себя Человеком-Ветром, тогда я по-настоящему являлся портретным властелином окружающего меня мира, именно портретным, потому что воспринимал я в то счастливое время весь мир, точно воплотившись в свой фотографический портрет, — я осознавал свое тело ожившим, объемным портретом, передвигающимся в своем фотографическом пространстве! В таком состоянии происходят удивительные вещи…

Идущий впереди человек обернется, посмотрит на тебя сам не зная почему, а это ты заставил его обернуться, и даже не заставил, а просто подумал об этом,

Включишь радио или телевизор, а там звучит та мелодия, которая тебе нужна, или говорят, показывают именно то, что ты бы хотел увидеть или услышать сейчас…

Или появляется тот человек, который тебе нужен в настоящее время… издается тот закон, даже в масштабах государства и планеты, делается то открытие в науке, что необходимо тебе сегодня, и опять-таки, не потому, что ты этого захотел, а потому, что ты об этом просто подумал…

Замечая за собой успехи в области состояния Человека-Ветра,

я на глазах у себя стал изменяться в характере. Во-первых, меня очень злили состояния, когда я находился вне Человека-Ветра, а поскольку этих состояний было подавляющее большинство (да что там большинство, почти все время), я выглядел весьма строптивым, я сказал бы даже — агрессивным, но это уже во-вторых! Об агрессивности — чуть позже. Итак: Человек-Ветер всего лишь одно-два мгновения, а потом — весь день, два, а то и неделю — злость в чистом виде!

Господи! Как же это тяжело: знать лучшее, хотя бы иногда обладать им воочию, а все остальное время спотыкаться среди дерьма. Правда, я пытался учиться жить с ориентировкой на те счастливые мгновения, и мне удавалось час, два, а то и большинство дня, зачастую с остатком на следующий, выдерживать безмятежную улыбку на лице при натиске грязи! Но это оказывалось еще и хуже, чем когда я пребывал в злобе своей. И вот почему: сдерживая злобу, я ее копил, оказывается! И потом наступали такие невероятные срывы… И я, памятуя это, отдавался первому позыву злости.

Преобладала злость! Даже окружающие меня люди стали замечать, что „излишне эмоционален“, — так и записали в моей характеристике, направленной в райком партии от моего киноначальства. Даже один мой далекий знакомый литератор Иванов, как-то после одной из увеселительных вечеринок сказал мне, когда мы вышли на ночную улицу: „Не пойму, почему ты, Серега, такой злой, может, потому, что ты — не женат до сих пор?!“

Да, некоторые начинали приписывать мою раздражительность моему холостому образу жизни. Я не пытался их разу беждать. Моя совместная жизнь с Викой проходила тайно, все больше у меня в постели (когда я оставался в квартире один) или же в дружеских прогулках по городу и его развлекательным заведениям. Нас мало кто видел, в гости мы не ходили.

Конечно, моя мама подразумевала эту близость, но она подходила к этому с точки зрения философии и предпочитала, и правильно делала, не вмешиваться в мою личную жизнь!

Агрессивность! Сколько она причиняла страданий мне… Аня и я иногда перезванивались по телефону, редко виделись, с Корщиковым я виделся еще реже. Но и Аня, и Корщиков стали замечать мою раздражительность даже в эти короткие промежутки наших встреч.

— Смотри, — накажу я тебя! — бывало хитро прищурившись, говорил я Ане.

А я и в самом деле верил и чувствовал потаенные возможности! Но и сомнения мучили меня, ведь я же метался!

Аня начинала защищаться от меня…

Потом я, как-то незаметно для себя, вошел в какую-то вереницу болезней, в основном простудных: гайморит, тонзиллит, бронхит и прочее, даже воспаление легких. Они прямо-таки атаковали меня, и это в свою очередь прибавляло во мне силу злобе, агрессивности, но слабости души и тела тоже…

Аня пробовала меня лечить упражнениями, какими-то приборами, сам я не только забросил йогу, но и не делал физзарядку, однако все старания моего добровольного доктора шли насмарку от моего бесшабашья, вредности, я много курил! Я изрядно похудел, побледнел. Назрела какая-то стрессовая ситуация или же что-то другое, не знаю что, но я безвольно катился куда-то, не в силах остановиться или притормозить.

Прошел съезд в Таганроге, я не помню, как он там назывался, да и важно ли это!

Вокруг съезда был приличный ажиотаж.

Аня таинственно поведала мне, что на съезде, среди профанов, присутствовали в основном все ведущие мистики страны! И я узнал еще и то, что этот съезд регулярен, проходит один раз в не помню сколько лет, и что на следующий форум, возможно, попаду и я…

Я много читал литературы, соответствующей моей устремленности: „Основы Тибетского мистицизма“, „Тибетскую книгу мертвых“, „Энциклопедию оккультизма“ — я просто проглотил в один присест… Так, я познакомился со стихами Валентина Сидорова, с его книгой „Семь дней в Гималаях“.

— Ну и много же путаницы у него, у Сидорова, в голове отзывалась о творчестве писателя Аня.

— Ну и много же путаницы у Сидорова в голове! — повтобеждать. Моя совместная жизнь с Викой проходила тайно, все больше у меня в постели (когда я оставался в квартире один) или же в дружеских прогулках по городу и его развлекательным заведениям. Нас мало кто видел, в гости мы не ходили.

Конечно, моя мама подразумевала эту близость, но она подходила к этому с точки зрения философии и предпочитала, и правильно делала, не вмешиваться в мою личную жизнь!

Агрессивность! Сколько она причиняла страданий мне… Аня и я иногда перезванивались по телефону, редко виделись, с Корщиковым я виделся еще реже. Но и Аня, и Корщиков стали замечать мою раздражительность даже в эти короткие промежутки наших встреч.

— Смотри, — накажу я тебя! — бывало хитро прищурившись, говорил я Ане.

А я и в самом деле верил и чувствовал потаенные

возможности! Но и сомнения мучили меня, ведь я же метался! Аня начинала защищаться от меня…

Потом я, как-то незаметно для себя, вошел в какую-то вереницу болезней, в основном простудных: гайморит, тонзиллит, бронхит и прочее, даже воспаление легких. Они прямо-таки атаковали меня, и это в свою очередь прибавляло во мне силу злобе, агрессивности, но слабости души и тела тоже…

Аня пробовала меня лечить упражнениями, какими-то приборами, сам я не только забросил йогу, но и не делал физзарядку, однако все старания моего добровольного доктора шли насмарку от моего бесшабашья, вредности, я много курил! Я изрядно похудел, побледнел. Назрела какая-то стрессовая ситуация или же что-то другое, не знаю что, но я безвольно катился куда-то, не в силах остановиться или притормозить.

Прошел съезд в Таганроге, я не помню, как он там назывался, да и важно ли это!

Вокруг съезда был приличный ажиотаж.

Аня таинственно поведала мне, что на съезде, среди профанов, присутствовали в основном все ведущие мистики страны! И я узнал еще и то, что этот съезд регулярен, проходит один раз в не помню сколько лет, и что на следующий форум, возможно, попаду и я…

Я много читал литературы, соответствующей моей устремленности: „Основы Тибетского мистицизма“, „Тибетскую книгу мертвых“, „Энциклопедию оккультизма“ — я просто проглотил в один присест… Так, я познакомился со стихами Валентина Сидорова, с его книгой „Семь дней в Гималаях“.

— Ну и много же путаницы у него, у Сидорова, в голове отзывалась о творчестве писателя Аня.

— Ну и много же путаницы у Сидорова в голове! — повторял я, как попугай, если речь заходила о „Семи днях в Гималаях“ с каким-нибудь из моих знакомых. Я повторял, даже не разбираясь почему.

Однако меня настораживало, что в Волгограде была открыта группа людей, которая использовала „Семь дней в Гималаях“ в качестве своеобразной библии! Может, все-таки там что-то и есть, но я продолжал попугайничать: „Ну и много же путаницы в голове у Сидорова!“

Что поделать! Попугайничество тоже становилось одной из моих черт. Порою это было настолько заметно, настолько явно выражено, что один из моих собеседников заявил мне:

— Кого ты перепеваешь?!

Но я не обращал внимания и продолжал свой стремительный читательский и подражательский бум!..

Я ознакомился с книгой известного французского мистика А. Дебароля, который тридцать лет ходил по всей Франции, изучал людей: их ладони и пальцы рук, характеры, черты лиц, строения черепов и другое, и написал фундаментальный труд „Тайны руки“! Дебароль „научил“ меня, разговаривая с нехорошими людьми или находясь в обществе таковых, — зажимай в кулак три пальца: средний, безымянный и большой. Получались своеобразные рога из мизинца и указательного пальцев, выпяченных вперед. Мне очень понравилось это упражнение, и я без особых стеснений использовал его по мере необходимости, и помогало, и порою еще как!

Неожиданно я провел параллель между этим упражнением, как я его называл, „волевое сопротивление“, и, как ни странно, металлистами (орущими „хеви металл!“), ведь они тоже выпячивают мизинец и указательный пальцы в знак проявления собственной воли и неподчинения чужой! И я написал стихотворение, увлекшись металлистами и тяжелым роком, потому что меня занимала их волевая ограниченность и потому что они, действительно, были таковой ограничены. Стихотворение звучало так:

Струна к струне, — страна гитария!
Бежал куда-то Мефистофель…
Пойдешь направо: группа „Ария“,
Налево группа „Черный кофе“.
Во что еще поверим, втюримся?!
Стальная песня не допета.
Мы так орем, что даже жмурится,
Зигзаги звуков, — „хеви металл“!
Мы все восторженно рассеяны.
Сидеть на месте заду тесно.
Мы привстаем, но рок уверенно
Сбивает с ног и давит в кресло.
Наш рок машинно-металлический
В концертном зале свищет… Ах!..
Мы перед музой электрической
Все на цепях и в кандалах!

Однажды, когда я после длительного перерыва в очередной раз встретился во Дворце Здоровья с Корщиковым и с Аней, то Аня, окинув меня взглядом знатока, и, может быть, просто устав уже от всевозможных агрессий с моей стороны, а может, в желании помочь, обратилась к Корщикову:

— Слушай, Саша, давай-ка его, — она кивнула в мою сторону, — нашего злюку, определим к Ивану. Я думаю, что их надо познакомить. Как ты на это смотришь?

— Ну, что ж… Пожалуй, познакомь, — сказал Корщиков. Они разговаривали обо мне в моем присутствии так, словно решали вопрос, куда лучше переставить стол в этой комнате: к окну или дверям… Но меня это не разозлило, а наоборот: я предчувствовал интересное!..

— По-моему, они весьма подходят друг другу, — определила Аня.

— Да, да, — уже на бегу из комнаты, как-то, будто прохожий, поддакнул Корщиков и исчез за дверью…

Прошло еще некоторое время, может, недели две…

Зима уже вовсю разыгралась, основательно выбелила все дороги и тротуары в городе. Прохожие, будто перекуривались в разговорах, машины словно сторонились друг друга, и надо всем громадным городом столбом стоял белый свет, отражавшийся от светоносного снега.

Обжигаясь лицом в этом морозном свете, я пробежал от трамвайной остановки квартал одноэтажных домиков и поскорее вошел в суетливое тепло Дворца Здоровья.

Через пару минут мы с Аней снова сидели в ее крохотной лаборатории психофизиологов и ожидали прихода того самого Ивана.

Я обидчиво ежился на замечания Ани, к моей натуре еще и присовокупилась обидчивость, я продолжал язвить и пререкаться.

Пришел Иван и сразу же сел за стол с видом основательным, словно он прибыл на прием своих пациентов! А он и действительно прибыл на прием. Меня и еще какую-то лаборантку в белом халатике — я ее видел в первый раз, — Аня представила Ивану.

Он осмотрел нас внимательно. Из-за стола не вставал, не суетился. Взгляд его не бегал по нашим лицам, но каждый из нас постоянно ощущал его на себе.

Иван выглядел довольно молодо, моложе меня. Если бы мне довелось описать его внешность, то я описал бы ее приблизительно так: у Ивана были короткие, кудрявые волосы, сам он роста невысокого, на лице выделялся крупный, с горбинкой нос, зеленые, малоподвижные глаза, круглый подбородок, довольно серьезная, подчеркнутая выразительностью линий, решительность губ.

Аня поведала Ивану об устремлениях и уровне моих желаний и лаборантки. Так я узнал, что лаборантка, ее звали Надя, собирается научиться лечить людей.

— К чему тебе это? — спросил у лаборантки Иван.

— Хочу научиться тем самым нести добро… — робко, с опущенными глазами пояснила Надя.

— Лечить нельзя и невозможно! — сказал он.

— Почему? — удивилась все также робко она.

— Потому что закон сохранения энергии… Сколько ты выведешь грязи из души человека, которого вылечишь, столько же ее войдет в тебя или еще куда. Эту грязь сжигать надо, а это не каждому дано.

— Так мне не дано? — печально переспросила Надя.

— Не знаю, — отрезал Иван. — Но болеть ты будешь. Если тебя устраивает подобная перспектива — лечи!

— А ты меня можешь научить, как лечить? — словно попросила она.

— Нет, — сказал он. — Я этому не учу.

На этом разговор с лаборанткой в белом халатике был исчерпан, и она, неохотно поднявшись из кресла, медленно вышла за дверь лаборатории под всеобщее молчание.

Следующая очередь была моя.

— Ну, а что ты хочешь? — обратился ко мне Иван.

Я ничуть не робел перед ним и поэтому заговорил с ним не спеша и обдуманно:

— Хочу стать магом, — заявил я.

Аня улыбнулась, она вообще умела улыбаться с подковыркой, как мне казалось в последнее время. Она улыбнулась, и это сразу же разозлило меня! Но усилием воли, коей у меня иногда хватало, я погасил свое раздражение.

— Магом… — медленно, как бы обдумывая, проговорил Иван. — Но это же головастики! — сказал он. — Не правда ль, Ань?

— Дело в том, что Сергей сам еще не знает, что он хочет, — пояснила Аня. — Ты его, Ваня, возьми к себе, сделай из него человека.

Вошел Корщиков.

— А! Вся нечистая сила собралась, — сказал они поздоровался за руку с Иваном.

Я насторожился. Фраза "нечистая сила" меня смутила, но, все-таки, я не придал ей особого внимания, ведь открывалась перспектива, что мною займутся, а это сильно привлекало!

Где-то через полчаса я и Иван, вместе, шагали по ледяному тротуару, присыпанному песком, в сторону Центрального рынка. Конечно же, можно было бы проехать и на трамвае, но нам необходимо было переговорить. И мы, на скором ходу, весьма деловито беседовали. Иван оказался неплохим парнем, посоветовал мне походить позаниматься, как он выразился, "своим телом", к одному человеку, по фамилии Долланский.

— Он больше двадцати лет в городе ведет преподавание

своей системы, — осведомил меня Иван о Долланском, — он ни о чем не знает и не догадывается. Мы, — протянул Иван многозначительно, — часто используем Долланского для восстановления своих людей. Тебе надо укрепить здоровье! Предстоит нелегкая работа. Впереди много проблем! — и Иван черкнул записку, адресованную Долланскому по поводу меня.

Я принял ее с благодарностью. Еще бы! Меня катастрофически замучили ангины и прочие простуды, силы мои таяли, нервы находились на пределе. И вообще, я усердно вникал во все, что говорил мой новый знакомый, человек, который как я понимал с тайной гордостью, мой учитель…

— Я потребую от тебя полного послушания! — неожиданно заявил мне Иван.

— И в какой форме это послушание будет выражаться? озабоченно поинтересовался я.

— Делать все, что я буду тебе говорить! Даже если я тебе прикажу прыгнуть под машину! — Мы переглянулись. — Только безоговорочное послушание! — прибавил Иван внушительно. Он словно предупредил меня о дурных последствиях.

Мне это было тяжело принять, да что там принять, я, конечно же, никогда на свете не прыгну под машину, кто бы мне это ни посоветовал или ни приказал!

— Я согласен, — сказал я Ивану "В крайнем случае, опрометчиво подумал я, — всегда можно будет отойти в сторону!".

На прощание Иван оставил мне свой домашний телефон.

Система Долланского

К Долланскому я направился вместе с Викой. Мы вышли из автобуса на Комсомольской площади. Как меня предупредили, занятия являлись неофициальными. Мы устремились отыскивать в районе частного сектора заветный конспиративный дом. Еще не было и шести часов, а на улице уже сгущалось и темнело фиолетовое пространство.

Я твердо шел и курил, я знал, зачем я иду. Вика семенила рядом, она постоянно поскальзывалась и потому придерживалась за мою руку.

— Ой мамочка!.. Ой, Господи!.. Ой, Сережа, держи, держи меня!.. — выкрикивала она, и я ловил ее на руки, обласкивал, и мы снова шли дальше.

В довольно сухом тексте записки, которую написал мне Иван в качестве сопровождения, содержалась не только рекомендация Долланскому человека по имени Сергей Истина, но и была, в самом конце, коротенькая приписка: разрешалось мне взять с собою, для поддержания компании, одного хорошо знакомого мне

человека, и не более!

Вскоре черные пунктиры ледяных катков, по которым с разбега прокатывалась Вика, увлекая меня под руку за собою, привели нас к дому 105. Я навалился плечом на деревянную калитку, и мне удалось сдвинуть ее внутрь. Мы с Викой оказались в довольно узеньком дворе: в самом конце его желтело электрическим светом небольшое окошко, оно горело среди посмуглевшей фиолетовой тишины вечера…

Гуськом, по вытоптанной в снеге, затвердевшей на морозе тропинке, по одну сторону которой белели высокие сугробы, а по другую протягивался одноэтажный кирпичный дом, я и Вика прошли к окошку и заглянули.

За самодельным деревянным столом у окна сидел мужчина лет пятидесяти, с крупными, пушистыми бровями, крохотными глазками, совершенно лысый. Он что-то вычерчивал на бумаге, разложенной перед ним, но он сразу же почувствовал наше с Викой присутствие за окном, поднял голову от стола и поманил нас рукою, как бы приглашая войти в сарайчик. Я и Вика вошли.

Мы вежливо поздоровались с хозяином. Насколько я понял, перед нами сидел Долланский собственной персоной. В сарайчике оказалось так тесно! У стола находился еще один стул, кроме того, на котором сидел Долланский. Вика села, а я остался стоять.

Я протянул записку Долланскому. Он выхватил ее у меня из рук и, торопясь, развернул.

Электрическая лампочка, висевшая с потолка на скрученном проводе, чуть повыше его головы, отражалась в его напряженных глазах, и потому казалось, что зрачки Долланского, словно воспламененные фитильки, слегка как бы покачивались на сквозняке…

В сарайчике действительно было не так уже и тепло: Долланский сидел одетым в фуфайку и валенки поверх зеленого спортивного зимнего костюма. Хотя, надо признаться, после мороза под открытым небом я немножко оттаял. Возле Долланского красновато тлела круглая электрическая плитка. Благодаря ей здесь было не так холодно, как на улице.

Изредка до моего лица доносились порывы тепла. Тепло будто клочками витало в сарайчике. Я улавливал очередной клочок тепла, проплывавший где-нибудь рядом со мною, и окунал в него лицо. Так я покачивался на месте, выполняя замысловатое упражнение. Словно эти клочки тепла, как незримые наваждения, заставляли меня вращаться. Неожиданно я поймал себя на мысли, что я вроде как покачиваюсь не по своей воле! Внутренне я волевым усилием остановил свое туловище…

Мои вращения длились несколько секунд или может быть с минуту, но мне показалось, что протекло гораздо больше времени. Однако Долланский всего лишь успел прочесть записку.

Он отложил ее в сторону и спокойным и деловым тоном потребовал от меня мои данные: возраст, болезни, домашний адрес. Фамилию он переписал аккуратно из записки. Мой формуляр вскоре оказался заполнен.

— Она с вами? — обратился ко мне Долланский и кивнул на Вику.

— Да, в записке же указано…

— Знаю, знаю! — прервал меня Долланский. И он осмотрел Вику ласково. Она даже засмущалась немного; глянув на меня, опустила глаза.

— Сережа, вы выйдите, пожалуйста, — сказал Долланский. — Нам надо поговорить с дамой наедине. Женские секреты, знаете ли, должны делиться на двух мужчин сегодня: что-то для мужа, а что-то и для доктора!

— Плох тот муж, который не знает всех секретов! — как-то неуверенно, но постарался съязвить я, потому что обиделся!

— Однако плох тот муж, который знает все секреты! воскликнул Долланский, уловив мою обиду на лету.

— Это почему же? — остановился я у двери возмущенно.

— Муж, знающий все секреты, перестает быть только мужем! А доктор, знающий все секреты женщины, перестает быть только доктором! — сказал Долланский. Последнюю фразу он протянул как-то насладительно и разулыбался, и покраснел немножко, и глянул на Вику… — Если не трудно, все-таки, подождите нас на улице, — заключил он и промокнул свежим носовым платком испарину на своем морщинистом лбу, что меня немало удивило! Откуда ей, испарине, взяться в холодном сарайчике?

Я подчинился просьбе, тем более что Вика посмотрела на меня преданно и доверчиво. Видимо, ей особенно по душе было то, что она воспринята сегодня моею женою…

Как мне не хотелось, но мне пришлось покинуть сарайчик и снова оказаться на крутом морозе во дворе. Я встал неподалеку от окошка. Терпеливо наблюдал, как Вика оживленно беседовала с Долланским, последний, почувствовав мое присутствие у окна, протянул свою мясистую руку к нему и задвинул его белой шторкой! Теперь на ее светлом фоне раскачивались два силуэта, видневшиеся по пояс. Меня обозлила подобная аудиенция Вики! Силуэт Долланского почему-то приблизился к Вике: оба силуэта замысловато перешептывались! Я топтался на месте, не спуская пристального взгляда с них. Под моими ногами хрустел снег, словно пенопласт. Какая-то искусственность во всей этой

ситуации поражала меня.

Вдруг я расслышал где-то там, в глубине двора, за сарайчиком или дальше, что кто-то перешептывался.

Потихонечку я выглянул за угол сарайчика: разглядеть ничего не удавалось и расслышать тоже! И я решил приблизиться на несколько шагов к шепоту.

Чтобы не хрустеть, мне приходилось по несколько секунд погружать каждый ботинок в замерзший снег тропинки. Вскоре я спрятался в проем между задней стенкой сарайчика и забором соседнего двора. Шепот оказался еще дальше от меня, за поворотом забора. Теперь его хорошо было слышно, но, как я понял, я попал на окончание разговора.

— Все, я тебе сказал. Он уже пришел, мне пора идти…

— Хорошо!.. Гы-гы-гы!.. Ой, Остап Моисеевич, минуточку! Чуть не забыл!..

— Да, я здесь!

— Остап Моисеевич, а что я буду за это иметь? Я же могу и отказаться, ежели… сами понимаете…

— Ладно. Девочку я тебе обещаю, хорошую! Худенькую!

— Из сорок пятой. Остап Моисеевич, из сорок пятой!

— Людку, что ль?

— Да-а, Остап Моисеевич, Людочку!

— Ладно, договорились!

— Остап Моисеевич! — послышался громкий голос с другого конца двора; кажется, голос Долланского…

— Меня зовут заниматься. Адью, Купсик, до завтра! отрезал Остап Моисеевич.

— Адью, Остап Моисеевич, адью! — ответили ему.

"Купсик?!" — вспыхнуло у меня в памяти.

Тут произошло невероятное! Огромная птица пролетела пару кругов надо мною и сарайчиком так низко, что от хлопанья ее крыльев меня несколько раз обдало морозным ветром. Несмотря на холод, я пропотел! Ноги у меня подкосились, сердце заклокотало, будто искало куда спрятаться, и провалилось в живот! Черная фигура Остапа Моисеевича промелькнула мимо меня; птица унеслась за соседний забор, и ее мощное расплескивание крыльев стихло. Я стоял, плечом прислонившись к забору. В памяти еще сверкали огненные глаза и когти страшной птицы. Где-то во дворе скрежетнула металлической защелкой дверь…

— Сережа! — послышался взволнованный голос Вики.

"Вика, я совсем о ней забыл", — подумал я, оставаясь на месте.

— Сережа! — уже отчаянно выкрикнула Вика.

— Я здесь, иду! — хрипло отозвался я.

Возле сарайчика, пока я шел, вспыхнула кем-то зажженная лампа под шляпообразным колпаком, и ее свет обнажил пол двора. Я вышел к сарайчику. Вика бросилась ко мне.

— Ты что, обиделся? — первое, что спросила она, ласкаясь.

— Здесь кто-нибудь сейчас проходил? — обнимая Вику и отвечая на ее ласки, все еще хриплым голосом спросил я. В горле у меня перехватило и першило.

— Да. Долланский позвал в спортзал какого-то мужчину.

— А где Долланский? — поинтересовался я.

Но на этот вопрос ответила не Вика, а внезапно открывшаяся дверь в кирпичном доме. Из-за нее выглянул Долланский.

— Молодые люди! — крикнул он в нашу сторону. Проходите переодеваться, мы скоро начинаем! — и тут же скрылся за дверью, захлопнув ее за собою.

— А что случилось? — беспокойно спросила меня Вика.

— Да так! Я подумал: "Не показалось ли мне, что кто-то прошел мимо меня, там, в глубине двора".

— А что ты там делал?

— Ничего. Курил.

— У тебя так сердце колотится, — сказал Вика, прижавшись к моей груди. — Что-то случилось? А?

— Скажи, ты что-нибудь слышала?

— А что я могла слышать?

— Ну, там, шум какой, хлопанья…

— Нет. Я ничего не слышала. Я только испугалась, что тебя нет!.. А ты слышал?

— Что слышал? — насторожился я от Викиного вопроса.

— Ну, ты же сам сказал: шум, хлопанья!

— Да нет! — прикинулся я повеселевшим. — Это я так спросил, чтобы тебя попугать сейчас.

— Проказник! В тебе еще много бесового! — ласково пожурила меня Вика, потрепав за щеки, и поцеловала в губы…

Переодевшись в специально оборудованных для этого комнатах в спортивные костюмы, я и Вика вошли в спортзал. Все присутствующие там люди тоже были одеты в разноцветные спортивные одежды. Каждый член этого частного зала удобно располагался на полу на своем утепленном коврике. Мы с Викой разместились неподалеку от эстрады, с которой, как я понял, будет вещать свою систему Долланский.

— А ты бы смогла его узнать? — спросил я полушепотом у Вики, голос у меня уже успокоился и выровнялся.

— Кого? — удивилась Вика и огляделась по сторонам.

— Того, которого Долланский позвал в спортзал, там, во

дворе, — все так же полушепотом пояснил я.

— А-а, — поняла Вика. — Тише, — сказала она.

— Почему? — в свою очередь удивился я.

— Он рядом с тобою, — сказала Вика и незаметно повела глазами в его сторону.

Я оглянулся… Позади меня, на ярко-желтом меховом коврике сидел мужчина лет сорока — сорока пяти, на коленях у него лежал его крупный живот. Мужчина улыбнулся мне, неприятно оскалившись при этом, словно передразнил меня. Потом он облизнул свои припухшие губы. Одет он был в черное трико, на шее повязан короткий голубой шарфик. Мужчина почесал об рукав свой ноздристый нос и на рукаве осталась влажная полоска. Мне стало противно, и я отвернулся.

— Это точно он, ты не ошиблась? — наклонился я к Вике, спрашивая.

— Конечно он! Не сомневайся, — прожужжала мне Вика прямо в ухо, и от ее нежных губ у меня по спине пробежали мурашки. А зачем он тебе? — спросила она.

— Мне кажется, я его где-то мог видеть… — ответил я первое, что взбрело мне в голову, и подумал про себя: "Ну и мерзкая же рожа у этого Остапа Моисеевича! Такой со всякой заразой может иметь дело!"

На эстраде появился Долланский. Зал шумел негромко, все переглядывались, ожидая интересный вечер. Заговорил Долланский, и все разговоры прекратились. Я окинул еще раз взглядом весь зал — на ковриках сидели в позах «полулотос» человек двадцать. Черным пятном промелькнул передо мною Остап Моисеич, он один среди присутствующих был одет в черное трико.

Поскольку наша группа пришла на свое первое занятие, Долланский произнес вступительную речь. Интригующе прозвучал его рассказ о бабуле, шестидесяти лет, что не могла и двух шагов проделать без скорой помощи, а сейчас принимает позы лучше, чем дипломированный йог. И все это после занятий по его системе, системе Долланского! Он ходил по эстраде, важничал и хвастался, как-то исподволь, не навязчиво.

Потом начались изнурительные упражнения. Долланский сидел на эстраде на мягком фигурном стуле из дерева и присматривал за состоянием своих пациентов. Надо отдать ему должное как учителю! Хотя вся система и звучала по магнитофону, но присутствие самого Долланского на эстраде в это время оживляло магнитофонную ленту, и даже не возникала потребность, чтобы говорил именно он. Правда, изредка Долланский останавливал движение кассеты, хлопнув клавишей: вставлял реплики, давал консультации, а некоторые упражнения не доверял магнитофону и диктовал сам, живьем…

Нагрузка действительно была глубинная, рассчитанная, как выразился ее автор: "На все тайники души вашей!.."

Я все время старался забыть о существовании позади меня Остапа Моисеича, о страшной птице во дворе, но, все-таки присутствие Остапа Моисеича, его взгляда в упор, ощущалось, и это немало мешало мне сосредоточиваться, особенно поначалу.

Мы с Викой выполняли всевозможные растяжки, укладывали тело в удивительные позы, постоянно сопровождая все это особой конструкцией дыхания, с его обязательными задержками.

В общей сложности, занятие длилось четыре часа, из которых мы очень долгое время не дышали. По словам Долланского, мы копили молочную кислоту, чтобы организм проглотил ее, — это и была генеральная линия его системы…

По окончании упражнений мы с Викой, казалось, изрядно устали, но когда мы вышли на улицу, то, не знаю, как Вика, но я почувствовал, как мое тело, словно парус, будто само по себе,

стремительно продвигалось по тротуару, увлекая Вику под руку! Это торжествовал во мне снова Человек-Ветер.

Куда девался после занятия Остап Моисеич, я не углядел. Я все-таки забыл о нем! И это было прекрасно! Я забыл даже о чудовищной птице!.. Забыл, потому что выполнял, учился выполнять первое наставление Ивана: "Ни к чему не привязывайся!"

Бурелом

На следующее утро я направился на работу. В свободно дрейфующем настроении, не обращая внимания на уныло раскачивающихся пассажиров троллейбуса, я, все еще ощущая ветреный ореол вокруг себя, привычно вышел на конечной "Лесного поселка". После вчерашнего выходного дня я чувствовал себя хорошо. На площади, напротив моего кинотеатра, прямо на остановке стояла парочка, парень лет двадцати пяти и девочка лет шестнадцати. По всей вероятности девочка вышла провожать парня на троллейбус. Оба они были изрядно пьяны. Парень был одет по-зимнему, а девочка, видимо, жила недалеко, совсем рядом. На ней были красные полусапожки на голые ноги, белое короткое платьице и легкая куртка нараспашку. Девочка то и дело подтягивалась на цыпочках, ухватив парня за шею, жадно целуя его в губы. Я незаметно для себя приостановился. Многие, вышедшие из троллейбуса пассажиры, тоже приостановились. Парень грубо обшаривал груди у девочки. Он залезал обеими руками под ее платье, и его руки крепко прижимали девочку, а она будто пыталась слабенько вырваться из его рук.

— Проститутка! — выкрикнула и отплюнулась толстая бабка.

— Надо милицию вызвать, — начала убеждать толпу солидная женщина лет пятидесяти.

Все женщины переговаривались и спорили между собою, только несколько мужчин даже будто одобрительно обменивались улыбками и короткими репликами.

— Ну, дает!

— Да-а!

"Вот она — расслабленность! — вначале подумал я. Может, это и есть человеко-ветреное состояние? Да нет! Скорее, его отголосок!" — рассуждал я про себя. Мне даже захотелось так же вот, сию минуту, свободно и непринужденно жить, как эти парень и девочка. Нет. Я не приветствовал их поступок! Скорее, наоборот: считал его аморальным! Но в сокровенной глубине души, там, где никого, кроме меня, я был солидарен этому состоянию легкой ветрености!

Может быть, и в самом деле надо, хотя бы иногда, хотя бы на мгновение, но срываться с цепи предопределенности? Не для этой

ли цели существовали кулачные бои когда-то?!

Интересное дело: в кинотеатре мы специально собираемся и смотрим такие эротические сцены! А здесь, на площади, — этого делать нельзя! Почему?.. На экране кинотеатра можно, а на экране жизни — нельзя?! Где тут разврат: в кинозале или здесь, на остановке? Там специально отснято на пленку и специально смотрится, не разврат ли это? А здесь не специально, все естественно, но мы возмущены! Почему мы не вызываем милицию, чтобы арестовать кадры кинофильма, почему мы не вызываем милицию, чтобы арестовать двух сношающихся на улице собак?.. Человек — не собака?! Верно! Он предпочитает гнусно скрывать свое нутро, а собака — нет!

Учительница делает замечание ученику, чтобы тот не приставал к однокласснице.

"И все-таки, я не отказался бы испытать подобное, хотя бы ради укрепления духа своего…" — подумал я и вдохновенно зашагал в свой кинотеатр…

— Доброе утречко, Сергей Александрович! — услышал я голос уборщицы Марины Ивановны, поднимаясь по ступенькам кинотеатра.

Я остановился и повернулся лицом на голос. Марина Ивановна, озорно улыбаясь, видимо, только что шла из-за угла кинотеатра, а может, и поджидала меня. В одной руке у нее было мусорное ведро, из которого густо торчали горлышки бутылок, а в другой — широкая лопата для уборки снега.

— Здравствуйте, Марина Ивановна! — почтительно улыбаясь, приветствовал я. Марина Ивановна подошла ко мне как можно ближе. Росточка она была небольшого, я возвышался над нею головы на полторы!

Как бы поглядывая мне в глаза исподволь и, как всегда, осматриваясь по сторонам, она поведала мне новости.

— Сергей Александрович! — начала она и сделала таинственную паузу.

— Да, — сказал я. — Что случилось?

— Вы знаете, Лидия Ивановна вчера те доски, ну вы помните, что я прятала под лестницей, — утащила домой!.. Вот как!..

— Да?! — сказал я с видом, будто ничего не понял.

— Ага! Я сама видела. На почту как раз шла! подтвердила Марина Ивановна и приняла гордый вид человека, бдительно озабоченного за имущество кинотеатра, верного соратника.

Она вообще очень любила докладывать, доносить на кого-нибудь. Я никогда не воспринимал ее всерьез, на что она обижалась, но всегда аккуратно выслушивал, потому что к чему сокрушать старого человека!

Отними у Марины Ивановны эту способность, мягко говоря, подсказывать, кто и что сделал, так она же будет невзрачной, бесцветной старушонкой, как тысячи других, а так, пожалуйста, светится вся, торжествует, и сейчас видно, как настроилась услышать мой гнев. Словом, живет человек, и не безынтересно, зачем же отнимать у него смысл существования!

Но гнева не последовало.

— Я ей разрешил, — спокойно сказал.

— Да-а?.. — то ли спросила, чтобы убедиться в моих словах, то ли просто машинально подтвердила сама себе вслух Марина Ивановна, но разочарованно пожала плечами, мол, на нет и суда нет!..

— Марина Ивановна! — окликнул я уборщицу, когда та уже намеревалась уйти в кинотеатр.

— Что, Сергей Александрович? — будто ожила, обрадовалась Марина Ивановна. Возможно, у нее промелькнула надежда на то, а вдруг как пошутил директор в отношении Лидии Ивановны и досок, и сейчас же распорядится немедленно вызвать ее сменщицу из дома на разговор! С каким наслаждением она побежала бы тогда к той домой и успокаивала бы ее по дороге!

— Марина Ивановна, у нас еще есть песок? поинтересовался я, и мне стало жалко Марину Ивановну в ее разочаровании…

— Да, там же, под лестницей! — ответила она.

— Присыпьте, пожалуйста, ступеньки песком, погуще, вежливо попросил я и направился в кинотеатр.

Марина Ивановна уже находилась позади меня, шагах в десяти, как вдруг, спохватившись, выкрикнула мне вслед:

— А Лидия Ивановна вчера не присыпала ступеньки, вот так!

Но я сделал вид, что уже не расслышал ее слов, и поторопился скрыться в кинотеатре.

В малом фойе, возле дверей моего кабинета стояла Зоя Карловна.

— Здравствуйте, Зоя Карловна, — врастяжку поздоровался я, не останавливаясь. Я было направился пройти в большое фойе, дабы заглянуть в кинозал, как там обстоят дела, как библиотекарь тут же выказала свои намерения: оказывается, у дверей кабинета она ожидала меня.

— Сергей Александрович! Сережа! — окликнула она меня. Подожди, пожалуйста, ты мне нужен, — иногда она позволяла себе называть меня на ты.

— Да, — остановился я, но краем глаза успел приметить, что контролер, сидевший возле огромного фигурного зеркала в большом фойе ко мне лицом, почему-то вскочил с лавки и моментально юркнул в кинозал, словно как от меня…

— Дайте мне ключи от кабинета, — попросила Зоя Карловна. — У меня телефон в библиотеке не работает, а мне срочно позвонить нужно!

— А почему не работает? — поинтересовался я.

— Да черт его знает, — возмутилась она, — вчера еще вечером перестал. Я уже договорилась на заводе с мастером, после обеда обещал посмотреть.

— Хорошо, — сказал я, — держите, — я достал из кармана связку разноцветных ключей от кинотеатра и подал ее Зое Карловне. — Вот, этот, желтенький… — указал я ключ от кабинета.

— А вы где будете, Сергей Александрович?

— А что такое?

— Ключ от кабинета мне надо вернуть.

— Ну, вернете, не беспокойтесь, не на Луне же я!

— Да чтобы вас долго не искать! У меня библиотека открыта, Сережа!

— А что же вы ее бросаете?

— Да там подруга!

— Екатерина Васильевна?! — обрадовался я.

— Она самая!

— Ну, тогда и нечего волноваться! — сказал я.

— Да, вам нечего! Люди собираются. Она книги не оформляет, только присматривает, — словно пожаловалась Зоя Карловна.

— Так она там не одна? — спросил я.

— Нет, конечно!

— Жалко, что не одна, — сказал я.

И я почувствовал, как во мне просыпается то ли наглость, то ли раскрепощенность.

— А вам что до этого? — поинтересовалась Зоя Карловна.

— Хотел подняться наверх, что-то чаю так хочется, что и полюбить некого! — изображая серьезный вид, сказал я. — А вы бы позвонили подольше! А? Зоя Карловна? — продолжая наглеть в стиле шутки, предложил я.

Но, честно говоря, меня прямо-таки манило, во что бы то ни стало, испытать то свободное чреволобзание, которое одурманивало меня на троллейбусной остановке. И что самое интересное, я знал, я был уверен, что это неминуемо, очень скоро должно произойти! В последнее время у меня часто исполнялось то, что я задумывал. Потому я и начинал теперь, лихорадочно, с виду полушутя, но стучаться, тарабанить в первую попавшуюся дверь. Где откроют, — там и я!..

— Ну, так как? — переспросил я в улыбке озадаченно

молчавшую Зою Карловну. Она смотрела мне под ноги и часто моргала.

— А-ха-ха-ха-ха! — расхохоталась она, наконец понявши в чем дело, но замолчала и засуетилась открывать кабинет…

Так неожиданно прервалась моя шутка, но не прервалось мое желание! Да, именно желание одолевало мою натуру сейчас. И я это понимал с полной ответственностью перед собою! Проверять себя, — так проверять!.. "Решайся на что-либо: сразу, мгновенно, или не решайся совсем…" — вспомнил я наставление Ивана и ринулся в большое фойе через зал…

И нестерпимая радость и сила обдавала меня с ног до головы! И я, наверное, слишком сильно дернул кинозальскую дверь на себя, ибо контролер, хотя и громила в плечах и по росту, чуть не вывалился из кинозала ко мне под ноги! Видимо, он стоял в кинозале и держался за ручку двери, и, может, не так уж слабо держался!

— Ой, извините! — сказал я контролеру спешно, оглядев его с ног до головы. "Но зачем ты держал дверь?.." — подумал я.

— Ничего страшного! — ответил контролер.

"Если в зале что-то и существовало, чего нельзя мне было видеть, — думал я, продолжая анализировать, — то теперь наверняка уж поздно… Этот следы замел! Он в их компании, это вне сомнения!.."

— Ну, как там, все в порядке? — спросил я.

— Фильм дерьмовый! — ответил контролер.

— Опять с премией пролетим! — послышался ехидный голос позади меня. Я обернулся: это подошел Палыч.

Круг замкнулся. Отступать было некуда. Мои скандалы с Палычем всегда начинались вот так: с его стороны оттачивались копья для решающей схватки, там, в кинобудке, а с моей стороны, здесь, внизу, в кабинете. А потом возникала подобная ситуация для стычки. Я насторожился.

— Плана в этом месяце опять не будет, Сергей Александрович! — подтвердил свою позицию контролер.

— А я тут при чем? — было ощетинился я.

— Вы же директор… — улыбчиво, умиленно произнес Палыч, чуть ли не в реверансе!

— Ну, так и что же?.. А вы киномеханик! — съязвил я как можно отрешеннее.

— Это ваше дело: фильмы заказывать, Сергей Александрович! — раздраженно выкрикнул он, глянув на контролера. Начиналась атака.

— Конечно! — предательски подтвердил контролер.

Но я уже успокоил себя полностью. Мне даже стали они

безразличны оба: контролер и киномеханик.

"Какой-то глупый разговор", — сказал я про себя. — "Надо его заканчивать…" Палыч набирал обороты. Это было хорошо видно по его манере входить в раж: кулаки в карманах брюк, и от этого карманы оттопырены, немного покачивается всем туловищем, плечи приподняты.

И тут в зале неожиданно послышался разношерстный свист и какие-то крики. В следующее мгновение из зала выскочил и наткнулся на Палыча мальчик, лет десяти, худенький. Он жалко потирал свое плечо, потому что ударился о киномеханика.

— Шпаненок, куда летишь?! — возмутился тот.

— Дядя, звука нет! — сказал мальчик.

Наверное, Палыч чувствовал, как его авторитет безупречного работника падает в моем лице. Он побелел от злобы, прикусил нижнюю губу от досады.

— Сколько раз я тебе говорил, — рухнул его гнев на ошалевшего контролера, — в зале надо быть. Стоишь здесь… мать твою. Рот разинул!

Контролер тут же, вслед за мальчиком, исчез в зале, а Палыч будто десятилетний кинулся к себе в кинобудку через фойе, поскользнулся у дверей и едва не растянулся.

— Кирилыч! — заорал он где-то на лестнице своему напарнику.

— Ого! — отозвался тот радостно.

— Звука, звука нет в зале! Мать твою! — и еще что-то орал Палыч, но уже было не разобрать что. Дверь в кинобудку с оглушительным треском захлопнулась! Словно затрещину отвесила!

Мне доставил удовольствие такой ход событий. Это сработал во мне Человек-Ветер. Я торжествовал!..

На втором этаже занималось несколько групп ритмической гимнастики. Этим самым удавалось как-то, худо-бедно, подрабатывать наличные деньги для различных нужд нашего скромного увеселительного заведения. Открывалась возможность приобретать необходимые культ- и канцтовары, стоящие больше десятирублевых чеков, установленной разовой нормы по смете.

Поскольку в кинотеатре материально-ответственным лицом является директор, мне приходилось три раза в неделю выставлять и убирать комплект радиоаппаратуры. Она хранилась в библиотеке, и мне ее надо было каждый раз перетаскивать в комнату напротив и обратно в библиотеку. Правда, за это я получал доплату в сорок рублей, но зато и косились на меня в кинопрокате, а непосредственное начальство даже пыталось искать пути запретить мне подрабатывать!

Я зашел в библиотеку. На книжных полках, напротив стола, в расшатанных книжных рядах рылись дети: две девочки и мальчик. За столом величественно восседала Екатерина Васильевна.

Мы обменялись приветствиями.

— Как у вас тут с любовью? — спросил я у Екатерины и, напрямик подойдя к ней, нагнулся и поцеловал ее в щеку.

— О-о!.. Какой вы!.. Сергей Александрович… — обалдело сверкнув лукавыми глазами, произнесла она умиленно.

Но ничего не говоря больше и не делая красивой сцены с продолжением, я отвернулся от Екатерины Васильевны и пошел прочь по своим делам. Ощущая пристально-изумленный взгляд ее у себя на спине, я быстренько, за два прихода, перетащил аппаратуру куда полагается.

Я закрыл комнату на ключ. Я потом буду еще подробно вспоминать об этом. У Тани, девушки-выпускницы хореографического отделения культпросветучилища, имелся свой ключ от этой комнаты.

Дверь в мой кабинет была немного приоткрыта. Я хотел уже войти к себе, как услышал:

— А-а- ха-ха-ха-ха! Вы шутник! — послышался хохотливый голос Зои Карловны. Она все еще разговаривала по телефону.

Я остановил свою руку, и она неподвижно зависла в воздухе, едва не коснувшись двери. Так я и оставался стоять на месте и вслушиваться:

— Нет, нет!.. Я же сказала — нет!.. Вы меня не так поняли!.. Я сегодня занята!.. Что?.. Хо-хо!.. А?.. Да!.. Да!.. Еще будет!.. Я говорю — еще будет! Да, Да!.. Безусловно!.. Конечно!.. Как и договорились!.. Адью, Остап Моисеевич!.. — В кабинете послышались шаги. "Значит, разговор закончился". подумал я и резко открыл дверь: деловито прошел к вешалке и стал озабоченно раздеваться. Мне казалось, что у меня на лбу было написано, что я подслушивал. И поэтому я отвернулся от Зои Карловны, испытывая неловкость. Человек-Ветер улетучился, чувства и навязчивые образы повисли надо мною и засасывали мою сущность в себя. Возникло состояние дискомфорта.

— Спасибо, Сергей Александрович, — поблагодарила библиотекарь.

— Да, да… Не за что… Зоя Карловна… — отрывисто отвечал я, потому что уже нервно выдергивал в этот момент из рукавов кожаной куртки на меху свои руки.

— Давайте помогу! — обратилась Зоя Карловна.

— Нет… Спасибо… Я сам… — отчеканил я, краснея от усердия. Зоя Карловна направилась к двери. Наконец-то мне

удалось стащить с себя куртку. Я повесил ее на вешалку рядом со своей спортивной шапочкой.

— Ну, я пошла, — сказал Зоя Карловна, уже в дверях. Ключи настоле, — добавила она.

— Ага! — ответил я, подкивнув.

Дверь в кабинет захлопнулась. Я остался один. "Остап Моисеевич…" — прозвучало у меня в голове… Из разговора по телефону я, конечно же, ничего не понял, но… "Остап Моисеевич" снова прозвучало у меня в голове… "Это он… Вчерашний… К Богу! — мелькнуло у меня в голове. — Прочь, прочь лукавые!"

Я быстро достал из сейфа крохотную библию в нежно-мягком зеленом переплете из полиэтилена, сел за рабочий стол и разлистнул этот священный памятник человечества наугад, где придется. Я загадал, что меня ожидает, и начал читать вслух:

"И пришел Ангел Господень из Галгала в Бохим, и сказал: Я вывел вас из Египта и ввел вас в землю, о которой клялся отцам вашим — дать вам, и сказал Я: "Не нарушу завета Моего с Вами во век.

И Вы не вступайте в союз с жителями земли сей; жертвенники их разрушьте". Но вы не послушали гласа Моего. Что вы это сделали?

И потому говорю Я: не изгоню их от вас, и будут они вам петлею, и боги их будут для вас сетью.

Когда Ангел Господень сказал слова сии всем сынам Израилевым, то народ поднял громкий вопль и заплакал.

От сего и называют то…"

В дверь неожиданно резко постучали… Я замер… Постучали еще раз, внушительнее.

— Да! — выкрикнул я. — Войдите, — и испуганно притаился за столом, сидя. Дверь уверенно раскрылась нараспашку! В кабинет вошла, вот я совсем не ожидал, Катя! И я успокоился.

Кате было всего четырнадцать лет, живет напротив кинотеатра, известна своим легким поведением. Частенько я замечал, как три-четыре подростка затаскивали ее по вечерам в одну из беседок кинотеатра за плетень из дикого винограда.

Катя очень красивая: курносая, круглолицая, с голубыми глазами, через плечо толстая белая коса крепко заплетена.

Эта девочка мне нравилась своим прямым и игривым нравом.

— Можно? — спросила она.

— Ты же уже вошла, и видишь, что я не против. Значит, проходи! — сказал я.

— И правда! — воскликнула театрально Катя.

— Ты по делу? — спросил я.

— Нет, — сказала она, — просто поболтать!.. Мне можно

раздеться?

— Конечно… Вон, пальто на вешалку повесь.

— Да вижу я, куда вешать…

— А что тогда спрашиваешь?!!

— Проверить: злой ты или нет, Сергей Александрович.

— Как видишь, добрый!

— Это еще надо подтвердить! — сказала Катя.

— Если надо, подтвердим! — отпарировал я.

Катя сняла пальто. Я не встал ей помочь, потому как сомневался, что подобные манеры с моей стороны окажутся в ее стиле.

Она еще никогда не заходила ко мне в гости. Изредка мы переговаривались в малом фойе или на улице, да и то больше по части порядка. А сегодняшнее посещение меня удивило. Словно выявилось подземное течение и потекло серебристым ручейком снаружи…

Теперь, раздевшись, Катя выглядела совсем привлекательно! Ее отец работал директором бетонного завода, и одевалась она внушительно! На Кате уютно и красиво сидела короткая джинсовая юбка, индийская, с золотыми переливами на черном фоне, кофточка.

Катя расстегнула кофточку, и под ней обнаружилась приталенная коттоновая рубашка. На правой руке у девочки сиял золотой перстень с граненым рубином. Катя, проходя от вешалки, не останавливаясь, по пути захватила стул и села на него слева от меня, облокотившись на стол.

Мы смотрели друг на друга.

— Ну, что? — спросила она.

— Ничего! — ответил я, будто вовлекаясь в игру.

— Что у тебя новенького, Сергей Александрович?

— Да вот же, ты пришла! — сказал я и протянул руку, провел указательным пальцем Кате по носу, едва прикоснувшись к нему.

— А дальше что? — спросила она.

Настроение у меня поднималось, я отодвинул библию в сторону.

— А ты хотела бы что-то еще? — спросил я, не отводя глаз от Кати.

— Ну, ты же сам хочешь, я вижу! — сказала девочка, нагловато улыбаясь мне в лицо.

— Да… Нюх у тебя собачий! — сказал я. — Хочу!

— Так в чем же дело, давай, — предложила Катя.

С минуту я молчал и сидел неподвижно. Во мне шла борьба!

Снова меня щекотало и подталкивало на решительность соблазнительное чувство свободы прикосновений! Но ей же

четырнадцать лет! "Решайся или не решайся!" — диктовал я себе. — "Раз уж ты впустил птичку, то… ты уже решился! И все остальное будет лишь отговорками!"

Я подсел поближе к девочке и посмотрел ей в глаза. Больше я ничего не говорил Я расстегивал пуговицы на коттоновой рубашке. Катя едва водила плечами, и ее груди казались отзывчивыми, оживали в моих ладонях!..

Я почувствовал прилив неистового наслаждения во всем своем теле. Я не ведал, что я творил!..

— Ой, Сереженька!.. Хватит… Не могу… О-е-е-е-ей!.. металась Катенька. Наконец все закончилось.

Катя медленно встала с моих коленей и только начала застегивать рубашку, как в кабинет кто-то требовательно постучал!

"Господи! — воскликнул я про себя, — я же не запер дверь!" Катю будто неведомая сила отнесла в сторону на соседний стул, она сгребла одним движением коттоновую рубашку у себя на груди в том месте, где не успела застегнуть пуговицы.

Поодаль от меня сидела молодая проститутка и застегивала свои злополучные пуговицы, на столе у меня лежала в стороне раскрытая библия, и это кабинет директора!

Едва я успел захлопнуть книгу и сунуть ее в верхний ящик стола, как в кабинет, не дожидаясь ответа на вторичный стук, вошел участковый милиционер! Он приостановился, словно оценивая ситуацию, присмотрелся к девочке. Катя сидела согнувшись, полубоком от участкового.

От сокрушительных ударов сердца у меня подрагивала голова, руки дрожали, и я их убрал со стола на колени.

— Здравствуйте, — наконец-то решился негромко вымолвить я.

— Здравствуйте! — громыхнул тяжелым голосом участковый. — Чем занимаетесь? — поинтересовался он.

— Вот, — указал я кивком на Катю. — Профилактическая беседа. Уговариваю Катю, после десятого поступать в культпросветучилище.

— После десятого на постоянную работу в беседку? громыхнул милиционер. — А, Катька?

— А вам какое дело! — повернулась к нему девочка. Тайком она уже успела дозастегнуть все оставшиеся пуговицы, и теперь ее могло выдать лишь раскрасневшееся лицо и вспотевшая челка.

— Ты что, здесь физзарядкой занималась? — хохотнул он.

— Танцевала! — ядовито выкрикнула Катя.

— С голой задницей? — прищурившись, подморгнул мне лейтенант и состроил отвратительную гримасу девочке.

— Да нет! — опомнился я. — Она в самом деле танцевала!

— С чего это вдруг?! — спросил, недоумевая, милиционер.

— А просто так! — выкрикнула девочка, вскочила со стула, схватила пальто и выскочила из кабинета под звериный хохот участкового.

— Ишь ты!.. Ха-ха-ха!.. — крикнул он и вдогонку успел шлепнуть Катю по заднице своей громадной рукой.

Я молчал. А что я мог сказать!..

"Однако я очень чувствительно на все прореагировал!" мысленно подчеркнул я свое состояние.

— Сергей Александрович! — властно обратился ко мне участковый. — Я тут у вас в кабинете с одним человеком побеседую, — он даже не спросил разрешения.

— Да, да, пожалуйста, — не задумываясь согласился я, будто вслух для самого себя, потому что лейтенант даже не обратил внимание на мое согласие, ибо в это время он уже громыхал раскатисто своим голосом в малое фойе:

— Тряпкин!.. Заходи сюда!..

В кабинет зашел Тряпкин: худой, длинный, но плечистый, лет тридцати пяти. Они оба, участковый и Тряпкин, прошли по кабинету и сели друг против друга, точно явились ко мне на прием…

Тряпкин выглядел ужасно, на руках всевозможные завитушки татуировок, переносица вмята и сдвинута в сторону, глаза грязного цвета, губы тонкие, жестокие, лицо длинное, лоб скошенный, волосы короткие, ежиком. В руках он перебирал по кругу замусоленную шапку, сидел в расстегнутой фуфайке, на груди красовалась тельняшка, на шее висела половинка потрепанного шарфа. Участковый начал:

— Ну что, косой! Я твою блатхату скоро прикрою… Когда прекратишь?

— Клянусь я, Сень, — обратился Тряпкин к милиционеру. Я не знал. Вот, на палец — отрежь, если не так!

— Да пошел ты к черту со своим пальцем! Все ты прекрасно знал! Баланду мне заправляешь!

— Нет, Сень… Слышь, я правду говорю, — участковый отмахнулся рукой. — Ну вот, не веришь! — сказал Тряпкин. Ну не знал я!.. На палец, вот, держи!.. Режь, если знал! Гадом буду, не знал!

— А что это за запах? — спросил участковый, вынюхивая воздух вокруг себя.

— Сень, ты че? — недоумевая, спросил Тряпкин.

— Сергей Александрович, вы чувствуете, чем пахнет? обратился милиционер ко мне.

— А чем, я что-то не чувствую, — удивился я.

— Ну как же чем, перегаром! Кто же это пиво пил, а? пристально прищурившись, поинтересовался участковый, то ли у меня, то ли Тряпкина, и я насторожился… Дело в том, что я утром сегодня и в самом деле выпил за завтраком стакан пива… "Ну и нюх же у Дубинина!" — притаившись, подумал я.

— Сень, я чист, как стеклышко… Вчера — да… Сегодня…

— Да нет же, — не отступал участковый. — Пивом же прет вовсю! — и он еще раз принюхался.

Но тут в кабинет постучались.

— Войдите, — поскорее выкрикнул я своему спасителю. Я испытывал угрызение совести перед ни в чем неповинным, трезвым Тряпкиным, но не мог же я признаться Дубинину!

Спасителем оказался мой кассир. Он принес мне письмо из кинопроката. Я распечатал конверт, кассир стоял и ожидал, что там. Я прочел. В деловом тексте говорилось, что наш кинотеатр имеет некую задолженность за конец прошлого года и что по этому поводу мне надлежит срочно явиться в кинопрокат для выяснения причины задолженности. Я сообщил об этом кассиру, тот пожал плечами и посоветовал поехать в кинопрокат с бухгалтером, и сегодня же. В письме красовалась приписка: "…в случае… прекратится выдача кинофильмов по плану".

Я извинился перед участковым, объяснил ему, что мне необходимо немедленно отлучиться в город. Участковый неохотно вывел Тряпкина в малое фойе, а я быстренько оделся, вышел из кабинета и закрыл его. Со второго этажа доносилась ритмичная музыка, — это начались занятия гимнастикой. С огромным удовольствием я освободился от помещения кинотеатра и вышел на улицу. В кинопрокат я поехал один. Бухгалтера должен был подослать кассир, которому я дал задание сходить к бухгалтеру домой и предупредить его о письме; у нашего финансиста был сегодня выходной, но я надеялся на встречу кассира с ним, на везение.

Троллейбусные окна были забелены морозом, будто витринные стекла магазина, в котором идет ремонт. А когда человека заключают в какие-то пространственные рамки, того же троллейбуса, он начинает видеть вокруг и замечать то, на что бы не обратил внимание раньше. Пространство улицы отсекалось и ощущалось только его течение. Пассажирам разглядывать и замечать приходилось только то, что в салоне. Простор всегда порождает снисходительность и доброту, иногда безумие! А теперь пространственная теснота проявила суету и мелочность.

Я стоял, беспокойно покачиваясь на месте, и раздумывал о кинопрокате… Неподалеку от меня сидел у окна какой-то парень,

где-то моих лет: откусывал большие куски от сливочного мороженого в вафельном стаканчике. Над его головой красовался красненький компостер.

— Сынок, пробей! — протянула помятый талон этому парню какая-то грязно одетая старуха.

— У меня руки заняты, — отрезал парень и спокойно продолжал есть лакомый кусочек замороженного молока.

Талон выхватил у старухи из рук и нервно пробил наискось, как попало, пассажир, сидящий рядом с жующим парнем.

— Будьте добры! — некая женщина похлопала все того же парня по плечу. — Пробейте, пожалуйста, — и она протянула к его лицу свой талон. Парень глянул на нее и отвернулся, ничего не сказав.

Женщина, недоумевая, снова потянулась и похлопала парня по плечу.

— Молодой человек, — сказала она раздраженно. Прокомпостируйте талон, пожалуйста!

— Чем? — повернувшись к возмущенной женщине лицом, азартно спросил парень, показывая ей руку с мороженым.

И этот талон, снова, нервно пробил пассажир, сидящий рядом с жующим парнем. Так ситуация повторялась в разных вариантах, а парень все твердил:

— Чем?! — и показывал руку с мороженым.

Обстановка зрела скандальная. И вот на очередной вопрос жующего парня "Чем?!" выкрикнул ответ тоже парень, но чуть помоложе, он стоял у соседнего кресла, выдерживал натиск толпы.

— Рукой! Рукой! — крикнул он.

Жующий парень повернулся на этот протест всем туловищем и оказался сидящим полубоком к нему:

— Да пошел ты! — огрызнулся он. — Понапридумывали!.. Все личность хотят воспитать!.. Вы же стадо!.. Как в тюрьме живете!.. С какой стати я должен, обязан, видите ли, пробивать тебе талон! А?! Да я, может, в упор видеть и слышать никого не хочу!.. Ну и страна! Невозможно быть независимым! Попробуй только поступить по-своему!.. Так тебе и вонючие талоны начнут под нос подсовывать, и по плечу хлопать, врываясь к тебе, словно ты кому-то что-то обязан!.. Да пошли вы все к черту!.. Живите своей жизнью, а я буду жить своею!..

Удивительно, но парня никто не перебивал. Все слушали или делали вид, что не обращают внимания.

— Все, — выкрикивал парень, словно лозунги, — как нарочно придумано!.. Какой-то придурок сообразил компостеры расположить так, чтобы обязательно кто-то являлся

общественным контролером!.. Да пошли вы все!..

— Я плачу за проезд и не хочу оказывать никаких услуг! Я еду, и все!.. С какой стати вы мне в душу лезете? А?! В нос тычете, по плечу хлопаете!.. Орете на меня, приказываете! Все сделано, как нарочно, чтобы разозлить человека, привести его в ярость, чтобы не застоялся, не задумался, что он человек!..

— Ну, что?! — будто злил публику парень, — зацепили, поиздевались, а теперь приумолкли, безвинно, да?! Дьяволы! Будьте вы прокляты!..

Подоспела моя остановка, я выскочил из троллейбуса.

"И все-таки в чем-то этот парень был прав.." — подумал я, стоя на перекрестке и ожидая зеленого сигнала светофора.

… В здании кинопроката находился и Совет по кино, и Союз кинематографистов, и студия кинохроники.

Я шел по его длинному, длинному коридору. По пути перехлопывались, перестукивались двери со всевозможными табличками. Это звучал своеобразный язык стуков и хлопков, двери жили и, наверное, уставали за день не меньше людей… Мне казалось, что двери помоложе вертелись на своих никелированных петлях туда-сюда легко и свободно, бесшумно витая в воздухе, а двери постарше скрипели, точно от боли в суставах своих!.. Я проходил и такие двери, которые, было похоже, открывались и закрывались, будто на цыпочках. Это были двери больших и маленьких начальников… Словом, здесь повсюду суетились люди: неожиданно сходились в кучку и так же неожиданно рассыпались на все четыре стороны, исчезали и появлялись, будто призраки, или мне просто это все так представлялось: расплывчато и нереально.

Когда я вошел в бухгалтерию, там уже сидел мой перепуганный бухгалтер и о чем-то спорил с главным, кротко высказывая свою правоту.

Оказалось, что наш финансовый бог кинотеатра успел прикатить сюда вперед меня на такси!

Здесь меня и его песочили часа три, не меньше… Мы уже сидели в изнеможении. На столе главного выросли целые стопы толстых папок с бумагами и бумажками, в которых рябило от цифр и всевозможных символических описаний, столько было перерыто документов, дабы определить подтверждение задолженности… Но… Все оказалось тщетным, словно таинственная задолженность нашего кинотеатра выросла ниоткуда, а письмо отпечатано и прислано в наш адрес по прихоти чьей-то злой руки и души, но поскольку злополучное письмо это было подписано рукой самого главного, то он продолжал упорные, сонливые поиски и в конце концов нам

повезло! Определилось обратное — кинопрокат за прошлый год задолжал нашему кинотеатру семь рублей двадцать копеек!

На эту сумму денег мне выдали на складе кинопроката пачку агитафиш некогда шедших кинофильмов, и я уже собирался с рулоном этих афиш под мышкой выйти из здания кинопроката, как со второго этажа меня окликнула девушка из опостылевшей бухгалтерии:

— Сергей Александрович!.. Не уходите!.. — она показалась мне взволнованной. — Вас к телефону. — Мой бухгалтер, успокоившись, уже уехал домой продолжать жить свой выходной день, а я снова, лениво на этот раз, поплелся на второй этаж.

Мне подали трубку.

— Алло! — сказал я в полном безразличии.

— Алло! Сергей Александрович?! — послышался рыдающий голос Тани, той самой выпускницы культпросветучилища, что вела у меня в кинотеатре группы ритмической гимнастики.

Я был озадачен и даже немного встревожен.

— Кто вас обидел? Что случилось? Почему вы плачете?.. Да не ревите же вы, — потребовал я.

— Сергей Александрович!.. — приостановив рыдания, всхлипывая, сообщила Таня. — У меня магнитофон украли!

— Как?

— Да, вот так — украли!

— Когда?

— Сейчас только!

— Может, кто пошутил?

— Нет… — всхлипывала тяжело Таня. — Я все обегала! снова разрыдалась она.

— Тьфу ты! Подождите реветь! Успокойтесь. Ну, я прошу вас. Умница. Все. Танечка, как это произошло?

— Я вниз перекусить пошла, минут десять меня не было…

— А комнату, конечно же, не заперли? — возмутился я.

— Забыла, Сергей Александрович! — опять зарыдала Таня.

— Татьяна, перестаньте!.. Вы милицию вызвали?

— Да. Они уже приезжали, все обследовали…

— И что?

— Нам с вами нужно сегодня к ним в отделение подъехать, — снова ревела Таня.

— Ладно… Выезжайте сейчас же, и я тоже еду! — приказал я. — Вы слышите меня или нет. Да прекратите же реветь!

— Слышу, Сергей Александрович.

— Слушайте внимательно: через полчаса я жду вас в отделении. Все, — строго сказал я и положил трубку. И я направился в милицию.

Ровно через полчаса у входа в районное отделение милиции я ожидал Татьяну. Минут через десять-пятнадцать подъехала и она, заплаканная, ее сильно беспокоило, что придется за свою халатность выплачивать кинотеатру стоимость исчезнувшего магнитофона.

Мне с большим трудом удалось тогда достать этот злополучный магнитофон для нужд кинотеатра, рекламу тоже делали с его помощью, и вот теперь он пропал! Канул!

— Вряд ли мы его найдем! — сообщил следователь мне и Татьяне после нескольких часов изнурительного допроса, кто и как поставил аппаратуру, кто и как запер проклятую дверь, кто и где, почему находился во время кражи, и прочее, и прочее…

— А сейчас, — сказал следователь, откладывая дело по нашему магнитофону в сторону, — пройдите, пожалуйста, в комнату напротив и оставьте свои отпечатки пальцев для следствия.

Тут я совсем сник. Татьяна опять разревелась и мне пришлось договориться со следователем, что главная виновница пропажи откатает свои отпечатки через пару дней, как успокоится.

Гадостно, неприятно и мерзко откатывать свои отпечатки пальцев! Меня посадили за стол, какой-то парень в штатском каждый мой палец усердно пачкал в чем-то черном и прикладывал к листу бумаги, разлинованному на ячейки. У меня взяли даже отпечатки ладоней. Потом этот в штатском куда-то ушел ненадолго, вернулся, извинился и снова стал откатывать мои отпечатки на другом листе.

— Начальнику не понравилось, — объяснил он. — Ладони получились не четкими. И опять я морщился и меня даже подташнивало.

Когда все закончилось, мне дали небольшую картонную коробку с порошком для мытья рук и полотенце.

За этот день я так переутомился, что когда уже вечером возвращался домой, все время оглядывался назад. Мне чудилось, что за мною следят, незримо идут по следам. И хотя я был полностью уверен в себе, в голову все же лез какой-то бред! "А вдруг как участковый дознался у Кати обо всем! А магнитофон предлог… Отпечатки взяли специально!.. Если так, то я пропал… Господи! Только бы все обошлось…"

У моего подъезда на крупной деревянной лавке сидели две бабки. Они были в валенках, затертых шубах из черного каракуля, в пуховых платках! Вокруг все обледенело, снег порошит, а эти сидят! Я их ненавидел!..

Одна из них, толстая, низкорослая, любительница ходить в гости из квартиры в квартиру по всему нашему дому,

выспрашивать, осведомлять, словом, переносчик заразы! Другая занималась тем же самым, но выглядела иначе: худая, высокая, детвора так ее и дразнила — "Щепка".

В последнее время я стал замечать удивительное: как только у меня появлялось плохое настроение или же я испытывал некую духовную неуютность, физическое недомогание, так эти две бабки обязательно попадаются мне на глаза! Они будто чувствуют мое отвратительное состояние, будто нагоняют его на меня исподволь из своих квартир, а потом выходят посмотреть: как я там себя чувствую! От одного только вида этих особ у меня возникала раздражительность, агрессивное сопротивление и неприятие! Это происходило еще и оттого, что очень часто я проходил мимо них и здоровался, а они промолчат, сделают вид, что не услышали или же заговорились.

Я перестал с ними здороваться! Всегда молча проходил мимо. Но они окликали меня ехидно, словно посмеиваясь, будто мимо прошел ненормальный! Еще бы! По их понятию, если парню за тридцать и он не женат, значит, тут что-то неладное! В их тоне звучала убежденная, якобы здравомыслящая снисходительность к убогому! А может, это мне просто казалось? Все может быть. Только в одном я уверен: человек неминуемо чувствует недоброжелательность…

Эти две бабки являлись для меня словно лакмусовой бумагой моего состояния, энергетической силы и независимости. Наверное, у каждого человека есть подобные бабки или другие люди, предметы, но не каждый человек обращает на это внимание. А может, я жертва отзывчивого воображения.

Они, эти бабки, сидели сегодня на лавке.

Меня обдало жаром, когда я их увидел. Мой взгляд забегал по сторонам, меняя объекты своего внимания, будто выбирая, на чем остановиться, но все вокруг было словно перепачкано нестерпимо-ощутимым присутствием этих двух несносных старух!

Прошмыгивая мимо своих одухотворенных врагов, я вспомнил один прием и стал смотреть прямо перед собой, но только усилием воли понизил резкость изображения в глазах. Это мне очень помогало! Мир становился расплывчатым, менее реальным.

— Здравствуйте, Сереженька, — снова ехидность послышалась мне вслед. — Что же ты проходишь и не здороваешься?!

… Я поднимался по лестничной клетке, грустный, опустошенный. Хотелось есть, даже ноги и руки дрожали.

Где-то впереди неожиданно открылась чья-то дверь.

— Сережа, — услышал я голос Вики.

— Да… — среагировал я и пошел на открытую дверь. Я боялся выглядеть резким — Вика обняла меня приветливо, но настороженно.

— Сережа, — прошептала она, — сегодня тобою интересовалась милиция.

— Как? И здесь тоже? — с печальной покорностью спросил я. Теперь Викино лицо туманилось перед моими глазами.

— Ты что, выпил? — робко поинтересовалась Вика.

— Любимая, — сказал.

— Сереженька, — снова обняла меня Вика, — что же ты натворил?!

— Я?! Я пойду, девочка… — опустошенно сказал я.

И я пошел к себе наверх…

Я открыл на ощупь ключом дверь в свою квартиру и вошел в прихожую. Из зала ко мне навстречу вышла взволнованная мама.

— У нас был следователь, он, насколько я знаю, обошел все квартиры в нашем подъезде. Что это значит, Сережа?

— Не знаю, — ответил я.

— Ты что-то натворил? — испуганно произнесла мама.

— Я? Нет… Вроде, нет…

— Что значит, вроде? — заволновалась мама еще больше.

— А что ему, следователю, было нужно? — словно приходя в себя, уже более заинтересованно спросил я и глянул на маму резко, и сразу же обрушилась на меня чудовищность и нелепость моего положения!

— Я так толком и не поняла, — отвечала мне мама, — но вопросы этот следователь задавал удивительные!

— Какие? — абсолютно опомнившись, спросил я.

— Самые различные… — Мама немного подумала. — Даже невероятно, к чему? К чему ему понадобилось знать, какая у меня была девичья фамилия? Где и кем я работаю, интересы? Все о твоем отце… Все о тебе и даже чем ты болел в детстве?

— А что еще он спрашивал?

— Еще многое… Часа два тут сидел, тебя дожидался, и все записывал мои показания. Да вот, — мама протянула мне какую-то бумажку. — Он оставил тебе повестку. Завтра ты должен будешь явиться к нему в отделение… Сынок! — негромко выкрикнула мама, кинулась и обняла меня. — Ну, что ты натворил? Родной!

— Мамочка, — заговорил я, обнимая ее за плечи. — Я даю тебе честное слово, что это какая-то чепуха! Поверь, завтра все прояснится! Иди спать, пожалуйста, я тоже устал. У меня был сегодня трудный день…

И мама, может, впервые за последние годы, как-то боком,

недоверчиво оглядываясь, попятилась к себе в комнату.

Нет, есть я не стал. Я вошел к себе в комнату, сел на диван. Посидел несколько минут с закрытыми глазами.

— Да что это я! — насильно, будто оживляя себя от властительной дремоты, сказал я вслух.

Работу Корщикова я уже давно прочитал и успел вернуть ее обратно автору. Потому что мало что понял в прочитанном, я никак не отозвался о ней — промолчал, а Саша и не спросил. А вот Священная Книга Тота… Она манила меня, будто символ какой, хотя и не была на виду, но она озаряла мою комнату, привлекала…

Я встал с дивана и движением воли отбросил от себя весь хлам сегодняшних впечатлений. Несколько секунд они еще пытались снова обрушиться на меня, но я жестко удержал их на расстоянии.

Алеф

Давно я уже отпечатал Священную Книгу Тота, но долгое время не решался приступить к ее изучению. Я прочел только предисловие и Введение. Сражу же после промывки фотографии этой таинственной книги раскладывались по всему полу моей комнаты на газетах для сушки. Я брал по одной, еще влажной, фотографии и читал.

Остановившись на Первом Аркане, я понял, что нуждаюсь в осмыслении, и я отложил книгу до того момента, когда почувствую внутреннюю сосредоточенность, готовность к ее восприятию.

Теперь я, неожиданно для себя, вытащил запрятанные среди старых книг моей домашней библиотеки две стопки переплетенных фотографий, открыл первую и прочел с начала до конца — все пять параграфов Первого Аркана: "О Божестве Абсолютном; О Божестве Творящем, Его Триединстве и Божественном Тернере; О Мировом Активном Начале; О Воле и Вере; О Человеке совершенном и Иероглифе Аркана Первого".

Одного раза мне показалось мало, и я прочел все параграфы еще и еще раз.

Для того, чтобы лучше усвоить, ближе ознакомиться с материалом, я попробовал набросать своеобразный конспект-размышление на темы параграфов Первого Аркана.

Время шло быстро.

Я почувствовал, что устал. Тогда, допечатав на пишущей машинке последнюю страничку, своего, своеобразного конспекта-размышления — я отложил свое занятие в сторону. Теперь, я понимал, что, то, что я произвел сейчас, не совсем конспектразмышление, а скорее своеобразный, чуть ли не

дословный перевод мною Владимира Шмакова на иной текст. Иначе говоря, то же самое, но намеренно другими словами. Допечатав, я почувствовал, что устал, и я оставил пишущую машинку, надежно спрятав все бумаги.

"По-моему, неплохой прием для осознанного запоминания и ориентировки в изучаемом", — подумал я и тут же добавил вслух:

— Все, на сегодня хватит.

Позвоночник

— Ива-ан! — отчаянно выкрикнул я.

Оказалось, что я стоял в небольшой квадратной комнате. В ней было все, абсолютно все черного цвета. Даже штора, за которой я предполагал окно, тоже была из черного бархата. Этот бархат, и стены вокруг, и потолок, и пол, — все имело какую-то пространственную, космическую глубину для взгляда, и вместе с тем я ощущал, именно ощущал, а не созерцал, что стены, и пол, и потолок, и штора все же являлись таковыми.

Невероятно, но я будто бы парил в безграничном пространстве квадратной комнаты, хотя и чувствовал опору под ногами, и мог прикоснуться к стенам. Только штору отодвигать я не решался.

В комнате царил неведомо откуда непонятный свет. Словно светилось само пространство и мне было почему-то необъяснимо страшно, жутко находиться здесь одному. Это был страх предчувствия.

Вдруг стена, что находилась напротив черной бархатной шторы, вспыхнула гаммой самых ослепительных красок!

Я отпрянул в сторону и стал протирать свои будто воспламененные, светящиеся во тьме глаза.

Наконец, мои глаза как бы потускнели, но точно фиолетовые угольки еще догорали в них. Я снова мог открыть глаза и видеть. Я обернулся и оторопел!

Боже мой! То, что я увидел, то, что теперь мог отчетливо различать и осознавать умом и сердцем, заставило меня остаться на месте в состоянии удивления и очарованности.

В двух метрах от меня располагался массивный стол, выполненный полностью из серого камня. Его увесистая столешница опиралась на две вертикальные стенки, соединенные посредине перекладиной. Позади этого стола висел массивный занавес кроваво-красного цвета, наполовину отодвинутый в сторону, и тем самым собранный в ровные складки, сам не знаю зачем, но я сосчитал эти складки: их оказалось ровно девять.

В тот самом месте, откуда был отодвинут занавес, я разглядел лестницу, уходящую вниз, в землю.

На фоне этого занавеса стоял в полный рост сильный,

мускулистый человек, лет тридцати пяти на вид, в расцвете своих молодых сил. Он не шевелился, но был, я не сомневался, абсолютно живым, настоящим. Я сразу же узнал его! Это был Маг.

Несколько минут я сосредоточенно рассматривал его, видел ли он меня, — не знаю.

Под его ногами, на полу, был разостлан ковер, на котором красовались вытканные желтые гирлянды и лавровые венки. Одежда Мага поражала своим простым совершенством, духовным проникновением!

На Маге была короткая туника, доходившая ему до колен, перехваченная широким кожаным поясом повыше бедер. Эта туника собиралась во множество складок, а цвет ее изумлял глаза своим тонким переливом: она была белая, но слегка розовая, с золотистым оттенком.

Маг очень крепко стоял на ногах. Его правая нога была выдвинута немного вперед. На голове у этого посвященного мужа покоилась золотая змея, заглотнувшая свой хвост. Змея опоясывала лоб, и казалось, что она вот-вот шевельнется!

Над головой Мага висел, будто парил, знак бесконечности в виде горизонтальной восьмерки.

Маг высоко держал поднятой свою правую руку к сияющему небу. В этой руке он держал скульптурный жезл. И я отчетливо мог разглядеть его детально: я видел скипетр, который обвила огромная змея, на которой покоилась исполинская черепаха, а на ней стояли три белых слона, а слоны поддерживали сферу с семиярусной пирамидой, а над пирамидой (в мои глаза вонзался ослепительный источник света, и когда я прищуривался, то мог различать в этом источнике света) золотой треугольник.

На груди у Мага я отчетливо видел равноконечный крест с раздвоенными и закругленными концами. Посередине креста сияла укрепленная на тонкой спирали яркая красная точка, она завораживала.

Я продолжал рассматривать остальные атрибуты величественной объемной картины, так внезапно возникшей передо мной, и мое зрение уловило чашу, стоящую возле Мага на столе. Она была из чеканного, почерневшего от времени, золота. Рядом с чашей лежал меч, клинок которого расширялся к острию и был сделан, как мне показалось, из матовой платины, а ручка его была, насколько я понимал, опять же из золота.

Полный восторга, я подошел поближе к столу. На нем лежал сикл (пантакль) — золотая монета с изображением равноконечного креста, заключенного в круг.

Я приблизил глаза к этой монете и внезапно обнаружил, что я вижу ее обратную сторону, как бы изнаночную! На обратной

стороне была изображена царская корона.

Я снова отдалил монету, и опять проявилась ее лицевая сторона — равноконечный крест в круге.

Я отошел на несколько шагов от величественной картины. Я охватывал взглядом всю картину в комнате и пытался понять, откуда же мне все это знакомо?!

И тут меня осенило, будто милость, снисхождение порадовали меня: я сию минуту осознал, что передо мною, — символ Первого Аркана, Тайны, Священной Книги Тота, — Первый Памятник Вселенской Бесконечности!

Я полностью был поглощен этим сверхчеловеческим знамением.

— Я здесь, — кто-то неожиданно назвался в пространстве позади меня.

Я стоял, не в силах повернуться. Послышались шаги, отчетливые, ниоткуда, но они приближались ко мне, и в следующее мгновение чья-то рука легла мне на плечо. Я даже не дрогнул, а только будто человекоподобный, холодеющий сгусток, я стоял и молчал, ощущая мягкую тяжесть у себя на плече. Мне казалось, что мое тепло улетучивалось, растворялось в пространстве космической комнаты и от этого вселенское пространство, эта космическая комната — светились.

— Повернись ко мне, — потребовал хозяин руки.

Я медленно повернулся, искренне, откровенно повиновавшись: перед моим лицом в нескольких сантиметрах я узнал светящееся лицо Ивана! Но голос! Его голос! Он был совершенно иным. Незнакомым. И я почувствовал властность в этом голосе.

— Ты уже оценил увиденное? — спросил Иван.

— Мои глаза все видят, — ответил я. — Но мои сердце и разум, они на коленях непонимания перед этим величием!

— Хорошо! — сказал Иван. — Я буду говорить сейчас, а ты неустанно всматривайся в услышанное! И увидишь, что все мои слова оставят следы для тебя, которые приведут созерцание твое в обитель твоей истинной души. — И так, — помолчав, многозначительно произнес Иван и отошел на несколько шагов от меня в сторону. — Итак, — произнес он еще раз. — Ты уже осознал, что перед тобой?

— Да, но ничего не понял, — сказал я и медленно развернулся поудобнее так, чтобы хорошо видеть и Величественную картину космоса, и говорящего Ивана.

— Перед тобою — Победитель! — торжественно сказал Иван, — он смог разорвать все оковы времени, все меры относительного мира! И прошедшее, и будущее — едины для

Мага, слиты в целое, в одно, настоящее, и только настоящее мгновение! — Запомни, внушительно прозвучал голос Ивана. — Только бодрость духа является основой любой силы, надежды, достижения!

Ты должен быть всегда бодрым и ни одно сомнение не сможет возникнуть у тебя на пути! Сомнения, шины под босыми ногами профана — прочь их.

Ты, и только ты — глава мира своего и его бесконкурентный, единственный повелитель! Это ты должен помнить всегда: и в минуты разрыва с космосом, когда ты будешь увлечен безделушками мира своего, и в минуты скорби, тоски и отчаяния.

Только так побеждают горе и все препятствия, запомни!

Будь всегда на страже, в решимости, в центре течения своей силы, как этот Победитель, — и Иван властно указал своей рукою на стоящего все так же непоколебимо и неподвижно Мага за серым каменным столом.

Иван продолжал говорить:

— Каждую секунду, неуловимое мгновение ты должен уметь вступить в борьбу как Повелитель, а не как соперник чей-то! Вступить в борьбу также, как этот Великий Победитель!

Ты видишь, он наклонился вперед и выдвинул правую ногу, он полон решимости!

Но знай, что гордость — это яд, который может отравить, разъесть твое существо, — остерегайтесь его, ибо в гордости ты становишься соперником, а не Повелителем. Повелитель снисходителен, ему не надо противопоставлять себя, потому что он — Повелитель! Умей соразмерять свою силу, всегда бери вещь, как она есть: не преувеличивая, но и не преуменьшая сути ее.

— Понял, — твердо сказал я.

— Никогда полностью не открывайся, — продолжал Иван, умей хранить в неприкосновенности тайники души и даже в минуты самой ожесточенной борьбы не отдавай, не выказывай всех сил своих, ибо победит лишь тот, кто будет иметь запас таковых.

Вот почему, ты видишь, левая рука Мага согнута в локте, это готовность использовать скрытую силу свою!

Смотри! Одежда Победителя; как она прекрасна! У нее цвет самой юности! Твое сердце навсегда должно остаться юным, полюби всех детей, и ты должен видеть во всем прежде всего только хорошее, потому что если и придет огорчение разочарованности, то оно не в силах будет окончательно притупить увиденное совершенство!

Я молчал и беспрекословно слушал, внимая Ивану всем своим состоянием, присутствием здесь, во Вселенском

Пространстве…

— Великий Победитель, — продолжал Иван. — Это брат наш, старший…

И еще: знай, что любые препятствия, какие бы они сложные ни были, они не преграждают путь твой, а наоборот, показывают путь твой, выявляют тебе наглядно, насколько ты еще несовершенен и что значит: не пришла твоя пора Победить их!

Но чем выше ты будешь подниматься к себе, тем меньше препятствия будут мешать тебе в совершенстве!

Ты видишь кожаный пояс у Победителя? — спросил властно Иван.

— Да, — покорно ответил я.

— Это символ остатка оков, некогда владевших Победителем, но теперь они подчинены ему. Они не мешают, но отделяют его низшие начала от высших!

А видишь эту золотую змею на голове Мага? — снова спросил меня Иван.

— Вижу, — так же покорно ответил я.

— Это — совершенство и завершенность всего: большого и малого.

И вот еще что: знай, что ты будешь непобедим, если будешь замкнут! Абсолютная замкнутость — это слияние с вечностью. Живи небом, но помни о земле.

Присмотрись: все вещи Победителя вне его самого: чаша, сикл, меч на каменном столе в стороне.

— Да, — подтвердил я.

— Только жезл Маг держит высоко в руке — это символ его власти!..

— Я понял, — подтвердил я.

— Учись у Победителя! — сказал хладнокровно Иван.

И тут я увидел и поразился необычному; вместо лица Ивана у Ивана вспыхнуло лицо, точно проявилось, как и та, обратная сторона монеты на каменном столе Мага, лицо другого человека, совершенно незнакомого мне!

"Владимир Шмаков!.." — промелькнуло у меня в голове и призрачно удалилось и погасло.

Снова лицо Ивана приняло свои прежние черты…

— Иван! — окликнул я учителя.

— Что? — отозвался он.

— Неужели надо отказаться от всего? — спросил я с ноткой надежды в голосе.

— Да. Абсолютно от всего! — подтвердил решительно он.

— А Вера? — спросил я.

— Что — Вера?

— Вера какая-то должна же остаться?

— Нет. Ничего святого не должно быть!

— Как же это?

— Прочь все идеалы! Все нелепые привязанности к атрибутам любой Веры и к ней самой, к родственникам любого земного ранга, прочь — все любимое, близкое и дорогое, приятное и неприятное, злое и доброе!..

— Как же так?

— Прочь, это прежде всего, отношение ко всему на свете без обратной связи! — сказал Иван.

— Как? — спросил озадаченно я.

— Не анализируй! — воскликнул учитель. — Все встречай без чувственных отношений. Воспринимай, совершенно не отражая мира, и ты перестанешь быть чьим-то зеркалом, и тогда ты увидишь себя повсюду.

— С чего начать?

— С самого близкого и дорогого!

Я задумался.

Действительно, много у меня дорогого…

— Тут, — сказал Иван, — и кроется философский камень преткновения! Попробуй откажись от всего, когда вокруг весь мир, — это ты, потому что привязан ты к нему и не мыслишь себя вне него, может случиться так, что откажешься ото всего и тебя не станет! Вовсе не станет на свете, ибо тебя и не было как личности: ты был в родственниках, в предметах и прочем, а без них — испарился, исчез навсегда! Вот почему важно воспитать в себе личность, свое неповторимое, и тогда это неповторимое способно будет отказаться от всего остального и остаться только само, как оно есть, вот что такое — бессмертие!

Безличностный профан не в силах отказаться буквально ото всего, потому что некому отказаться, его нет, профана, понимаешь эту истину? — спросил меня холодно Иван.

— Да. — покорно и уверенно сказал я, и мурашки пробежали у меня по всему телу.

— И вот, — сказал после короткой паузы Иван, — пример тебе: евреи, — а я тоже еврей, — дети Бога, библия тому свидетель! У нас очень развит зеленый, голубой цвет.

— А что это значит: зеленый, голубой?

— Творчество. Нам, от многовековой практики, легко дается, не исключительно, но в большинстве, — работать на зеленом и голубом свете. Контролировать эти цвета. Так Бог нам дал.

Но если бы я не оставил свою привязанность к национальности, то я никогда бы не ступил на путь Победителя. Мне не открылись бы синий, фиолетовый, белый цвета.

Поэтому я отказался от еврейства, от своей принадлежности к национальности вообще, дабы выйти на высшие начала Вселенной!

Каждая национальность, не исключительно, но в основном, не от природы, но от истории, концентрируется работает на Земле больше на одном-двух каких-то цветах.

К примеру, верующие индусы близки к фиолетовому, белому, золотистому, и вот почему их мало интересует и заботит земная жизнь! Они в своей цветовой крепости!..

— Значит, — сказал я, — любая национальность, — это от невежества?

— Да.

Но пройдет много лет, прежде чем профаны поймут, что они не русские, украинцы, евреи или китайцы, а дети, не Земли даже — дети Вселенной!

Это политика Космоса! Ей принадлежит будущее!

Профанов — большинство, и они всячески грызутся по поводу своего происхождения! Всячески привязывают себя, ограничивают национальностью, принадлежностью к вере и прочими условностями. Даже вера в Бога — это тоже привязка, ограничение, и от этого ты должен отказаться!

— Как, и от веры в Бога?

— Да! И обязательно! Если ты веришь в Бога, значит, ты уже кому-то подчинен, значит, ты уже не Повелитель своего мира, а всего лишь житель мира того Бога, которому ты поклоняешься.

Вера в Бога дана профанам, но кто переступит ее не так, как это пытались делать бескрылые материалисты, а решительно и осознанно, тот и приобретет свой собственный мир, станет Повелителем его и Победителем, удостоится Вселенского бессмертия!

Наступило молчание. Я раздумывал над сказанным. В чем-то я был не согласен…

— Я понимаю твое смятение! — неожиданно обратился ко мне Иван. — Но, — сказал он, — вскоре ты сам поймешь, что Вера в Бога нужна лишь профанам. Это им великое спасение от хаоса, возможность оставаться профанами, не раствориться, иметь стержень божественности, на который нанизывать профану все остальное, не его! Убери от профана все остальное, и останется только божественный стержень, и тот придуман, воображаем!

Я продолжал раздумывать, слушая Ивана, и не заметил, как Величественной картины Первой Тайны Священной Книги Тота не стало, она исчезла неведомо куда, и Вселенская комната наполнилась только густым, ледяным голосом Ивана.

— Профан и Бог — синонимы! — воскликнул Иван.

И я содрогнулся от услышанного.

— Присмотрись, — сказал Иван, — сколько профанов, столько и Богов!

Для профана придумана божественная множественность, будто Бог во всем и в каждом, чтобы оправдать существование профана, оправдать его безликость и смертность!

— Но тогда — зачем нужны профаны? — удивился я.

— Профаны и все прочее — пластилин, иллюзия, — сказал Иван. — Ты сам все это придумал! Так вот, и одумайся!..

— Если я одумаюсь, профанов не станет?

— Конечно!

— А что же тогда будет?

— А ты одумайся и увидишь!

— Но я не сознавал раньше, что это все и профанов придумал я сам. Как же так?

— Значит, — холодно отвечал Иван, — кому-то стало необходимо, чтобы ты — одумался. — Снова наступило молчание…

— Достаточно. Приспустим флаг, — сказал Иван. — Я дам тебе сегодня Первый урок Астрала. С Астральным телом ты уже знаком? — спросил он.

— Да, — покорно ответил я, — но очень смутно, на ощупь.

— Ясно! — сказал учитель. — Тогда, — и он пару секунд помолчал, — приступим! — сказал он решительно и подошел ко мне ближе.

— Вообрази себе свой позвоночник! — потребовал он.

— Вообразил, — сказал я.

— Теперь мысленно передвигайся от копчика до макушки, и обратно.

— Как, с помощью чего? — спросил я.

— Представь себе: теплый шарик, и покатай его: вверх вниз, как я сказал.

— Покатал, — отозвался я через пару минут усердного, сосредоточенного молчания.

— Так.

Хорошо.

Теперь постарайся почувствовать весь позвоночник горячим, хотя бы — теплым, но натянутым, как струна!! И это у меня получилось без особого труда, и я не замедлил сообщить учителю о своем успехе.

— Почувствовал! — сказал я.

— Молодец! Идем дальше. — учитель приблизился ко мне еще ближе, я ощутил его ровное дыхание. — Сядь в «лотос», потребовал он. Раньше мне никогда не удавалось сесть в «лотос»,

даже у Долланского я смог принимать лишь «полулотос», а тут я сел, и так свободно, именно в «лотос», будто мое тело стало пластилиновым.

— Сейчас постарайся полностью расслабиться и выдохнуть весь воздух из легких, — послышался голос над моей головою, а когда выдохнешь, вообрази, что ты вдыхаешь не просто так, а что-нибудь реальное, что ты можешь мысленно увидеть, и вот это вдыхай смело, как на самом деле!

— А что лучше? — спросил я.

— По желанию. Можешь вдыхать, к примеру: соринки, жидкость или еще другое, но при условии, что это должно быть окрашено в какой-то цвет…

— А в какой цвет лучше? — поинтересовался я, боясь сделать что-нибудь не так. Я сидел с закрытыми глазами, каждую секунду порываясь выполнить поясняемое упражнение.

— Цвет любой.

Это не важно сейчас, — подсказал голос учителя, — только он должен быть светлым. И ты вдыхаешь это, свое воображаемое, мысленно загоняешь это в копчик. Вдыхаешь медленно, где-то на счет до восьми.

— Я буду воображать пыль, можно? — спросил я. — Голубую пыль?

— Можно.

Теперь то, что ты вдохнул, остается в копчике, и оно постепенно разгорается, как бы жжет, обжигает! А сейчас копчик начинает гореть кроваво-красным цветом, он похож на раскаленный уголек из костра! Медленно выдыхаешь на счет, также до восьми. Вся энергия в копчике, остальная часть позвоночника продолжает ощущаться теплой струной.

Выдыхаешь — ничего! Пустоту выдыхаешь, потому что все осталось в позвоночнике, в раскаленном копчике.

Выдыхаешь, будто бы в себя, внутрь.

Ясно?! — спросил учитель. Я кивнул, продолжая выполнять его приказания.

— Поднимаемся выше! — повелел учитель. — Все то же самое, также вдыхаешь и выдыхаешь! Красный уголек продолжает гореть, но теперь загорается еще и оранжевый цвет, он выше копчика, на уровне лобка.

Вообрази, что твой кроваво-красный уголек начал вытягиваться в высоту по позвоночнику и на том расстоянии, на которое он вытянулся, — горит оранжевым цветом.

Я разжег и оранжевый цвет…

Потом Иван научил меня, как распалить желтый цвет, и я, продолжая мысленно вытягивать свой воображаемый уголек по

позвоночнику, выявил желтый цвет на уровне живота.

Таким же образом я зажег и все остальные цвета: зеленый на уровне грудной клетки, голубой на уровне шеи, синий на затылке, фиолетовый на макушке. Мой позвоночник огненно светился снизу и холодел кверху. От него исходил жар и холод одновременно, все семь цветов радуги разноцветно сияли в моем воображении.

Я продолжал таинственно дышать…

— Зажигай среднюю чакру! — приказал учитель и пояснил. — Вообрази луч, мощный, красного цвета. Он исходит из центра твоей грудной клетки.

Теперь проецируй этот луч на белый экран перед собой. На экране твой луч превращается в красный круг, в середине которого — три треугольно расположенных крупных точки, тоже красного цвета. Всем своим существом выражай состояние мира и добра. Не думай словами, у тебя только состояние мира и добра, его полное, глубинное ощущение.

Таким образом, перед тобою сейчас высвечен Астральный символ выхода на Шамбалу!

Мысленно, чувствами, представься Шамбале, можешь что-нибудь попросить.

И я представился: "Шамбала! Я, Сергей Истина, житель Земли. Я пришел с миром и добром! Помоги мне увидеть Наташу! Я люблю ее! Помоги хотя бы ощутить ее присутствие!.."

Все это я произнес не словами, а чувствами, и это мне удалось.

Я потушил позвоночник в обратной последовательности и открыл свои глаза, Ивана уже не было, но, о диво! На том месте, где я не так давно созерцал Астральный символ Первой Тайны Священной Книги Тота, возникли во множестве ряды книжных полок.

Я поднялся на ноги и приблизился к этим полкам. На всех корешках многочисленных книг было написано: Сергей Истина…

— Господи, — воскликнул я, — неужели это все — я написал!..

Несколько минут я любовался, как ребенок перебирал радостными руками разноцветные переплеты своих книг, своих Астральных книг!

Несколько книжных полок именовались общим заголовком: «Рукописи». Я нагнулся, открыл первую попавшуюся картонную папку и взял несколько исписанных и исчерканных листов бумаги оттуда.

Неожиданно мой взгляд упал на черную бархатную штору, за которой я предполагал окно, и мне невыразимо захотелось

поскорее отодвинуть ее, и я потянулся к шторе и резко, не задумываясь, отдернул ее в сторону — всю!

Яркий солнечный свет будто воспламенил меня с ног до головы! Передо мною действительно было окно, мое окно, выходящее на зимнюю улицу утра.

Я обернулся, огляделся по сторонам, но, вместо космического пространства, я теперь находился у окна в своей комнате.

Но я вспомнил! Бумаги из папки!..

И тут я сладостно ощутил несколько листков бумаги в своей руке.

"Господи!

Они со мной!.." — подумал я.

Я тут же принялся читать их.

Они были написаны моим почерком.

С трудом расшифровывая всевозможные исправления, я торопливо переписал все, что мог, в общую тетрадь, я очень боялся, что эти бумаги растают, растворятся, мне даже некогда было вдумываться в то, что я переписывал. Но когда последняя строчка, слово, оказались переписанными на чистовик, в тетрадь, я успокоился, отлистнул несколько страничек назад и впервые прикоснулся к содержанию, и в моей голове зазвучали стихи, мои стихи, из Астральной библиотеки!

Кто?..

Бегу по ласковым дорогам
И по шипам воспоминаний.
Там пыль столбом стоит, ей-Богу,
В крови шипы: и все же — манит…
Как сон.
И кто меня разбудит…
И даже ночью — чья-то сила!
Я сплю и вижу то, что будет!
А значит «будет» — тоже было!..
Я в чьей-то памяти живущий!
Сегодня, может, в умиленье,
Моей судьбы: просторы, гущи
Он вспоминает на мгновенье…

Иллюзия

Мы — узники, мы время заучили,
Мы думаем, что время приручили…
С наручными часами неразлучники.
Одело время нам уже наручники!..
Убеждай себя
Пока хоть что-то отрицаю:
Во мне от мира в стороне

Лишь мира отблески мерцают.
Весь мир вместился бы во мне…
А потом…
Все будет: жизнь, и будет смерть, потом…
Вначале не желаем — не иначе!
Расстаться с материнским животом,
Не потому ль, родившись, горько плачем?..
Все испытаем: радости, печали.
Все будет: жизнь и будет смерть, потом…
Мы покидаем свой телесный дом
С такою неохотою вначале…
Тупик
Он взглядами моими облицован,
Весь горизонт вокруг моей судьбы.
Всего до горизонта жизнь ходьбы…
Я горизонтом прочно окольцован.
Но, может быть, с неведомых высот
Все взгляды мне свои удастся веско
Свести в единый взгляд и горизонт
Тогда — перешагнуть, как обруч
Детский…

Часть пятая. ПУТЬ

Вы верите в Бога?

В тихом утреннем коридоре отделения милиции, ровно в девять часов по повестке, я постучался в комнату девять.

— Да!.. — отозвался чей-то бодрый голос за лакированной деревянной дверью. Я шагнул в комнату.

В трех метрах от меня за столом у пришторенного окна сидел человек в штатском костюме, галстуке: на вид ему было лет сорок, жилисто-поджарый, какой-то уютный, во всем теле играет энергия, лицо длинное, отштрихованное несколькими морщинками, неприметный, подобных людей я встречаю очень часто, но быстро забываю.

— Можно? — спросил я.

— Входите! — энергично засуетившись с какими-то бумагами, точно мимоходом, но добродушно, предложил он. Я прикрыл дверь за собой, сердце у меня зачастило…

Но я решился.

— Вы следователь Васильев? — спросил я.

— Да! — ответил человек в штатском.

— Я по повестке, — сказал я и подошел к столу следователя, и протянул ему бумажку с бледными, голубенькими прожилками казенного штампа. На его чернильных линейках красовалось несколько беглых слов, написанных шариковой ручкой.

— А!.. Хорошо! — сказал следователь, просмотрев повестку и узнав из нее, кто к нему явился. — Вот вам бумага, вот ручка, — услужливо предложил он. — Напишите свою автобиографию. Подобное предложение поразило меня. Я ожидал худшего, но пока все происходило довольно загадочно, и все же — благополучно! Пока благополучно! Свежие листы машинописной бумаги стопкой лежали передо мной на столе, за который я уселся. Следователь что-то перелистывал, вчитывался, отмечал красным и синим карандашом, а я, тайком посматривая на него, думал о себе…

Я заметил, как Васильев выразительно поглядел в мою сторону.

— Пишите, пишите, — сказал он, — я, такой-то, такой-то, полностью — фамилия, имя, отчество, родился тогда-то и там-то…

— Да, да… Я знаю, — отозвался я.

Шевелящаяся строка легко потянулась за казенной ручкой и, отставая от чернильного пера, замирала, засыхая.

— Будьте добры, пишите подробнее, — попросил Васильев. Я написал следующее: "Я, Сергей Александрович Истина, родился в городе Р… в 1956 году 19 января. С 1959 года по 1964 год находился в детском саду номер 123 г. Р… С 1964 года и по 1975 год учился в средней школе N 70 г. Р… Параллельно со средней школой с 19… по 19… гг. я учился в детской музыкальной школе по классу гитары. По окончании средней школы в 19… г. поступил в речное училище для обучения на матроса-моториста, а в 19… г. закончил названное училище с отличием. Затем два года служил в армии в качестве матроса на военном крейсере в Балтийском море (с 19… по 19… гг.). В 19… г. поступил, а в 19… г. закончил кинотехникум в г. Р… Потом сразу же после окончания кинотехникума в 19… г. поступил, а в 19… г. закончил Р… государственный университет по специальности «журналистика». С 19… работал корреспондентом областной газеты "Вечерний Р…". С 19… и по настоящее время исполняю обязанности директора кинотеатра "Лесного поселка" города Р… Являюсь членом ВАГО, как некогда, искренний приверженец любительского телескопостроения (с 19… г.). С 19… г. был членом ВЛКСМ и выбыл в 19… г. по возрасту. Пишу стихи. Публиковался в журнале "Д…", в поэтических сборниках. В 19… г. награжден почетной грамотой обкома ВЛКСМ за участие в Пресцентре областной конференции молодежи". Я поставил точку, перечитал получившуюся довольно сухой автобиографию, она уместилась в одном машинописном листке, поставил свою подпись, сегодняшнее число. Теперь это уже был документ, и я не

замедлил положить его следователю на стол. Васильев, сразу же отложив все свои бумаги в сторону, внимательно прочитал мою автобиографию. Я сидел и ожидал, что ему что-нибудь не понравится или он скажет: "Так-с… Пройдемте в камеру!.."

— Итак…. - сказал Васильев, и я замер от этой фразы!..

— Итак, Сергей Александрович, — продолжил Васильев, вам необходимо еще срочно принести мне фотографию три на четыре, справку с места работы, характеристику, справку из военкомата, и о том, что вы не состоите на учете у психиатра.

— Это все? — спросил я, почувствовав успокоение от мысли, что меня, по крайней мере, сразу сажать не собираются.

— Да, это все, — подтвердил Васильев.

— Скажите, пожалуйста! Когда мне можно будет поднести вам эти документы?!

— Чем быстрее, тем лучше! — подытожил следователь, и тут я совсем осмелел.

— А что, собственно говоря, случилось? — поинтересовался я.

— У меня задание: собрать эти документы, Сергей Александрович, — хитро, но добродушно прищурившись, ответил следователь.

— Хорошо! Но на каком основании?! — теперь уже требовательно поинтересовался я.

— Понимаете… — задумчиво произнес Васильев, — был телефонный звонок, анонимный. Мне поручено проверить поступившие факты.

— В чем же меня обвинили? — уточнил я.

— В общем, предупредили, что вы пьяница и дебошир, приводите к себе домой различных женщин, ну и так далее…

— Хорошенькое дело! — возмутился я, — Но я же почти не пью, и дома меня не слышно, ну, а насчет женщин, по-моему, это не запрещается холостым, да и потом, я вовсе не привожу разных!..

— Я все уже прекрасно знаю, Сергей Александрович!.. Тот телефонный звонок не подтвердился.

— А тогда зачем приносить документы?

— Вы же взрослый человек и понимаете, что все надо подтверждать документально! — возразил следователь. Я уже собрался уходить, как Васильев окликнул меня у двери:

— Сергей Александрович!

— Да… — невесело отозвался я.

— А Вы верите в Бога? — спросил следователь.

— А какое это имеет значение? — тоже спросил я.

— Знать, — это значит уметь, а уметь, — это значит

(хороший парень, знаю его два года, все нормально). Александрович.

Но я ничего не ответил и вышел из кабинета.

"Почему он спросил, верю ли я в Бога?.. — рассуждал я про себя, — Значит, Катя — отпадает… Тогда… Тогда… Боже мой! Конечно же это!.. За мной подсмотрели в церкви!.. Теперь или с работы снимут, или упекут в сумасшедший дом! Не дай-то Бог!" Я шел и переживал, но самое интересное, что переживал кто-то во мне, а не я сам! Я будто бы наблюдал свои переживания со стороны… И я даже подумал о том, что вполне могу, сию минуту, запросто развеселиться, расхохотаться, если потребуется, прямо здесь, на улице, неподалеку от отделения милиции. "Нет… — остановил я себя мысленно, — Тогда уж точно примут за сумасшедшего и упекут незамедлительно!.." И я ускорил шаг по направлению к автобусной остановке.

Однако через несколько шагов я почувствовал, что мне хочется оглянуться. Я оглянулся и увидел, как черная ворона, довольно крупная, захлопала корявыми крыльями на ветру, поднялась вверх и скрылась за четырехэтажным зданием отделения милиции. Ворона как будто выскочила в открытую форточку на втором этаже из комнаты следователя Васильева. Ошибиться на счет точности определения комнаты я не мог, ибо она располагалась самой крайней на этаже, в конце коридора, я помнил. Но только мог ли я поручиться за то, что ворона вылетела именно из той самой форточки? Впрочем, я не придал этому особенного значения: "Даже если и вылетела, ну и что?" И я опять зашагал к автобусной остановке, но более энергично, потому что решил побыстрее зайти в гости к Вике.

Коврик

Вика жила со своей четырехлетней дочерью Оксаной в двухкомнатной квартире. С мужем она уже три года как разошлась, он так и не бросил наркоманить, и, кроме шприца, его мало что интересовало, а молоденькой женщине нужен был мужчина, его ласки и обязанности…

Помнится, еще когда Вика ходила в мелких подростках, я очень нравился ей, да и что говорить: она мне тоже!.. Как-то стройненькая, с проклюнувшейся грудкой девочка на полном серьезе попросила меня с нею прогуляться! Это и была соседка Вика…

И я прошелся с нею до парка и обратно к нам во двор. Как же по-женски, еще тогда, она себя вела! Шла рядом важно, разговаривала медленно, как взрослая. В общем, воображала себя точь-в-точь как на свидании с любимым, как это демонстрируется в наивных кинофильмах…

Нет! Все-таки женщина — всегда женщина! У нее не бывает возраста! Наверное, не возрастом женщины отличаются друг от друга, а опытом, а может даже и не опытом вовсе, а чем-то иным, неуловимым, врожденным…

А еще, вспоминается, я встречался с одной девушкой, Галей Романенко. Сидел я как-то в обнимку у своего подъезда с Галей, а из подъезда выскочила Вика, озорная такая и веселая. Выскочила и тут же — насупилась, погрустнела, потому что увидела меня в обнимку с девушкой! Остановилась Вика и несколько секунд смотрела на меня, озлобленно, надменно, а потом…

— У-у! — погрозила она мне кулаком. — Предатель! выкрикнула она мне в упор, плюнула прямо в лицо и убежала. А я остался сидеть оплеванным рядом с опешившей Галиной. Удивительное дело, может, и совпадение, но с той Галиной, на которой я даже собирался жениться, у меня, после того случая, пошли разлады: я упрекал Галину в холодности, а она меня в горячности, а потом и совсем расстались мы с нею навсегда, и я не жалею! Честное слово — не жалею! Не жалею потому, что не было бы у меня сейчас Вики, а меня не было бы у Вики. И я не пришел бы сегодня к той, вчерашней озорной девчонке в гости…

Теперь я сидел в гостях, в уютном кресле с подлокотниками. Вика возилась у себя на кухне: готовила чай для нас. Я погрузился в воспоминания…

Неожиданно вспомнилось, как Вика заплакала, когда она выходила из своей квартиры в свадебной фате, и увидела меня: я спускался вниз по лестнице, и только на мгновение мы переглянулись, и все было ясно еще тогда…

Вика разревелась, все думали, что от радости, но я-то знал от чего! Не по своей воле судьба определила ее замуж тогда. Тот щуплый субъект, который вышел в приличном костюме из квартиры вместе с Викой в качестве ее жениха…

За несколько месяцев до свадьбы, со своим дружком, он затащил Вику в подвал нашего дома, там ей сделал укол и насиловал как хотел…

Через два месяца мать Вики узнала об этом, она встретилась с родителями того субъекта, и было решено: сыграть свадьбу…

А что оставалось делать, Вика оказалась беременной…

Судьбу Викиного отца я не знал, да и кто был ее отцом, я тоже не знал. Она уходила, ускользала от подобных разговоров, а я не настаивал. Викина мама оставила эту двухкомнатную квартиру молодоженам, а сама уехала в деревню, где когда-то родилась и жила, уехала к своей старенькой маме. И даже после развода дочери с мужем-наркоманом она не вернулась в город. Ей очень хотелось и верилось, что дочка найдет еще хорошего

человека, снова выйдет замуж и будет счастлива. Она не возвращалась, чтобы не мешать дочери заново устроиться в жизни, хотя Вика слезно скучала по ней и укоряла ее за это в письмах…

На одном этаже с Викой в соседней однокомнатной квартире проживала добрая, ласковая старушка, бывшая учительница Мария Федоровна. Ей, наверное, было уже под восемьдесят! Но она, худенькая и суетливая, жила независимо от своего возраста и была настолько заботливым человеком, что даже свои болезни словно оберегала от дурного глаза, заботилась о них, и болезни уважали ее, не одолевали мучительно, а приходили к ней, как старые приятели на огонек.

— Вот и сердечко расшалилось опять, словно детство вспомнило, — говорила Мария Федоровна о своих, иногда случавшихся сердечных приступах. Мария Федоровна очень любила Оксанку, "Викину дочурку", как говорила она. С откровенным удовольствием выручала Вику эта старушка: присматривала за ее крохотной девочкой. Благодаря чему мы с Викой могли безболезненно проводить свободное время по своему усмотрению. Вот и сейчас Оксанка была в гостях у Марии Федоровны…

Мои размышления прервались, в проеме двери возникла Вика. У нее в руках был поднос с чайным сервизом.

— Ну, вот и чай! — воскликнула она.

— Ее нельзя понять со стороны! — заговорил я. — И календарь она имеет свой, — я широко развел руки, — Где сроки будней каждому ины. Я от любви полжизни — ВЫХОДНОЙ! — громко и весело продекламировал я.

— Ах так! — улыбчиво удивилась Вика, — Я, значит, там, на кухне стараюсь себе, стараюсь, а он, бездельник, оказывается, уже полжизни ВЫХОДНОЙ! Да еще от чего, — от любви! — игриво выкрикнула она последнюю фразу.

— Да что вы, мадам, — развлекательно оправдался я.

— Ну, я тебе сейчас устрою Великие Будни! — радостно прошипела на меня Вика. Быстро поставила поднос на стол и погналась за мною, а я убежал от нее на балкон и закрылся там на шпингалет: показывал язык, строил рожицы через мутное стекло…

Вначале, когда я пришел сегодня к Вике, она взволнованно выслушала мой рассказ о посещении отделения милиции. Но успокоилась, поняв, что ничего страшного не ожидается.

— Если тебя из-за веры преследуют, то это благородные муки, Сережа… — сказал она и поддержала, — да Бог с ними со всеми! Неужели ты пропадешь без их должности. Пусть еще

поищут такого директора!.. Если что, приходи работать к нам в парк!..

— Все! Сережа! Хватит… Чай остывает… — кричала в мутное окно Вика. Я оставил свои шалости и вошел в комнату, и мы с Викой обнялись.

— Любимый человек мой… — прошептала она возле моего уха.

Раздался телефонный звонок… Вика подошла к аппарату и сняла трубку.

— Да, — сказала она. — Да, сейчас, одну минутку, — и она прикрыла микрофон трубки своей узенькой ладонью, обратилась ко мне. — Это тебя, Сережа.

— Кто? — спросил я.

— Какой-то Иван, — сообщила Вика и подала трубку мне. А я уже подошел и легким движением подхватил трубку из ласковых рук.

— Алло! — огласил я свое присутствие у аппарата.

— Алло! Здравствуй, Сергей, — сказал Иван.

— Здравствуй! — ответил я.

— Послушай, тебе Корщиков не звонил? — поинтересовался Иван таким тоном, словно он стоял сейчас на том конце провода и озирался по сторонам, высматривая засаду.

— Нет… — ответил я и поинтересовался в свою очередь, — а что случилось? В это время я увидел, как Вика приостановилась у кресла и стала прислушиваться к моим словам. Теперь и мне приходилось говорить, будто за углом засада…

Больше всего я беспокоился о том, что Иван может спросить что-нибудь такое, на что в присутствии Вики отвечать я не смогу. Но я успокаивал себя: "Иван благоразумный человек!" Однако я вслушивался в его голос настороженно и отвечал медленно, вкрадчиво анализируя свои слова.

— Слушай, Сереж, — говорил Иван, — если тебе вдруг позвонит Корщиков и будет предлагать коврик, то ты ни в коем случае не покупай его!

— А почему? — спросил я.

— Тебе надо отходить от них! — сказал мой учитель.

— От кого? — спросил покорно я.

— От Корщикова и от Ани, понятно? — внушительно определил Иван.

— Да… А почему? — не сопротивляясь, все так же покорно спросил я.

— Об этом потом, при встрече! — утвердил учитель.

— Хорошо, — согласился я.

— Ну пока, — попрощался Иван и повесил трубку.

Я тоже положил трубку и посмотрел на Вику, и улыбнулся ей, а сам подумал: "Я не успел спросить, что за коврик?.."

— Давай пить чай, — сказал я Вике.

— Что-то не так? Зачем он звонил? — спросила она.

— Не обращай внимания, — это с работы. А на работе, сама понимаешь, всегда каждый день какая-нибудь кутерьма! И тут я вспомнил еще и о пропавшем магнитофоне, но сразу же отмахнулся от этой вчерашней, тяжеловесной мрачности…

Мы с Викой сидели друг возле друга, и пили чай, и переглядывались. Жила Вика скромно. Ничего особенного, дорогого, как и лишнего в ее комнатах не находилось. В одном углу в комнате стоял на тумбочке с отпиленными ножками черно-белый телевизор «Крым», в другом углу висела икона, под ней горела лампадка, в противоположном углу несколько книжных полок, поставленных прямо на пол друг на дружку, в последнем углу на стуле чернел телефонный аппарат, а посредине комнаты два старых кресла и невысокий стол. В соседней комнате находились две кровати: одна большая, деревянная, а другая маленькая, детская, тоже деревянная; был там еще шифоньер и трельяж…

Странное дело, но сегодня я начал видеть Вику по-иному. Я сидел и пил горячий чай, и во мне просыпался художник. Я словно отделился от того, что видел раньше, и заново созерцал Вику. Я старался не мешать Вике быть или объявиться в моих мыслях такой, какая она была высвечена этими молчаливыми мгновениями чаепития. И я видел Вику заново: осмысленные карие глаза, отточенная фигура, мягкие, невесомые жесты, милый овал лица, цветение и магнетизм аромата вокруг нее, а эти губы, а волосы, спадающие на плечи, всегда будто тают у меня в руках…

— Мы по соседству жили и любили. Мои ладони бережно так плыли у девочки по трепетной груди. И тайна ожидала впереди… — невесомо и сладко продекламировал я. Вика встала с кресла, поставила свою чашку с недопитым чаем на стол, подошла ко мне, села на колени, и обняла меня за шею, и тихо попросила:

— Прочти мне еще что-нибудь… — и она, как малыш, прильнула ко мне всем своим телом.

— Я прочту тебе "Лунную балладу", — задумчиво сказал я, немного помолчал и, вздохнув, заговорил: "Я шел. Светил мне серп Луны. К себе любовь — колдунья звала. Я усмехнулся. Предрекала: "Пути настанут солоны…" Бросал я вызовы годам, все шла колдунья по пятам. Луна росла и шаром стала. И шаг замедлил я устало, и осмотрелся в первый раз: колдуньи лик

меня потряс! Обветрен я, она все та же, как мне в отместку молода, и не влечет уж, как тогда… "Ты шаг за шагом шел от жизни, она сказала в укоризне. — Ты усмехнулся, был невежда, теперь тебе — одна надежда!.." Колдуньи облик дивно стих, в глазах ее иные толки. И только лунные осколки сверкают серпиками в них… Теперь, в исходе полнолунья, — мне солоно. Молчит колдунья…"

— Сережа, — прошептала Вика.

— Я здесь, Вика, — отозвался я.

— Я люблю твои волосы, — заговорила она, близко рассматривая меня. — Я люблю твои карие глаза, я люблю твой курносый нос и ямочки на щеках, когда ты смеешься, я люблю твое тело. Я вся пропахла тобою, Сережа, Сереженька…

— Как долго мы рисовали друг друга, — прошептал я.

Сердцебиение времени истощало чувства. Мы оба устали, мой обновленный взгляд скользнул по зеркалам трельяжа. Передышка…

И снова сердцебиение времени, и снова передышка, и теплота успокоения…

Когда я поднялся к себе в квартиру и только успел раздеться и зайти в свою комнату, как тут же раздался телефонный звонок. Я быстро прошел в прихожую и поднял трубку.

— Алло! — сказал я.

— Алло! — ответили мне. По голосу, по-моему, это был Корщиков.

— Саша? — спросил я, чтобы удостовериться в своем предположении.

— Да, Сережа, это я… — подтвердил Корщиков.

— Как там, во Дворце Здоровья? — поинтересовался я.

— Все хорошо, от Ани привет, — сообщил Корщиков.

— Спасибо, — поблагодарил я. — И ей тоже! Большой привет!

— Я передам, — сказал Саша, но вдруг: — Слушайте, Сережа, я вам потом перезвоню, — заволновавшись, быстро заговорил он.

— Когда, Саша?! — крикнул я в трубку, потому что какой-то невнятный шум, то ли шипение, будто вьюга, клочками начал прорываться в трубке, и голос Корщикова тускнел — не разобрать, и пропал…

Я подождал пару минут у аппарата нового звонка, но и через десять минут, когда я уже успел немного перекусить на кухне, телефонного сигнала не последовало…

"Корщиков хотел предложить мне коврик! — подумал я. — Но ему что-то помешало?.." Тогда я, разуверившись в продолжении разговора, вернулся к себе в комнату, достал из укрытия

фотокопию Священной Книги Тота, поставил пишущую машинку на стул возле дивана, удобно сел и продолжил печатать свой «конспект-перевод», прислушиваясь к прихожей.

***

… Первая Тайна открывает нашему познающему началу главную основу о происхождении Вселенной в результате возникновения Космической Первопричины, которая обратилась к выявлению и рассмотрению собственных атрибутов с целью определения себя для себя, самосозерцания. Эта Божественная первооснова зеркально отражается в своем Вселенном повиновении атрибутов (самой себе), и она трансформировалась таким образом в движение, которое люди воспринимают как Триединое Божество Творящее. Эта Триединость определяется формой Абсолютной троичности и выявляется в Тернере Подвижном, который основывает следующий аспект — фундамент Триединства начальных, первых трех Арканов.

В этой троичности человек может только лишь стремиться и постоянно, неустанно приближаться, но не постичь таковую, как она есть на самом деле.

Человек стремится к абстракции, к отвлеченности, путем синтеза часностей выходит на обобщение идей, которые в феноменальном мире в чистом виде замечены и выявлены быть не могут. Это происходит сознательно и даже искусственно, то есть происходит — целенаправленно — разрыв всех частных отношений данного атрибута. Здесь и возникает огромный архив всех возможных возможностей, потенциалов. Эта работа увлекает человека до высшей потенциальности приближения к Божеству, к объему Троичности, где в определенный момент и наступает Вселенская грань Всеединства, после пересечения которой человек уже не может, не в состоянии осознать сами построения Тернера, потому что таковое уходит из его сознания, растворяется в нем.

Все верования планеты имеют в своей основе Божественный Тернер. Запечатлен он всегда целостным по сути, но в атрибутах своих. Эти атрибуты возможно уместить, отштриховать в следующих трех системах:

1. Все возникает из вечности и возвращается обратно в таковую. Дажесекунды наблюдаются на циферблате времени, но они не отделимы от общего временного объема.

2. Отец, мать, сын… То есть Активное, Пассивное и последствие реализации их взаимоотношения.

3. Дух, Разум и Сила.

Итак, Аркан Первый говорит о Едином, Тернере Божественном. Он в очередной фундаментальной основе своей

трактует о Вселенском Волевом импульсе, самопотоке. Таким образом, он возникает среди Первого и Третьего Аркана Священной Книги Тота.

О мировом активном начале

Вселенская точка отсчета осознается человеком первенствующей основой Активного Самоначала. Самостоятельность от наружного и оригинальность, как любого отдельного атрибута, так и основы — сути всякого формирования, и являет главный аспект теории о Первичности вообще. Любое данное возникновение, существование материи, по сути ее находится прежде теории о материи вообще.

Возникновение и сам исход возникновения есть формы материи; появляясь, атрибуты регулируют в материи данную им частность, обособленность; эта частность, обособленность и являет собой возникновение, перевоплощает наружу Активным началом принадлежащей ей силы, в долю личной сути в форме, которая ранее была лишь возможностью и стала реально существолвать теперь.

Через стройную классификацию и четкую систему взаимоотношений всех Божественных Атрибутов познается Мировое Активное Начало.

Только отстранившись от непостижимого Целого, человек переходит к познанию его Частных атрибутов.

Как только я поставил последнюю точку в третьем параграфе, как в прихожей требовательно зазвонил телефон. Я метнулся к аппарату.

— Алло! — послышалось в трубке.

— Саша, вы? — тут же я уточнил.

— Да, да, это я!

— Что там произошло?

— А-а!.. Да это линия что-то закапризничала, а двушек у меня больше не оказалось! — объяснил Корщиков.

— Ясно! — сказал я. — Вы о чем-то хотели со мной поговорить?

— Хотел, — подтвердил Корщиков. — Как бы нам встретиться? — поинтересовался он.

— Ой, вы знаете, Саша, я в ближайшие две-три недели основательно занят, — на ходу соврал я. — Если можно, то лучше по телефону.

— Жаль, — печально протянул Корщиков.

Я нагло обманывал его, без чувства стеснения, а он, верно, это ощущал как-то…

Разве я мог тогда предположить, что больше не буду разговаривать с Корщиковым никогда…

Впрочем…

— Я тут с одним товарищем изготавливаю коврики, своим, так сказать, для энергетической балансировки тела, — пояснил Корщиков, а я уже понимал, куда он клонит. — Коврик специальный, массажный, — говорил он.

— А что он из себя представляет? — спросил я, а сам подумал: "Значит, Иван был прав!.."

— Квадрат из мягкой резины, где-то 30 на 40 сантиметров: с одной стороны его подклеен толстый поролон, а с другой густо (одна к одной) наклеены рядами обычные конторские кнопки.

— Интересно, а как им пользоваться? — продолжал расспрашивать я, анализируя на ходу свои вопросы, их тон.

— Два-три раза в день, от нескольких секунд до нескольких минут; на нем желательно стоять босыми ногами. Это незаменимая среда в комплексе энергетических занятий.

— Послушайте, Саша, можно немного отвлечься и задать вопрос иного плана?

— Конечно, можно.

— Вот в той книге, что я отпечатал, — двадцать две тайны, так сказать, теоретические, но там упоминается, что существуют еще и пятьдесят шесть малых тайн, непосредственно реализационных, минорных по отношению к двадцати двум мажорным, это верно?

— Да, это так… — подтвердил Корщиков.

— И можно рассчитывать, что их тоже удастся заполучить? — вкрадчиво поинтересовался я.

— Будут и пятьдесят шесть, — коротко сказал Корщиков.

— А когда? — настаивал я.

— Будут, будут!

— Интересно, — сказал я, задумавшись.

— Сережа, так вы коврик купите себе? — спросил ненавязчиво Корщиков.

— А сколько он стоит?

— Недорого: пять рублей!

— Вы знаете, Саша, наверное куплю, но сейчас у меня туговато с финансами. Вот разве что недельки через две-три…

— Жаль… — снова печально протянул Корщиков.

Я уже начал раздумывать. Я разрывался между установкой Ивана и заманчивым обещанием Корщикова о пятидесяти шести арканах, а следовательно, коврик лучше было бы купить. Но, все: "Решайся или не решайся сразу!" — вспомнил я, и победила установка учителя.

— Нет. Раньше точно не смогу!

— Что же… — сказал Корщиков. — Если я не уеду за это

время…

— А куда вы собираетесь ехать?..

— Хочу поработать с телом, восстановиться где-нибудь в хорошем лесном крае, годика за два…

— Да, это здорово! — наигранно позавидовал я.

— В общем, Сережа, если надумаете купить, позвоните во Дворец.

— Хорошо, — согласился я.

— До свидания, — сказал Корщиков.

— Всего доброго, — я медленно положил трубку на аппарат.

Наплыв

Чем-то не тем занимаюсь я! Не так живу, не так думаю! Все хочу не так! Думаю остановить свои мысли. Отстраниться от мира, очертить себя…

Хотя бы ненадолго это делать научиться! Хорошо ли врать? Хорошо ли не врать? Как это все мне надоело! Все же расслаблюсь, поплыву не сопротивляясь, но и не растворяясь…

Я отправился вместе с Викой и ее маленькой дочерью в гости к моему давнишнему учителю по звездному искусству, Алексею Алексеевичу Михееву. Михеев редко пребывал дома. В основном его можно было застать в самодельной обсерватории, расположенной возле огромного кладбища на краю города. Туда мы все и направились. Некогда я сам строил телескопы: полировал зеркала, конструировал окуляры, помогал Михееву ремонтировать его обсерваторию: красил ее высокий железный корпус, крепил множество болтиков, сверлил дыры. Господи, как же это все давно было…

Михеев встретил меня с радостью. Разговорились. Он сетовал на свои беды, рассказал историю с ворами-негодяями, что искорежили дверь в обсерваторию, но не проникли внутрь, совсем недавно…

Я внимательно слушал старого человека. Алексею Алексеевичу это нравилось, и он думал, что Вика, — моя жена, а я ничего не объяснял ему…

Было холодно, но безветренно, когда мы поднялись в помещение под куполом, открыли его, и открылось небо. Алексей Алексеевич свое небо знал наизусть…

Власти города определили место для обсерватории у кладбища, но Михеев был рад этому: "Здесь небо чище!" говорил он. Его не любили обладатели всех начальствующих кабинетов, куда он приходил просить, требовать…

Один раз, когда очередная дверь за его спиной полностью не захлопнулась, до него донеслись слова: "Когда же умрет этот

несносный любитель?!" И вскоре Михеев умер…

Я его так уважал…

Я любил убегать к живому Михееву из этого мира. Алексею Алексеевичу так и не удалось вывесить звездный флаг над нашим далеким городом, где давно забыли о небе, но любили рисовать красные звезды, где царило бесцарствие. Но Михеев не огорчался, на его двери в обсерватории значилась надпись: "БЕЗ ДУШИ НЕ ВХОДИТЬ!" Правда, эта надпись изрядно обожжена спичками любопытных, исцарапана прохожими…

Мне пришло письмо от Геннадия Филипповича Жирова, тоже отпетый любитель, в котором написано о смерти Михеева…

Но сейчас Михеев был жив, и он суетился у своих телескопов, налаживал их, корректировал оси, менял, будто патроны, окуляры, заряжал их в металлические трубки…

Вике очень понравилась Луна: ее поверхность в прожилках каналов, в чешуе кратеров, а свет у Луны — дивный, точно свет Вселенского холода и равнодушной печали. У меня таилось чувство какого-то ожидания…

Я уже несколько раз занимался дыханием Астрала, я заботился о разжигании всех цветов радуги…

И теперь я постоянно ощущал некоторое жжение на затылке и теплые струи и волны в позвоночнике. Что-то должно неминуемо очень скоро произойти…

Я торопил события, пребывал в желаниях…

Я видел, как уже горел бикфордов шнур моего терпения и светлячок его огонька, жужжа, будто пчелка, приближался к одинокому бруску динамита, на котором лежал мой букет чувств, завернутый в мысли прежних устоев. Я ожидал взрыва. Оксанка, замечательная девочка! Мне нравилось это маленькое существо в спортивной шапочке и модной крохотной куртке, наверное потому, что оно было частью Вики. Алексей Алексеевич человек тяжеловесный, медлительный, умел долго думать, но основательно работать. На вид крупнолицый, скуластый, краснощекий, широкоплечий, высокий, но мягкий и слабохарактерный. Звезды, еще до нашего прихода под купол, проявились на небе и теперь мерно блистали. "А может, Михеева не стало потому, что я начал уходить в другое? А может, потому, что я стал уходить в другое, — не стало Михеева?.." — думал я.

Вот и семья

— Наташа!.. Я не вижу тебя…

— Я рядом, совсем близко, протяни руку…

— Где?.. Где ты?.. — я ласково ощупывал воздух, но ничего не чувствовал и щурился.

— Вот моя рука, Сережа…

И тут, в своих ладонях, я ощутил мягкую тяжесть прозрачного пространства.

— Господи!.. — воскликнул я, — это твоя рука, Наташа!.. Как я хочу тебя видеть, милая… Не ощущать, а видеть!.. Живую и близкую…

— Я тоже этого хочу, Сережа, — и Наташа заплакала, словно тайком, но всхлипы, теплые всхлипы выдавали ее.

— Не плачь… Зачем же ты меня расстраиваешь… Не плачь, — умолял я и слышал все же всхлипы.

— Боже мой! Сережа!.. — всхлипывала Наташа. — Я ничего не понимаю, и мне опять становится страшно…

— Не бойся, ничего не бойся. Я же рядом, иди, я обниму тебя…

Я стоял, не в состоянии сделать хотя бы полшага навстречу Наташе!

— Что это?! — воскликнул я, обнимая Наташу.

— Это малыш, — прошептала она.

— Малыш… — ласково повторил я.

— Да… — мягко всхлипнув, отозвалась Наташа у моего плеча.

— Но он… — только и сказал я.

— Это девочка, наша девочка, Сережа…

— Это… моя дочь?…

— Да… Она сейчас уютно спит.

— Дай… Я подержу ее…

Мое дыхание прерывалось от счастья: отец… я отец…

Я держал на своих руках, в целом свете, единственного ребенка! Моя душа отливала золотистым блеском радости, и моему сердцу стало очень жарко в груди, оно будто ласкалось к невидимой девочке…

— Как ты ее назвала? — тихо и нежно спросил я. Наташа не отозвалась, и я испугался!.. "Что же я буду делать с невидимой девочкой, она погибнет!.."

— Наташа! — снова громко и взволнованно позвал я.

— Тише, — послышалось рядом, — ты разбудишь малышку.

— Почему ты молчала, Наташа?

— Я еще не назвала нашу девочку.

— Можно назвать ее мне? — шепотом попросил я.

— Мне это будет приятно.

— Так пусть же торжествует все на свете… Я назову ее Сабина, можно?..

— Сабина… — повторила Наташа.

— Ты недовольна? Коль нет — скажи.

— Нет… Напротив. Мое все то, что и твое. Я рада.

— Приблизь ко мне свои губы, Наташа. Я тебя поцелую.

— И я тебя тоже поцелую… Вот мои губы, Сережа…

— Семья моя, родные вы мои, — я обнял Наташу, стараясь не разбудить малышку Сабину, мою доченьку, и я целовал, целовал невидимое, но родное: Господи… Господи… Господи…

Уроки созерцания

Пока мое в движенье тело: могу трусливым быть и смелым, могу один ходить, с толпой, — но только не самим собой! Пока в движенье только я, с последней мысли острия, вспорхнув, — я к образам причислен, — тогда я только вижу мысли! Пока мое в движенье тело — я нахожусь своем без дела!.. Бездвижно тело, — бытия простор! — В движенье только я!..

Карабкаются в гору мысли, — до неба дотянуться б им!.. Порой над пропастью зависнут, а там, внизу — бездонный дым. А там, внизу — простор безумства, без крыльев — смерть… Я так раним. По краю ходят мысли, чувства. Но только б не сорваться им!..

Осторожно — чувства пламенные… Суть надежно — чувства каменные! Их слагают только праведники, воздвигают, будто памятники! Безмятежно, все они вдалеке… Сердцу нежно и душа налегке!

Приму себя за постоянство, опорной точкой бытия, и размышлениям пространства молитвенно придамся я… И то, что было неподвластно, недосягаемо извне: понятно будет мне и ясно. Все под рукою, как во сне…

Весь, беззвучно, предаюсь я пению! Осветляют душу только тьмой. Поклоняюсь только вдохновению: каждый выдох, вдох учитель мой… Чтобы распознать просторы гения, осознавши скованность свою, для души беру уроки пения: душу в целый космос распою!

Невежество я в людях презираю, бесстрастен к проявленьям чувств людских, но я с великой нежностью взираю на их тела, на все одежды их… За что себя мы привязали к телу? — Желания огромно разогрев, которые так часто оголтело, не исполняясь, будят жадный гнев!.. Желания, как стая волчья, — страсти! Мы наслаждаться чувствами хотим!.. Голодного желанья лязг порождено лишь телом, — только им… Такие вот невежества приметы, — желанные телесные тиски! Я в людях презираю только это, бесстрастен к проявленьям чувств людских!.. Но как прекрасны тело и одежды! — Они, как воплощенье Божества! И я на них гляжу бесстрастно, нежно, как на судьбу земного естества…

Ты властительно — терпенье! Топчут пусть тебя они: то ли люди, то ли тени, только ты их не гони! Расстелись в покорстве лести. И от смеха и от слез топчутся они на месте на твоей ладони грез… Не гони их, что убоги! Зря на них не сквернословь… Ведь твоя ладонь им строго ограничила любовь! Ограничила пространство, мысли, долю, суету. И они смакуют пьянство, дружбу, драки, красоту! То ли тени, то ли люди: шаг с ладони, и конец! Чувства, помыслы им судьи; Бог — верховный образец… Столько о земном остроге понаписано всего! Но ничто о Боге, о терпении его…

Я в людей влюбленный нелюдим, я теперь живу совсем один. Вещи, люди — мыслятся вокруг, — словно вечность разомкнула круг!.. Мир, как настроение мое, моего сознанья бытие…

Письмо из Москвы

Здравствуй, Сергей! Привет тебе из нашей столицы!

Ты знаешь, невероятно, как много впитал я в себя за время учебы, а точнее, пребывания в Москве! Сережа, я теперь имею множество друзей. Среди них артисты, поэты, писатели, даже ученые…

Но это все, как говорится, столичные издержки! Шутка, конечно, но, главное, действительно не в этом. О занятиях я и не говорю: они протекают более или менее успешно.

Основное мое известие для тебя в том, что я возникаю по-

новому, совершенно другим человеком, и происходит это благодаря одной удивительной организации, в которую я не так давно вступил! Они — солнечные люди, Сергей. Я сказал бы даже: солнечные зайчики среди многих и многих теней!.. Ну-ка, попробуй отгадать: что это за организация?..

Ты говоришь: "Металлисты"? — Нет! — "Память"? — Нет! "Баптисты"? — Опять — нет! И ты конечно же задумался: "Тогда кто же!" Отвечу: кришнаиты! Да, да! Именно так! Я предчувствую: в недалеком будущем все изменится, все будет по-другому!.. Ладно, не буду предсказывать, лучше опишу, какое это удовольствие являться кришнаитом!.. Понимаешь, Сергей, прежде всего, это самое верное и первое лекарство от сумасшедшего мира нашего…

У меня деревянные четки: бусинки на закольцованной веревочке — 108 штук! Я их перебираю каждый день: кладу одну бусинку на стык — между первой и второй фалангой среднего пальца, туда, где обычно у нас ручка или карандаш располагаются, прижимаю эту бусинку большим пальцем и как бы начинаю немного растирать ее, а в это время я читаю Великую Мантру: Хари Кришна, Хари Кришна, Кришна, Кришна, Хари, Хари, Рама, Хари Рама, Рама, Рама, Хари, Хари. И так все бусинки по очереди по кругу. Итого — шестнадцать кругов в день! Но, только если первый круг начал по часовой стрелке, то следующий обязательно должен читаться наоборот, против часовой стрелки. Это важно, потому что эти 108 бусинок разделяет одна крупная бусинка, она является — символично — самим Кришной, а через него не перескакивают! Мантру можно читать вслух, можно и про себя, но это вначале, а потом все же лучше, да ты и сам почувствуешь необходимость в чтении вслух. Читать можно и на ходу, в троллейбусе, где угодно, а четки прекрасно укладываются в специальный мешочек: его подвешивают на шею, и в нем имеется прорезь для руки, можно четки держать в кармане, это не страшно. В общем, на это занятие я трачу не так уж и много времени, а то ты подумаешь, что я с утра до вечера сижу в молитвах; поверь — всего полтора-два часа в день, не больше. Зато, Сергей! Я испытываю такое наслаждение! Во-первых, многие привязки от мира сего рвутся начисто! Становишься свободным, успокоенным, целенаправленным, сдержанным, отступают гордыня, эгоизм. Во-вторых, приходят сказочные ассоциации, интуиция разветвляется непредсказуемо объемно! А в-третьих, легче видеть в жизни более главное! Мир открывается широко, крупным планом, приходит искренняя доброта и радость! А если читать не по шестнадцать кругов в день, а тридцать два, шестьдесят четыре и более, то… можно выйти на Вселенскую

Первопричину!.. Но это возможно только для Священно-Преданных Кришнаитов. Вообще, конечно, Мантру надо читать двадцать четыре часа в сутки, а шестнадцать кругов — грешный минимум! Список состояний, ощущений и чувств, осмыслений можно продолжать невыразимо долго — не хватит слов во всех земных языках вместе взятых! Так велико получаемое от чтения Великой Мантры…

Ко всему прочему: удивительная вибрация во время чтения Мантры. Сам попробуй прочитать ее несколько раз подряд, и ты услышишь, что будто нежный космический музыкальный инструмент вибрирует в тебе, и вскоре ты сам, все твое тело становится этим вселенским звучанием! Но, продолжу…

Все кришнаиты, конечно, и я теперь, — вегетарианцы! Мы едим очень вкусную пищу, которую готовим сами, но первое блюдо, возвышающееся над всеми, это, конечно же — прасад! Я думаю, что тебе не станет скучно и ты не будешь возражать, если я перескажу тебе рецепт приготовления прасада. Если попробуешь приготовить — уверен, пальчики оближешь! Для этого нужна глубокая кастрюля, в которой, желательно, никогда не приготавливалось мясо. Берешь рис, сколько хочешь, моешь его, перебираешь. Потом растапливаешь в кастрюле сливочное масло на малом огне, высыпаешь туда рис и поджариваешь его до золотистого цвета. А в это время готовишь остальные компоненты прасада: чистишь и режешь картошку на ломтики. Делаешь салат из овощей: шинкуешь капусту, морковь, петрушку, помидоры, ну и другое что, по желанию. Все это перемешиваешь в глубокой посуде. Как только рис стал едва золотистым, тут же добавляешь к нему картошку, периодически помешивая. Если необходимо, добавь масла. Потом закладываешь в эту же кастрюлю приготовленный салат, снова хорошо все перемешиваешь, продолжая поджаривать. Последний этап: посоли все это на глаз; залей прасад водою до уровня компонентов, добавь перца, только красного! Ну, и различные вкусовые приправы для аромата, кроме чеснока и лука! Кастрюлю прикрываешь крышкой и на среднем огне пропариваешь хорошенько ее содержимое, можно время от времени помешивать прасад, но это уже зависит от кастрюли, потому что прасад неплохо готовится в скороварке, без помешивания. Готовность определяй по опыту, и не более того! Как хочешь, но пробовать прасад — нельзя! Ни в коем случае этого делать нельзя, пока он не будет приготовлен окончательно и предложен Кришне. Приготовление прасада требует тщательной чистоты и аккуратности, хорошего настроения, все продукты во время очистки, резки, шинковки тоже пробовать нельзя! У тебя должна быть на голове косынка, чтобы волосы не

сыпались — это важно…

Первым должен вкусить твой прасад — Кришна. Делается это так: положи из кастрюли одну-две ложки на тарелку или в какую иную посуду, но из которой никто не ел, и мысленно предложи Кришне, можешь пропеть или проговорить нараспев девять раз Мантру, которую я тебе написал. Только тогда можно есть прасад всем желающим. Но есть его необходимо до конца в своей тарелке: нельзя оставлять прасад для отходов! Да, чуть не забыл: те две ложки прасада, предложенного Кришне, тоже можно есть — они наиболее ценные! Разложи их по маленькому кусочку по всем тарелкам желающих, прасад нельзя выбрасывать в отходы! Я тебе скажу, что у нас, например, есть один человек, весьма образованный, известный, фамилию не называю, так вот он, когда мы собираемся у кого-нибудь на квартире есть прасад и читать Мантру, просто пообщаться, доедает прасад со всех тарелок, если где-то кто-то, в основном из новеньких, не рассчитал свои силы и положил прасада больше, чем сможет осилить! Вообще прасад надо предлагать всем друзьям, товарищам, родственникам, соседям, даже незнакомым, по случаю, — это первое, благое дело!.. Кроме прасада у нас масса и других великолепных вегетарианских восточных блюд, но прасад — это основное блюдо и его готовить и есть надо обязательно! В разумном сочетании с чтением шестнадцати кругов в день прасад незаменим на пути просветления Преданного! «Преданным» именуется каждый кришнаит…

У нас есть и священные книги, их много, но на русский язык пока переведены Источник Вечного Наслаждения (жизнь бога Кришны), Бхагавадгита — как она есть (из Вед), Книжка Иддийского мышления, и то все это в основном у нас имеется, к сожалению, пока в ксероксах. Есть среди нас и большие авторитеты — это Оля и Слава! Прекрасные люди, глубоко преданные. Если хочешь, я тебя с ними познакомлю, когда приедешь в Москву. А в самом деле: когда же ты приедешь? Уж не женился ли ты там? Да и на письмо мне, на последнее, не ответил, Сергей! Не отмалчивайся! Может, что случилось? Пиши мне и обязательно приезжай в гости, — я столько интересного тебе расскажу и покажу! Сходим на занятия в Литинститут, если хочешь, сам убедишься, как мы там обучаемся. Слушай, есть предложение: в …..месяце, …..цатого, будет открытие памятника Сергию Радонежскому в селе Радонеж. Вот и приезжай, прогуляемся, пообщаемся, вырвемся из городского лабиринта улиц на поднебесные просторы, так сказать! А?.. Ты согласен?.. Обязательно напиши мне и обязательно приезжай! Всего в письме не опишешь…

Жду! До свидания!

Твой друг Юра Божив.

Письмо в Москву

Здравствуй, Юра! Привет из Р…

Только что прочел твое письмо, проснулся утром и прочел. Правда, я его получил еще вечером, но у меня вчера был весьма трудный день, и я сунул твою дорогую мне весточку к себе под подушку, не распечатывая. Извини… Юра! Ты напрасно думаешь, что я отнесусь настороженно к твоему увлечению кришнаизмом. Во-первых, удивительно, но факт! Мы с тобою параллельно друг другу идем к одной цели! Во-вторых, у меня для тебя тоже есть сюрприз!

Но прежде вот что: я только что звонил одному своему товарищу и он согласился поехать вместе со мной на открытие памятника, так что через месяц жди в гости — нагрянем! Я не женат. Впрочем… Подробности при встрече, но я сейчас очень счастлив, Юра!.. Не буду многословным, а то ты, я чувствую, сидишь уже, как на иголках, в ожидании обещанного сюрприза! Понимаешь, я тут недавно приобщился, так сказать, к одному уникальному труду, мне кажется, что тебе будет небезынтересно хотя бы чуть-чуть с ним познакомиться. Вот сейчас заворожу тебя, а потом ты целый месяц в томлении проведешь, уверен! Высылаю тебе из первой части этого труда небольшой отрывок моего конспекта.

О Воле и Вере

Вера — это направленность нашей души, которая стремится как бы закольцеваться, ограничиться лишь собою едино, будто в круг, отвергая при этом, не воспринимая иные любые утвержденности в целом свете! Вера имеет и свое Высшее развитие — экстаз — это полный отход от мира, отстраненность от опыта, чувств, какой бы то ни было авторитетности, отход от своего «я». Тогда мы полностью канем в бездонье души и ее сокровенности и возникнем в осознании восторга — "азь есмь". Непостижимо высоко и непередаваемо это состояние духа человеческого! Он становится абсолютным. И такой дух — это все. Он не имеет жажды, неверия, устремления и других состояний, мешающих ему торжествовать. Веру можно воспитать. Но самое интересное то (здесь я еще не разобрался до конца), что возникновение веры возможно (и, или — лишь, не знаю!) — при воздействии внешней среды, которая посылает тебе страшные, иной раз и кровавые испытания, позывные, дабы произвести тот единственный, необходимый толчок на путь просветления и торжества духа! Вера — это бодрость души и качество ее самосознания.

Воля — это направленность нашей души, способной рассмотреть в самой себе, посредством разрозненных своих потенций, которые находились, как возможности, самою себя. Воля, она как и вера, имеет Высшее свое проявление — экстаз это уход в проявленный мир, отрицание пассивности, ее разноцветности протекания, утверждения только своего «Я». Мы целиком уходим в последующее развитие проявленного мира, где выявляется элемент созерцания: великолепие форм, обманчивость красоты их, и мы всем этим упиваемся, существуем в это время вне себя, сливаемся с феноменальными проявлениями, срастаемся с ними, существуем их существованием, а обратную сторону сути нашей мы направляем опытом, в свою основу и фундаментируем в неприкосновенность свое «Я». Иными словами, мы низвергаем себя и осуществляем!

Творчество! Таким великолепно и противоречиво, оно и происходит: мы осознаем свое несравненное величие и тут же ниспадаем до своей мизерности и незначительности. Но это может понять только тот, кто сам испытал магию творчества. И Воля и Вера едино принадлежат "чистому духу", связаны в одно целое по происхождению. Воля — это утверждение Веры вовне, а Вера, наоборот, — утверждение Воли внутри себя! Волю невозможно произвести без Веры, а Вера сопровождает всегда сам акт воли! "Короче говоря, — прочь сомнения, и вперед!" — это от меня.

Ну вот и написана крохотная частица моего сюрприза…

Итак, жди в гости!

Твой друг Сергей Истина.

До свидания, Юра!

До свидания — в Москве!

Первый выход из тела

— Стой! — крикнул покойник.

— Я никуда… Саша! Я никуда не пойду! — испуганно сказал я и с невероятным трудом повернул прочь, но ноги!..

Мои ноги, будто ватные и тяжелые!

— Нет! Ты пойдешь со мной, — заорал, сотрясаясь от гнева, покойник.

— Уйди прочь! — оскалился я.

— Идем! — злобно и торжествующе прошипел Саша, потянулся ко мне, и схватил холодной рукою меня за руку, и сжал ее крепко, и начал тащить меня. Его пальцы, словно когти, впивались в мою кожу. Я метался взглядом по сторонам: какой-то двор, клочки двора, и в нем — два низеньких деревянных дома, прилепленных друг к другу: один синий, а другой зеленый. Боже

мой, это же его двор! Саша в нем жил до смерти! Вот на этом месте стоял в тот день его гроб. Я вырывался изо всех сил и неуклонно продолжал пятиться к калитке: "Может, удастся выскочить на улицу!.." — думал я.

— Нет… Нет! — сопротивлялся я, но покойник был силен. — Прочь, нечистая сила, прочь! — орал я растерянно.

— Идем! — продолжал настаивать Саша. — Я уведу тебя в лучший мир! — И он впивался мне в глаза безжалостно ледяным взглядом и снова тащил меня за похолодевшую руку за собою. Как из трясины, с огромным трудом, я вырвал свою руку. Я поднес ее, обессиленно дрожащую, ко лбу своему и все же перекрестился! Я преодолевал сопротивление Саши, который, в буквальном смысле, повис на моей руке, пытался оторвать ее от лба, живота моего, одного плеча, другого! А я, в остывающих усилиях, продолжал невероятное притяжение своей руки к себе и молился, хотя рука пыталась вытянуться куда-то вперед и утащить меня. Я молился, шатаясь от напряжения, и читал громко вслух молитву Господнюю… и она помогла мне. И тогда я стал открывать глаза, просыпаться от этих ужасов, а когда совсем пришел в себя, то застал себя лежащим на диване, усердно крестящимся отяжелевшей и похолодевшей рукою, будто Саша продолжал еще незримо виснуть на ней, больно уцепившись за нее, и я действительно ощущал присутствие покойника и его мертвую хватку!..

Ото лба к животу, от живота к плечу одному, к плечу другому: ото лба к животу, от плеча к плечу, ото лба к животу, от плеча к плечу… Крестился я усердно. Все рассеялось и угасло… Я окончательно проснулся, но была еще ночь: я лежал в клейком страхе и боялся пошевелиться, ибо мне все казалось, что покойник где-то здесь: вынырнет снова из ночного мрака моей крохотной комнаты и злобно повиснет у меня на руке!..

Будто он притаился и ждет, когда я закрою глаза… "Отчего он так на меня зол?.. — раздумывал я, продолжая лежать в оцепенении на диване. — В какой лучший мир он меня тащил?! Все… Больше я не пойду к нему на могилу — никогда! Дьявол какой-то!..

Господи!.. Избавь меня от лукавого! Прости, если в чем согрешил, и помоги, и укрепи!.." Впрочем… Надо самому себя укрепить!..

Что это я, совсем раскис и ошалел от страха!

Я тут же встал с дивана, подошел к окну, отдернул тяжелую штору. Но узорчатые снежные занавески на стеклах отдернуть нельзя было: из-за них не видно улицы… Я приоткрыл форточку, достал сигарету из ячейки отопительной батареи под

подоконником, я там сушил целую пачку, и закурил; ночной зимний холод облил мне лицо, плечи, грудь, он стекал по ногам, и теперь я будто стоял в незримой, ледяной луже по щиколотку. Дым от сигареты уползал из комнаты в черную отщелину неба над моей головой. "Обычный сон… — думал я. — Это обычный сон… Но когда же… Когда же я смогу выйти из тела!.." Я выбросил окурок в форточку и закрыл ее, задернул штору, прошел через комнату, и лег на диван, и укутался теплым одеялом. Я не уловил момент, когда уснул снова!..

Утром, в семь часов, меня разбудил будильник.

В девять я собирался посетить отделение милиции; документы, требуемые от меня следователем Васильевым, теперь лежали приготовленные во внутреннем кармане моей куртки. Чтобы ничего не забыть поутру, я позаботился об этом еще с вечера, но нынче у меня появился иной план. Я решил не направляться сразу же к следователю, а прежде заглянуть с этими документами на прием к начальнику отделения милиции, некоему Липкину, именно эта фамилия значилась у меня в качестве подписи на моей недавней повестке, я помнил. Ровно в десять я уже был в отделении милиции у двери начальника, и уверенно постучал в его дверь, и незамедлительно приоткрыл ее внутрь.

— Можно? — поинтересовался я, но тут же получил ответ:

— Ждите…

Я закрыл дверь. "Знакомый голос у этого начальника!.. подумал я. — Откуда же я помню его?.." — Это озадачило меня и я стоял и раздумывал, — что делать дальше?..

— Молодой человек! Вы по какому вопросу? — спросила как-то настороженно меня девушка, выглядывая в проем стеклянной перегородки.

— Мне по личному вопросу к Липкину!

— Липкин сегодня не принимает. Приемный день у него был вчера! — скоренько сообщила девушка.

— Но я же не могу прийти вчера, мне надо сегодня! отшутился я.

— Приходите в следующую среду: с двух до пяти и начальник примет вас, — тут же подсказала девушка.

— Ну что ж! — сказал я. — Тогда мне остается идти в кэгэбэ.

— У вас что-то серьезное?.. — забеспокоилась девушка, потянулась хрупкой рукою к телефонному аппарату и подняла, продолжая озадаченно глядеть на меня, трубку, и поднесла ее к уху, все так же, не отрывая от меня глаз. — Да, да! У меня серьезное! — настойчиво и решительно подтвердил я.

А девушка уже откликнулась на голос, возникший в

телефонной трубке:

— Это я, Лена, — ласково, будто подлизываясь к трубке, сказала она. — Тут молодой человек пришел… Знаете?.. Да… Но… Он по очень важному делу, говорит!.. Собирается идти в кэгэбэ, если вы его не примете сегодня!.. — И она обратилась ко мне: — Начальник спрашивает, как ваша фамилия?..

— Истина, Сергей Александрович, — подсказал я.

— Алло! — снова заговорила в трубку девушка. — Его зовут Сергей Александрович Истина… Нет, нет… Это у него фамилия такая… Истина… Ага!.. Сейчас спрошу!..

— Вы у какого следователя? — осведомилась девушка у меня.

— У Васильева, — бодро ответил я.

— Он у Васильева, — сообщила девушка в трубку. — Ага!.. Хорошо!.. Приглашу!.. Есть!.. Девушка положила трубку и предложила мне подождать немного. Сама же вызвала по селектору Васильева из его кабинета и тот, минут через пять, недоверчиво глянув на меня, прошмыгнул в кабинет начальника отделения милиции, бегло поздоровавшись со мною на ходу. А еще минут через пять девушка за стеклянной перегородкой вежливо предложила мне пройти в кабинет Липкина. Я сразу же вошел. Липкин что-то рассматривал в толстой черной папке, Васильев стоял справа у стола своего начальника и переминался с ноги на ногу, скрестив руки за спиной.

— Разрешите? — напористо, но негромко произнес я.

Липкин поднял взгляд от стола и осмотрел меня с ног до головы. Я тоже оглядел начальника. "Боже мой!.." — воскликнул я про себя от неожиданности. Липкин улыбнулся мне, неприятно оскалившись при этом, словно передразнил меня. "Вот это да!.." — рассердился я. А Липкин почесал о рукав свой ноздристый нос, и на рукаве осталась влажная полоска. Мне стало противно, и я перевел свой взгляд на Васильева.

— Я требую официального объяснения, — заговорил я с убедительными акцентами, — на каком основании меня незаконно преследует ваше отделение милиции?

После этих слов я подошел к столу Липкина с левой стороны и остановился как раз напротив «своего» следователя, а следователь по-прежнему продолжал угрюмо помалкивать и беспокойно переминаться с ноги на ногу.

— Сергей Александрович, — начал Липкин.

— Да! — сказал озлобленно я.

— Видите ли… мы не все можем говорить… существуют… профессиональные, в некотором роде рабочие тайны… Ну… снова противно оскалился Липкин. — Вы же образованный человек, — сказал он. — И должны понимать это!.. "Да уж!..

раздумывал я. — Я-то все понимаю, дорогой Остап Моисеевич! Начальник отделения милиции! Вот и в штыки мы с тобой!.. Интересно, ты делаешь вид или действительно не узнаешь меня?! Может, взять и сказать тебе прямо сейчас, напрямик, что мне все известно, что ты, Остап Моисеевич, связан с Зоей Карловной, библиотекарем, общаешься с нечистой силой, Купсиком, а меня преследуешь, мешаешь мне, — запугиваешь, закрываешь мне дорогу к лучшему!.. Хотя… Нет!.. Ты, Остап Моисеевич, от меня именно этого заявления только и ждешь!.. Ловко задумано!.. Но меня теперь не проведешь просто так, ловкачи!.. Представляю себе: как только я тебе все это выложу, так ты сразу же меня и отправишь в психиатрическую… Нет уж!.. То, что я подслушал телефонный разговор Зои Карловны и твой с Купсиком, — я не докажу, а этого тебе и надо!.. Так вот почему дверь в кабинет у меня была приоткрыта, когда Зоя Карловна разговаривала, чтобы мне слышно было! И ты вел переговоры с Купсиком, опять же, чтобы я слышал!.. С ума меня хотите свести, списать, мешаю вам!.. Как же! Еще бы!.. Тьма всегда устрашает свет!.. В темной комнате даже зажженная спичка — опасность, ее тут же обступают страшные чудища теней!.. Нет уж!.. Я не настолько глуп, чтобы поддаться на твою дьявольскую авантюру, Остап Моисеевич!.. Но насторожить я тебя все-таки сейчас насторожу!.. Ты правильно заметил, Остап Моисеевич, — я образованный человек!.."

— Да, ваше отделение милиции, — заговорил я, — несет свою службу исправно!

— Стараемся! — отметил Остап Моисеевич.

— Конечно стараетесь, — подтвердил я. — Еще бы!.. Если и вы лично, начальник отделения милиции, бдительно, в свое свободное время продолжаете работать, извините, сыщиком, даже у Долланского…

— Позвольте! — будто припоминая, воскликнул Липкин, и от волнения облизал свои припухшие губы, как и там, в спортзале у Долланского. — Вы тоже ходите заниматься?! — спросил он. "Ну… Отродье!.. И притворяться же умеет!.." — подумал я.

— Да, — торжествующе подтвердил я слова Остапа Моисеевича.

— Так… — сказал он, обращаясь ко мне, — вы принесли положенные документы? — Видимо, он продолжал вынуждать меня прийти в ярость, в раздражение. Он думал, что я сорвусь, и он все же, разведя руками в непонимании, наберет телефонным диском задуманные 03.

— Вот они, — ответил я, полез в карман и вытащил бумаги.

— Хорошо! — недовольно подытожил Липкин. — Идите

сейчас, пожалуйста, с Васильевым, — и он бросил короткий, ножевой взгляд на молчаливого следователя и снова обратился ко мне и добавил, — и сдайте эти документы ему.

Васильев усиленно посмотрел мне в глаза, будто завуч на провинившегося ученика в присутствии директора школы.

— И все же, — настойчиво сказал я, — я недоволен вашими действиями и считаю их противозаконными!..

— Скоро, очень скоро все, что вы задумали, — сбудется! — сказал Липкин.

— Не понял… — озадаченно возмутился я, — что сбудется?

— Читайте последние постановления партии и правительства, — то ли съязвил, то ли неумело пошутил Остап Моисеевич. "Ну, это уже слишком, — подумал я. — Какая тупая наглость!.. При чем тут партия, постановления и правительство?! Абсурд или очередная уловка? В дураках меня хочет выставить!"

— А вы сегодня будете у Долланского? — неожиданно даже для самого себя спросил я. Остап Моисеевич помолчал… Васильев тем временем уже вышел из кабинета. Я оказался один на один с Липкиным.

— Советую вам не уходить отсюда в таком настроении, будто о чем-то предупредил меня Липкин и состроил дружелюбную физиономию.

— А что может случиться? — поинтересовался я.

— Всякое может произойти, — ответил Остап Моисеевич и добавил: — Птицы — великолепное зрелище, не правда ли?

— Да… — вслушиваясь и анализируя, произнес я.

— Всегда хорошо, что в меру хорошо! — сказал Остап Моисеевич.

— Не понял? — насторожился я.

— Дело в том, что если птицы очень большие, то они могут и заклевать насмерть! — заключил Липкин.

— Это предупреждение? — спросил я.

— Это размышления вслух, — ответил Остап Моисеевич и снова гадко улыбнулся. Я вышел из кабинета. Поднялся к Васильеву, отдал ему документы и молчаливо покинул мрачное здание законности. На улице, сразу же напротив отделения милиции, находилась бочка с пивом на колесах. Возле нее стоял Остап Моисеевич. Он залпом сдул одуванчик пены со своей кружки и начал пить прозрачно-коричневый настой из нее, искоса провожая меня брезгливым взглядом. Я свернул за угол…

Прямо в автобусе я решил проехать свою остановку, выйти на конечной и направиться в церковь! Так я и сделал. Метрах в ста от храма за мной увязался какой-то цыганенок лет девяти-двенадцати на вид. Я шел очень быстро, а он перебирал ножками

по ледяному асфальту, поскальзывался, но семенил рядом со мною и приставал:

— Дядь! Дядя!

— Отстань, — говорил я.

— Дядь! Дай двадцать копеек! — не унимался мальчуган.

Наконец я остановился, оценил своего просителя: растерзанные ботинки вместо шнурков завязаны веревкой, а там, где должны быть шнурки — торчат клочки снега; пальто нараспашку, в бахроме, а глаза — озорные и липучие! Я сунул ему в замурзанную ладонь двадцать копеек.

— Держи, — сказал я и пошел дальше.

Но мой преследователь вовсе и не подумал от меня отставать. Он снова побежал рядом.

— Дядя! Дядя! — опять повторял он.

Я продолжал идти быстро и молчал.

— Дядь! Дядя! Рвусь — Русь! Россия — Рос и я — Россия! Сэр — Эсер — СССР!.. Я остановился. Меня удивил этот необычный способ зарабатывать деньги.

— А как же будет "Мистика"? — спросил я и покосился в улыбке на цыганенка.

— Мистка? — опешенно переспросил он.

— Нет же, — заулыбался я и повторил по слогам, мис-ти-ка. Мальчуган задумался.

— Да… — сказал я, — не знаешь!.. И я, признаться, тоже не знаю. — И я зашагал было прочь, как цыганенок окликнул меня:

— Дядь! Дядя!

Я замедлил шаги и, продолжая медленно уходить от мальчугана, обернулся в его сторону.

— Миссия — Мис и Я — Мистика! — проорал мальчуган обрадованно, помахал мне рукой и увязался за другим прохожим. "Да… Ты прав, парень… — подумал я, — Наташа и Я, Мис и я… Мистика!.. Это близко…" Я ступил на паперть городского храма. Десятки больших и малых колоколов ловко и медно зазвонили. Священник во всем черном угрюмо подергивал веревочки вразнобой. Вся прохожая зала церкви была пронизана музыкой перезвона. Мягко и трепетно отозвалась душа… Я плавал в золотистом аромате храма среди свечечных огоньков и беззвучно молил Господа услышать меня: "Господи, — говорил я, даже не шевеля губами, — опереди меня в негодных решениях моих и прегради путь к ним! Да созреет сердце мое, и пусть оно даст росток радости! Господи! Останови неуемную волю мою и обступи меня верой Божественной!.." Я не заметил, как уже плыл по улицам среди расступавшихся прохожих, говорливых и оборачивающихся мне вслед: я чувствовал это… И так, беззвучно,

я проплавал весь день… Дома я оказался один.

Мне стало тоскливо. Негодование, вначале бесформенное, а потом осознанное и направленное, просыпалось, росло и крепло. "Бога нет!.. — вспоминались слова, — но есть что-то вроде него!.." Негодование перерастало в ненависть и, наконец, я уже яростно метался по комнате от окна к дивану. Я озлобленно отрицал все! Я ненавидел все! Зажимая свое тело в кулак, я был готов ударить себя о стену, сбросить с пятого этажа, размозжить об пол! Я орал про себя на себя и на все на свете! Потом я достал бутылку вина и отпил его…

Вскоре моя сокрушительная жажда притупилась. Я бросил свое тело на диван, и оно обмякло, теперь уже в сладком блаженстве. Еще с утра между лопаток на позвоночнике я ощущал необычное будто кто-то незримый придавил свинцовым пальцем один из позвонков моих или этот позвонок налился свинцовой тяжестью. А иногда этот позвонок обозначался роем шипучих мурашек или его словно кто-то щекотал… Я еще не заснул, но уже как бы контурно осознавал себя в преддверии сна. Тем не менее я все осознавал. Я чувствовал, что позвонок начал наливаться свинцом все сильнее и сильнее. Затем, неожиданно, свинцовый сгусток начал передвигаться вверх по позвоночному столбу. Вдруг свинцовый сгусток остановился на затылке… Он тяжелел и тяжелел, мне казалось, что он провалится в череп! И тут, интуитивно, я помог ему: мысленно я передвинул его дальше, выше, по черепу к макушке. Здесь он опять остановился… Я не знал, что будет сейчас, но вдруг ясно почувствовал, как еще один сгусток мурашек зашевелился у меня в копчике! Я ожидал, что же будет дальше. Сгусток мурашек начал расти, будто напористый фонтанчик, и подниматься по позвоночнику к макушке. Наконец, его напор стал невыносимо сильным. Мощный фонтан мурашек напирал на свинцовый сгусток, засевший на макушке. И вот этот свинцовый сгусток, будто пробка из-под шампанского, выстрелил из макушки и улетел куда-то вперед меня, растворился, а освободившийся фонтан мурашек вырвался на свободу и хлестал над моей головой: я ощущал его струи и брызги! Но самое неожиданное случилось дальше: вдруг все мое тело начало выдвигаться куда-то вперед! Оно выдвигалось из моего же тела, лежащего на диване. Я чувствовал себя в теле, но мое земное тело, будто мумия, оставалось позади меня! Потом какая-то бездна, полная невесомость, ощущение полета в абсолютно черной бездонности. Теперь все отчетливо прояснилось: я осознавал и ощущал, что выдвинулся из своего земного тела, где-то приблизительно по пояс, и я висел далеко за диваном, пространство комнаты я тоже понимал и мог, мысленно,

ориентироваться в нем. Правда, пошевелиться никак не мог. Очень хотелось сглотнуть слюну, это мне мешало, я пытался это сделать, но не получалось, а горло мое клокотало, и я его чувствовал на уровне живота своего другого тела, и я уже начинал понимать, что это тело — астральное! Все же мне удалось с невероятными усилиями проглотить слюну, промочить окаменевшее горло земного тела, и тут же я снова ощутил себя в своем прежнем человеческом состоянии. Астральное тело исчезло, точно его и не было!

Два звонка и встреча

Больше ни на одном из занятий у Долланского Остап Моисеевич не присутствовал, больше меня никто не тревожил повестками из отделения милиции, даже все люди вокруг меня стали какими-то обыденными и невзрачными… Я продолжал встречаться с Викой. Она все приближалась ко мне, а я испытывал неловкость, холодность, но вида не подавал! И там, где не хватало мелодики моих, где-то оборвавшихся, чувств, я доигрывал сам, по памяти… Моя мама весьма глубоко и основательно ушла в свою докторскую диссертацию. Страшно полюбила тематические командировки по стране. Часто ее не бывало дома по неделям. Теперь я все больше и больше ощущал одиночество. Мой первый выход в Астрал вспоминался мне, будто сон, и бывало, что я и не верил в этот выход! Я считал его нереальным, но и возражал на это каждый раз: ведь память, память астрального тела жила во мне, как откровение. Учителю я еще не рассказывал об этом выходе. Я не то чтобы не решался, а, скорее, берег впечатления астрального тела, осознавал его молчаливое существование. Мне казалось, а это потом и подтвердилось, что новое хорошо осваивается в два, в три приема. Напористость без передышки путь в открытую, голую гору, а этапность — ступени в этой горе. С голой горы легко скатиться, а на любой из ступеней можно свободно и основательно передохнуть. Так я постигал тайну преодоления препятствий и продвижения. Новое всегда лучше как бы забывать, а потом опять вернуться к нему, и происходит удивительное: новое становится хорошо освоенным старым! А все потому, что оно успело прийти в равновесие с прошлым опытом, можно сказать — улеглось… И мое астральное тело тоже улеглось теперь во мне, и я был твердо уверен, что не так уж и далеко то время, когда память астрального тела, мой скромный астральный опыт, понадобится мне для совершенства. Однако требовались консультации. Я боялся натворить чего-нибудь неисправимого, и потому сегодня решил, что обязательно позвоню Ивану. Эта тишина, которая сформировалась вокруг меня в последнее время,

честно сказать — нравилась мне. Нравилась своим спокойствием и беззаботностью человеческих отношений. Но вскоре мне предстояло разочароваться в своем блаженстве, ибо, как я потом буду понимать, тишина, или затишье в жизни, это первый признак, что ты на неправильном пути! Это значит, что ты не мешаешь, что ты — серенький, неопасный, тепленький! Что ты не зажигаешь спичек, не включаешь ночник души своей и не обнажаешь тем самым шевелящийся мрак чудовищных теней! Постольку поскольку я занимался литературой, у меня и среда общения вычерчивалась своеобразная. Однако в последние полгода я абсолютно перестал ходить на какие-либо литературные скопища нашего города. Только иногда меня навещал мой старый приятель, прозаик и поэт, — Павел Мечетов. Ему нравились эти занудливые, графоманские объединения и он приносил оттуда вести суетливой простоты. Сегодня как раз был день одной из таких наших литературных аудиенций. Обычно мы встречались у меня дома: перетасовывали книги на моих книжных полках в поисках ответов на причудливые вопросы, возникающие у нас. В этот раз мы встретились у меня в кинотеатре: сидели, пили чай, слушали тихую музыку, спорили по обыкновению, размышляли, обменивались чтением своих литературных опытов…

— Ты прав, конечно, Сергей, — рассуждал Паша. — Любовь, как говорил Бэкон, лучше отстранять, отличать от главных дел, основных в жизни занятий. — Паша всегда начинал с того, что соглашался со мной, а потом… — Да, - продолжал он, любовь должна дополнять, а не доминировать!.. Но!..

Может ли любовь быть наполовину?.. Можно ли на какое-то расстояние отодвинуть свои чувства в сторону, а потом, по желанию, возвратить их обратно?.. Не кажется ли тебе, что чувства либо есть, либо их нет, а поскольку и любовь тоже чувство, то, значит, она тоже: либо существует, либо нет! По-моему, невозможно любовь где-то оставлять, забывать на какое-то время или отбрасывать ее; как бы не пришлось потом потратить времени больше на ее поиски или возвращение, нежели выиграть свободы от нее на сотворение больших дел? А? Как ты думаешь?

— Я полагаю, что ты прав, Паша, но прав — однобоко, искривленно как-то, — сказал я.

— Почему же? — возразил Паша.

— А вот почему: любовь — это состояние, ты согласен? спросил я, ибо памятовал о том, что в разговоре с Мечетовым всегда необходимо иметь представление о его платформе, иначе можно было уйти в такие дебри, что и не отыщешь друг друга.

— Да, — согласился Мечетов, — любовь — это состояние, но

состояние, сформированное из чувств, из комплекса чувств!

— Хорошо, — сказал я, — идем дальше… Зачем же смотреть на любовь так спектрально, я сказал бы — не по-литературному, Паша! Ведь, смотри: к чему же свою любовь привязывать, определять навек среду ее обитания!? Она ведь и так выродиться может, или привести к сумасшествию, или ограничить!..

Такая любовь — горе и невзгоды! Пожалуй, при такой любви из постели-то не выберешься, и от ее губ не оторвешься, молчать будешь, и дальше ее груди — ничего не увидишь! Мне кажется, Бэкон прав: надо научиться отодвигать любовь, а я уточнил бы по-своему! Любовь надо уметь переносить с объекта на объект.

— Ну, это оправдание для разврата, — возмутился Мечетов.

— Послушай, Паша: мы сейчас не будем с тобою, если ты не возражаешь, углубляться в подобные, я считаю, мелкие переносы любви. Это, я тебе скажу, кому как вздумается — заниматься развратом или еще чем… Давай-ка остановимся поближе к Бэкону! Согласен?

— Ну, давай! — согласился Мечетов.

— Бэкон имел в виду, — продолжал я, — отстранение любви от главных дел, а главное дело для человека, по большому счету, это все-таки путь к истине, не правда ли?

— Согласен, — сказал Мечетов.

— Так вот, — уверенно заговорил я дальше. — Я и определяю, что надо научить свою любовь переносить от конкретного, любимого человека и превращать эту любовь в устремленность к истине. Любовь — это энергия устремленности, ее очарование!

— Ну, хорошо! — вмешался Мечетов. — Ты отвел свою любовь от любимого человека, а он, этот человек — раз, и все, его нет, ушел, предположим, и навсегда!

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, Паша, — сказал я — И сейчас постараюсь тебе объяснить, почему я так думаю… Да, конечно же, я согласен, что если любимого человека, словно куклу, отвергать и привлекать по своему желанию, то это мало к чему хорошему приведет… Но здесь необходим бумеранговый такт! Запустил бумеранг, а пока он возвращается, мало того, что он успеет сделать что-то важное — поразить необходимую цель, ты, ко всему прочему, имеешь полное ощущение, что этот бумеранг принадлежит лишь тебе, и он обязательно вернется, и ты даже знаешь когда, и все это радует тебя, но у тебя есть свободное от него время и восторг встречи — впереди!.. Ты меня понимаешь, Паша?

— Начинаю понимать, но как это будет выглядеть на практике, так сказать, в жизни?! Говорить-то хорошо и легко! У

меня вон трое детей, и куда их и жену забумерангивать, и как?! — спросил Мечетов и, тяжело вздохнув, добавил, — писать не дают. Мы немного помолчали. Я посматривал на Пашу, а он на меня. Паша на два года был моложе меня, но, действительно, чудотворец, не иначе, — уже имел троих детей! Выглядел он измученно, но был подвижен в жестах и мимике… Сам невысокого роста, но широкоплечий. Вечно в старых одеждах, еще бы, зарплата у него сто рублей, — охранник на заводе: работа сутки на трое, "один к трем" — как любил шутить он. Глаза у Паши голубые, лицо острое, а лоб размашистый и высокий. Паша по-ляк по деду. Раздался телефонный звонок. Я извинился перед Мечетовым и поднял трубку.

— Алло… — услышал я тихий голос Ани. "С чего бы это вдруг она позвонила?.." — подумал я.

— Алло — отозвался я. — Здравствуй, Аня!

— Здравствуй, Сережа… — медленно проговорила она, что не было похоже на ее тон общения, и я немного насторожился.

— Давненько мы с тобою не разговаривали, — сказал я игриво.

— Сережа… — будто позвала меня Аня на том конце провода, и я отмахнул от себя шутливый тон.

— Мне надо с тобою встретиться, — сказала Аня. — Ты сегодня сможешь часов в шесть в том кафе, где мы с тобой как-то сидели прошлым летом, помнишь?

— Это возле автострады? — припомнил я.

— Да, — подтвердила Аня.

— Ну это же летнее кафе, насколько я помню! — возразил я.

— Там, рядом, его зимний зал, — все так же тихо, даже, как мне показалось, печально сказала Аня. — Ты сможешь прийти? — медленно проговаривая слова, спросила она.

— Хорошо! — согласился я вопреки всем наставлениям Ивана. — Я буду там в шесть, — сказал я, даже не успев пожалеть об этом. — А что случилось? — крикнул я, будто вдогонку, потому что мой вопрос повис в телефонном проводе, по которому уже звучали отрывистые сигналы: Аня положила трубку… Я тоже положил трубку на аппарат.

— Слушай, зачем ты ходишь в литобъединение? — спросил я Пашу, чтобы поскорее приглушить чувственную остроту и привязанность к отзвучавшему телефонному звонку.

— Я же тебе уже говорил: я хожу туда, чтобы заряжаться! Меня берет злость от того, как они погано пишут, эти его члены, и я начинаю работать, как бы отталкиваясь от них! — объяснял Мечетов.

— Что ж, может, ты и прав… — подчеркнул я.

Тревога от телефонного звонка улеглась. Предстоящий вечер в моих мыслях перевесил весь день. Я точно знал, по крайней мере, не было повода сомневаться в этом знании, что мне встреча с Аней худого принести ничего не могла, и поэтому на сердце у меня все-таки лежало относительное, но спокойствие. Но зато теперь я прямо начинал чуть ли не физически ощущать, как время дня потекло быстрее, оно ускорялось на глазах. Я давно уже сделал вывод: хочешь быстрее жить — поставь себе какую-нибудь цель и достигай ее. Хочешь жить долго — живи бесцельно! Только цель должна быть не ожидаема тобою, а достигаема! "Значит, я очень хочу этой встречи, — подумал я, — ибо не почувствовал бы я тогда устремление времени".

— Как пишется тебе? — спросил Мечетов, прервав мои размышления.

— Да как пишется… Пишется как пишется!.. По-разному… Когда как, — сказал я.

— Прочти что-нибудь, — попросил Мечетов.

Я полез в свой дипломат, лежавший на столе поодаль, достал оттуда свой походный блокнот в коричневом кожаном переплете, полистал немного его, остановился на одной из страничек.

— Вот, совсем коротенькое, — сказал я.

— Как называется? — спросил Мечетов.

— "Молитва", — ответил я и принялся читать:

Да поможет мне Господь
Выжить в этом мире!
Пусть здоровой будет плоть
И душа пошире!
Пусть не буду в нищете,
В гневе и простуде!
Пусть не буду в суете,
Но вокруг чтоб — люди!..

— Хорошо… — похвалил меня Мечетов, — что-нибудь еще прочти, — попросил он. И я прочел:

Я иду разведанной дорогою,
Подвожу я первый свой итог:
Может, за небесными порогами
Одинок на свете я и Бог!..

Наступило молчание…

— Сергей, — наконец, проговорил Паша, — зачем ты пишешь о Боге?

— Мне это становится все ближе, — ответил я.

— Не пиши о Боге, — попросил Паша.

— Почему? — возразил я.

— Ты знаешь, — сказал Паша, — у меня был один друг, очень

близкий друг. Он погиб. Такой хороший был: прямо божественный человек. Все его хвалили, не могли нарадоваться ему!

— Ну и что? — спросил я. — К чему ты об этом заговорил?

— К тому, что я никогда не буду, пока живу здесь, на этой земле, стремиться к Богу!..

— Это почему же? — удивился я.

— Потому, что я чувствую: существует какая-то необъяснимая, неведомая нам, простым смертным людям, тайна, которая все контролирует, это как грань какая-то! Переступи ее — и ты уже не жилец на Земле! И ты уже уходишь в какое-то другое измерение…

— В божественное, — подсказал я.

— Да, наверное, туда… А я хочу жить на Земле, здесь, на Земле, понимаешь меня? — разгорячившись, спросил Мечетов. — У меня трое детей, — я почувствовал, что Паша беспокоится и обо мне тоже, в страхе потерять меня, и мне стало тепло и приятно от этого.

— Понимаю, — сказал я, — ты имеешь в виду, что хороший человек Богу нужен и он забирает его себе, а плохой человек ни Богу, ни дьяволу не нужен!.. Так, что ли?

— Да, я об этом подумал, — подтвердил Мечетов.

— Не знаю, не знаю, — сказал я. — Но ведь к Богу, только к нему и надо идти! Это же и есть истина!

— Да, это истина, но лучше быть на Земле! — сказал Мечетов.

— Не знаю, что лучше, но я буду стремиться к Богу, сказал я, и Паша задумался.

— Ты пойми, что это же путь совершенства, — исподволь подтолкнул я его размышления. Мы немного помолчали, а потому снова разговаривали и пили чай на фоне тихой музыки. Паша тоже почитал мне свои новые стихи и переделанную главу из повести, а чуть позже Мечетов уехал домой. Когда я проводил Пашу и вернулся в кинотеатр, в малом фойе бушевала мужиковатая контролерша:

— Ишь ты! Наглый! — выкрикивала она. — Я щас милицию вызову! — И, заметив меня, поспешила ко мне навстречу.

— Сергей Александрович! — выкрикнула контролерша мне навстречу.

А причиной ее гнева оказался прорыв в кинозал без билета одного из местных лоботрясов. Мне пришлось провести с ним профилактическую беседу у себя в кабинете, и беседа эта затянулась минут на тридцать. Потом лоботряс ушел. А меня ожидала уйма неотложных дел.

Сначала я помог перебрать пыльные книги в библиотеке и перестрясти их; Екатерина тоже помогала. Потом я сам с помощью молотка и отвертки отремонтировал в двери большого фойе сломанный врезной замок: тот безбилетный лоботряс изрядно согнул его щеколду; сходил на завод и договорился о побелке потолка и покраске пола в библиотеке, хотя это должна была быть их забота, заводская, ибо библиотека принадлежала им. Все это время, пока я метался по этажам кинотеатра и что-то утрясал и потрясал по привычке, меня не покидали две мысли: встреча с Аней и необходимость разговора с учителем. В конце концов я сильно устал и где-то уже около половины пятого, отмахнувшись от всего на свете, пошел и заперся в своем кабинете изнутри, на ключ. Я набрал телефон Ивана, не обращая внимания, что в кабинет, будто нарочно или по какому другому умыслу, время от времени кто-то да стучался. По телефону я подробно поведал учителю о своем первом выходе, об ощущении астрального тела.

— Все хорошо! — подытожил Иван. — Литературу по мистике читать прекращай, она тебе уже не нужна. Теперь набирай астральный опыт, свой, неповторимый!..

И учитель преподал мне прямо по телефону целевую установку на предмет моей дальнейшей работы над собой:

— Теперь всегда старайся отделять важное от второстепенного, и делай это при любых обстоятельствах, даже во сне! Не вступай в спор, если он ведется предметно, а не идейно. Уклоняйся от бездуховных обществ, проходи мимо них. Не позволяй себя унижать, не допускай страха и сомнений. Важное это цель, второстепенное — средства. Цель — манит тебя, увлекает, но не иди напролом, во что бы то ни стало, пробуй различные варианты пути, обязательно попадешь на свой, если же в одном месте будешь прорываться — потратишься понапрасну и даже можешь погибнуть, помни об этом!..

Цель должна быть только одной — совершенство, а путь посвящения — есть средства! Первая, конечная цель Космическое сознание, овладевай им, входи в него, объемли его, оно только твое!..

И ты в нем в ответе за все!.. Умей вовремя переключаться с Воли на Веру, с воздействия на созерцание, с подачи на восприятие — это залог твоего физического и духовного здоровья, островок безопасности на трассах и тропинках Космического Сознания!..

Учись плакать, когда смеется твоя душа, и смеяться, когда она плачет. Ощущай все время упругость вокруг себя, свою легкость и твердость на земле. Все твои движения должен

предварять незримый, радостный вихрь! Никому и ничему на свете — не давай себя подавлять. иди на толпу смело, не обращая внимания на ее состояние! Либо будь безразличным к объекту твоего подавления, либо уйди от него в сторону, укройся с отрешенным спокойствием, либо погаси его словом или действием. Если что-то наметил, постарайся не изменить этому решению: хотя бы ради спора с самим собою, хотя бы и абсурдно, но выполни его. Обязательно делай каждый день физзарядку для ума и тела. Для тела определи необходимый минимум упражнений и выполняй его. Здесь очень важно учесть, не забыть обо всех органах и функциях, — их пределы — это твоя мощь, поддерживай их на высоте солнечного восторга… Для ума: тренируй память только временную, длительная память порождает привязки. Предпочти обращаться к справочникам и записным книжкам, к профанам с энциклопедическими знаниями, чем к своей длительной памяти!..

Умей переключаться с объекта на объект совершенно безболезненно: рассматривая теперешнее, не помни о прошлом, если оно не находится в логической цепи данности твоего внимания… Логику любви, помни о ее существовании, но возносись над ней духом своим!..

При знакомстве с новым не старайся запоминать его длину, ширину, высоту в цифрах — все только в образах! Для тебя важно не имя человека, а что есть его суть и образ! Лучше запомни его голос, чем фамилию!..

Замечай и полюби все прекрасное. Ограничивай себя от мира, по мере возможности, конечно, но лучше всегда произведениями искусства. Если на улице взгляд негде остановить, то лучше смотри на траву, дерево, облако, закрой глаза или уйди с этого места!..

Но не гнушайся по своей воле или по воле других, если ты это предпочел для себя мерзким, отвратительным. Спокойно, например, рассматривай труп собаки, кошки, человека и др. Дыши спокойно, без отвращения, если таковы обстоятельства, испорченным воздухом, даже можешь и наслаждаться им, анализировать его состав, но не отрицай его! Освободись от условностей, от веры в приметы, от религий, от святостей!..

Постарайся не принимать на себя обязанностей, а если и случится выполнять таковые, то выполняй их с прилежанием знатока и стороннего наблюдателя, скрупулезно, энергично, но холодно, хотя с виду и радостно!..

Никому, ничего и никогда не запрещай, ибо то, что ты запретил кому-то, каким-нибудь образом непременно скажется на тебе отрицательно или на чем-либо важном для тебя, здесь даже

возможна и прямая связь: то, что ты запретил, сам же и выполнишь от и до, сотворишь, так сказать, ощутишь!..

И еще: не менее двух часов в день гуляй пешком и молчи… или же размышляй в полушепоте, чтобы прохожие не видели и не слышали, или же делай оное про себя!..

Радость и горе — всегда сдерживай, если хочется бежать, прыгать, петь, плясать от восторга, или обратное от горя, — ни в коем случае этого не делай: тратишь энергию понапрасну!..

Помни, что все вокруг тебя — результат твоего настроения, ты породил окружающее!..

Полюби всех женщин на свете. Они несут энергию тебе, но смотреть на них надо мельком, ненароком, как бы улавливать ноги, груди, улыбки, взгляды… И все это копи, копи в себе и переводи мысленно в энергию радости жизни, порождай вихрь устремленности!..

Но ни в коем случае не увлекайся, не привязывайся к женщинам, особенно к прохожей женщине, не приставай взглядом или мыслями своими, не становись рабом образного, астрального разврата!.. Ибо тогда ты теряешь, а не приобретаешь энергию свою, а копить, компенсировать ее потом будет дважды тяжелее. По возможности, живи один, пока не будет достаточно астрального опыта, и, если для этого необходимо покинуть социум, на время, — покинь его — не колеблясь!..

Не имей авторитетов и ничему и никому не поклоняйся, но при этом не создавай в себе культ гордыни!..

Мне ты покоряешься — только как учителю, и не более! Когда-то ученик обязательно должен перестать являться таковым перед образом учителя, а учитель — уходит в отставку. еще несколько, так сказать, практических советов: упражняйся по астральному видению. А именно, ежедневно, кроме энергетических упражнений, — совершай как бы мысленные путешествия, но до мелочей рассматривай все возникающие образы при этом и заканчивай подобное занятие, к примеру, "по звонку будильника", как это советует Г.О.М. Учись созерцать, рассматривать свое тело и его внутренности, видеть их энергетическую сущность, и так же поступай и с другими, тебя окружающими людьми. Проходишь мимо здания: залезь внутрь и попутешествуй; проезжает машина, сядь в нее мысленно и образно прокатись; попереворачивайся на постели, поделай всевозможные физические упражнения, и так далее… Мысленно, но все так же пристально рассматривай какие-нибудь предметы, а потом сравнивай их с настоящими. или же рассматривай настоящие предметы, изучай их углубленно, а потом повтори мысленно… Воображай предметы, несуществующие в природе, и

рассматривай их так же до мелочей и подробностей… Переключайся с воображемых одних предметов на другие быстро и свободно, но сосредоточенно! Если будешь это свободно выполнять при отягчающих обстоятельствах, условиях (шумы и прочее), тем ценнее результат!..

И как дополнение: никому и ничему, никогда и нигде — не приклеивай ярлыков собственного мнения, — это искажение мира, чреватое ударами по тебе!..

А твое затишье сейчас — это западня. Жди и верь моему опыту, скоро все откроется!..

— Как это? — заволновался я.

— Могут начать окручивать, настраивать, расстраивать. В худшем случае: скажем — удар ногой в живот, и все кончено!..

— Что, так серьезно?! — сполошился я.

— Да. Могут и убить! Главное, не расстраивайся, не раздражайся, не позволяй себя вывести из себя!.. Да! И еще: помни, что в Астрале могут заблокировать тебе обратный ход в тело физическое. Пока ты в Астрале, с ним сохраняется слабая, чисто символическая связь, поэтому не проявляй агрессивности или настойчивость в Астрале, — это чревато потерей энергии, ориентировки, и, в конечном результате, не исключено блоком!..

И вообще запомни, что если захочешь подраться — тебе предоставят такую возможность, чтобы вовлечь. Захочешь отомстить — тоже предоставят ситуацию и ею приманят. И прочее!..

Я решился и рассказал Ивану о ведьмах, отделении милиции, Остапе Моисеевиче, Купсике, пропавшем магнитофоне.

— Ну вот, сам начинаешь убеждаться, — сказал учитель, они не дремлют, а значит, что сейчас уже готовят тебе сюрпризы. Будь бдителен и осторожен, не поддавайся на их провокации! На этом урок учителя закончился…

Уже было пять часов, когда я оделся, вышел из кабинета в малое фойе. Я собрался ехать на встречу с Аней в кафе. Я заметил, как, скрываясь в углу, стоял неподалеку от приоткрытых дверей в большом фойе Кирилыч и подслушивал разговор кассира с контролером. Мне было неинтересно, о чем там говорят, и вообще, ситуация показалась противной, и я нарочно громко кашлянул: Кирилыча передернуло, и киномеханик поспешил на цыпочках взбежать на второй этаж к себе в кинопроекционную. Контролерша, услышав мой кашель, выглянула в малое фойе.

— Уже уходите, Сергей Александрович?! — крикнула она как мужик каким-то сухим голосом.

— Да. Уже сил нет. Устал! — отозвался я, замыкая кабинет.

— Вот, я говорю, гадина какая! — выругалась контролерша.

— Это вы насчет того лоботряса? — уточнил я.

— Да. Вот такие же гады и магнитофон сперли. А вам и отвечать, и волноваться, Сергей Александрович… — последнюю фразу о моем волнении и ответственности контролерша проговорила с ехидством в голосе.

— До свидания! — сказал я.

— До свидания, Сергей Александрович, до свидания… поспешила ответить контролерша и широко улыбнулась: зубов у нее почти не было, но торчало впереди под губами несколько гнилых пеньков. Улыбка точно испачкала ее лицо. Я уехал из кинотеатра…

С неба на землю медленно оседал удивительно белый снег. Я прошагал от остановки троллейбуса до кафе сквозь тяжелые, крупные хлопья снега. Аня уже сидела за столиком, несмотря на то, что было еще без пятнадцати шесть. Зимний зал выглядел хорошо: уютно и просторно, — людей почти не было. Возле Ани, на столике, дымилась чашечка густого черного кофе, наполовину отпитая. Я подошел и присел рядом со своей таинственной знакомой.

— Я пришел, — сказал я.

— Спасибо, — медленно проговорила Аня.

— Ты что-то хочешь мне сообщить? — осторожно, чтобы не обидеть, спросил я, ибо почувствовал недоброе: никогда Аня не встречалась со мною в подобном состоянии.

— Да, — сдавленно выдавила из себя Аня. — Корщиков… умер.

Мы помолчали… Мое сердце больно шевельнулось: раз, другой…

— Как это случилось? — спросил я.

— Его тело нашли в Крыму, на берегу горной речки. Сидел мертвый возле кустарника и улыбался… Эксперты говорят: искупался, сел и умер от разрыва сердца… Его труп просидел с улыбкой целый месяц. Мы снова помолчали… Мне стало не по себе. Корщиков и мне был где-то близким человеком.

— Ты думаешь… он… ушел? — тихо спросил я, будто боялся разбудить Аню, вывести из печали. Я не хотел мешать ей прислушиваться к грусти…

— Ушел… — сказал Аня, и по ее щеке скатилась слеза.

Часть шестая. АСТРАЛ

Москва

Имя Наташи теплилось у меня на душе каждый день. Вика

продолжала оставаться рядом со мною. Ее сопровождали чувства, а меня привычка и удовольствие…

Она приближалась ко мне, будто к горизонту. Тянулась и верила в меня, шла навстречу, а я всегда был под рукой, но вдали, и я понимал, что Вика когда-то устанет и больше не сможет идти, а я больше не смогу удаляться: мы остановимся друг против друга на недосягаемом расстоянии, и если Вика отвернется от меня или угаснет навсегда, я перестану быть горизонтом и встречусь с Наташей, я обязательно с нею встречусь тогда!..

И пусть имеют в виду все холостяки на свете, что их одиночество, их несчастье — быть половинкою, из-за того, что где-то, кто-то их видит горизонтом…

И пока холостяки нужны тем, идущим к горизонтам, они, холостяки, останутся лишь горизонтами, и не сблизиться им ни с кем и никогда!..

О беспощадные люди, оставленные без взаимной любви, перестаньте стремиться к своей любви, забудьте о ней, отрекитесь от нее, ведь она повязана вами, ведь она, ваша любовь, ваш любимый, но отринувший вас человек — весь свой недолгий век на земле проживет горизонтом, из-за вас!..

Горизонт, хотя и пребывает в широте и просторе, но все же остается одиноким, остается горизонтом, недосягаемым, остается холостяком. Пожалейте горизонт! Отпустите его, не идите к нему, отвернитесь от него!..

Я знал одного человека, который покончил с собой, чтобы его любимый перестал быть горизонтом…

Но разве могла меня оставить теперь Вика? Она уже чувствовала себя моею женой. Господи, как же тяжело быть горизонтом любви…

Но в этом виноват лишь я, я сам! Милая, добрая Вика…

Я становлюсь жестоким, но поверь, это необходимо! Я ожесточаюсь, я, точнее, холодею ко всему на свете, даже к своему телу, и могу решиться на многое: теперь. Прости меня, Вика. Но я вынужден тебя убить.

Пришло время поездки в Москву. И вот, проехав на троллейбусе, пролетев на самолете, промчавшись на экспрессе и встретившись в условленном месте в столице с моим другом поэтом, я, Вика и друг-поэт Юра Божив сели в одну из подмосковных электричек. Мы, как и договаривались в письмах, направлялись в село Радонеж, на родину Сергия Радонежского по случаю открытия его памятника. До отправления электропоезда оставалось минут пять, когда голос диктора объявил по вагонной радиосети: "Уважаемые товарищи! Внимание! Открытие

памятника Сергию Радонежскому в селе Радонеж сегодня не состоится. По решению исполкома его открытие переносится. День открытия будет сообщен дополнительно средствами массовой информации!.." Это объявление прозвучало еще раз.

Вика расстроилась. Еще бы! Целый месяц готовиться к этой поездке, прожужжать мне уши о том, как это хорошо, что люди к Вере возвращаются, и вдруг — переносится! Религиозность Вики становилась эмоциональной, потому что только истинно верующий позволит себе поехать за тысячу с лишним километров на святой обряд. А тем более, что открытие памятника святому вообще никогда еще не происходило в истории христианства. Такое должно состояться было впервые…

Мы не вышли из электрички после объявления и несколько остановок просидели молча, посматривая то друг на друга, то в окно. Вика обладала женским магнетизмом, будто вокруг нее образовался какой-то провал пространства, который так и тянуло заполнить. Конечно, не все мужчины одарены способностью болеть женщиной! Это как страх высоты: он не у каждого человека! Только те, кому он знаком, поймут, что такое болеть женщиной, обладающей магнетизмом…

Да и болезнь ли это — страх высоты?! когда смотришь вниз и тебе хочется прыгнуть, это вовсе не потому, что тебе страшно и ты желаешь поскорее ощутить землю, нет! Напротив, это тебя увлекает высота, она заставляет лететь, но ты не можешь, у тебя нет крыльев, и тогда в могучем сопротивлении себе ты делаешь либо шаг назад, либо жмуришься или за что-нибудь крепко хватаешься, и так, — удерживаешь свою нестерпимую страсть. Вика сидела у окна, я рядом с ней, Юра — напротив нас. Мы все втроем мерно покачивались под стук колес, а мне вспоминалось, как Юра сегодня знакомился с Викой: он поцеловал ей руку…

Вика обладала магнетизмом! Да и сейчас Юрины глаза светились добродушно будто они смотрели на цветочную поляну, но и «жульничали» тоже, схватывая образ Вики, отворачивались с ним к окну. И когда образ девушки таял в них, эти глаза снова обращались ко мне и будто просили у меня разрешения посмотреть на Вику…

Я не сомневался, что Юре Вика приглянулась, но у меня уже не было того тесного чувства в груди, какое испытывал я, стоя вечером на открытом морозе во дворе у Долланского. Потому что внутренне я уже был готов убить Вику. Я знал, что это произойдет в любой момент, как вспышка, и все погаснет…

Да, Юра заболевал страхом высоты и этот страх вызывал в нем я. И мне захотелось приблизиться к нему, как земля, и не дать разбиться ему, либо уйти, чтобы он смог лететь…

У меня даже появилась мысль: просто, ничего не говоря, встать и выйти на первой попавшейся остановке из электрички, но я одолел себя одним всполохом памяти: Вика была моей! Она прилегла мне на плечо и нежно улыбнулась Юре.

Я не знал, что со мной творится! Но понимал, что от всего этого надо отказываться, что все это мои нелепые привязки к моим же мыслям! Но как? Как суметь, как поступить мне?

— Ребята, ради Бога — не обижайтесь! — неожиданно сказал Юра. По неловким движениям его рук, которые он потирал, рассматривал, всовывал в карманы куртки и снова потирал, было видно, что он испытывает чувство вины за нашу неблизкую поездку, оказавшуюся теперь напрасной.

— Ничего страшного, — успокаивал я его, — подумаешь, великое дело, просто прокатимся! Погуляем, правда? — обратился я к Вике и слегка притиснул ее к себе за плечо.

— Конечно! Ну когда мы еще сможем выбраться, чтобы пройтись пешком по Подмосковью! — подтвердила мое настроение Вика, хотя я заметил, что сказал она это с тяжелым удовольствием. Ее сердце было готово на праздник…

За одну остановку до Абрамцева, на которой мы собирались выйти, в электричку село множество людей. Вагон оживился, наполнился дыханием и суетой. Все вошедшие люди взволнованно переговаривались, хотя, судя по всему, не были из одной, перезнакомленной компании, но что-то объединяло их, и мы стали прислушиваться к тому, о чем они говорят. И как же мы были удивлены тому, что памятник Сергию Радонежскому, еще при вывозе его из Москвы — «арестован» и что этот памятник сопровождал некий Облаухов, и он тоже арестован! И что скульптор памятника Сергию Радонежскому, Клыков, как и весь народ, ожидавший открытия, очень расстроен тем, что даже фундамент под памятник был срочно вырыт этой ночью по решению исполкома и вывезен в неизвестном направлении! И еще мы узнали совершенно невероятное: все дороги к селу Радонеж — перекрыты милицейскими караулами, и что в селе Радонеж сейчас идет антисоветский митинг! Туда никого не пускают, но есть шанс! Надо выйти в Абрамцеве, прошагать километров двадцать: только так можно пробраться в село Радонеж, минуя заслоны…

И мы, Вика, Юра и я, тут же решили во что бы то ни стало, но проникнуть на окраину села Радонеж, к собору, где должно было состояться открытие памятника святому, но не состоялось. Проникнуть, хотя бы ради солидарности с теми, кто сегодня там против этой несправедливости. С собою у меня была кинокамера, и я предвкушал хорошие кадры!

Когда мы подъезжали к Абрамцеву, то действительно увидели милицейский пост, он стоял в полный рост возле ступенек, ведущих с платформы к автобусным остановкам. Около молоденьких ребят в милицейской форме возвышался огромный деревянный щит, напоминавший страшные кадры оккупации из кинохроники. На нем размашисто, крупными буквами было написано: "Автобусная линия до села Радонеж сегодня не работает — ремонт дороги. Открытие памятника переносится!" Милиция подозрительно осматривала каждого прохожего и с недоверием сопроводила и нас своими бесцеремонными взглядами, когда мы спускались по ступенькам.

Шоссейная дорога и в самом деле оказалась перекопанной. Яма была совсем свежей. И мы пошли пешком, другой дорогой, через все Абрамцево.

Но из Абрамцева, как оказалось — не выпускали никого!

Тогда мы снова вернулись в центр поселка. И тут нам повезло! Две молоденькие девочки из абрамцевского художественного училища — знали дорогу. И мы ринулись за ними, как за проводниками!

Шли очень быстро: по пригоркам и оврагам, спотыкаясь об окоченевшие земляные кочки, путаясь ногами в рытвинах с переплетенными корнями. Снега было мало, он изрядно подтаял от недавней оттепели. Наша тропа извивалась вдоль какого-то, казалось, бесконечного забора из колючей проволоки, а за этим забором располагался бесконечный охраняемый объект. Забор тянулся возле русла узенькой, замерзшей речки. Изредка за ним не так далеко от нас возвышались среди голых веток деревьев деревянные часовые вышки. А иногда нам приходилось перелезать забор, чтобы преодолеть наиболее трудные участки пути, где тропа, видимо, подмытая весенними половодьями, отвалилась от забора в речку.

По льду идти мы не решались, и тогда страх пружинил в ногах, хотелось побыстрее перелезть обратно, к речке: так и казалось, что сейчас раздастся автоматная очередь! Но я сдерживал себя и даже специально притормаживал свой ход и начинал громче разговаривать, на что Вика отвечала явно с волнением, и тогда вспоминал, что не я один преодолеваю страх: страх часовых вышек и колючей проволоки…

Теперь мы шли по жилистой тропе в густо ветвистом лесу. Деревья и кустарники, опустошенные осенью и обветренные зимой, казалось, рады были встрече с человеком, и каждая веточка, зависавшая над тропою, будто тянулась навстречу, чтобы прикоснуться к нам.

Впереди шагали юные художницы. Они, крупные, спортивно

сложенные, вырвались намного вперед. Я увлекся их напористым порывом к цели и тоже вышагивал нога в ногу сразу же за ними. Я и не заметил, как Вика и Юра отстали от нас и опомнился от забытья только тогда, когда меня где-то издалека, позади, окликнул протяжно приглушенный голос Вики:

— Се-ре-жа! — жалобно позвала Вика.

Я остановился…

Юные художницы скрылись за поворотом и погнались за тропою дальше, а я, отмахиваясь от паривших неподвижно перед моим лицом ветвей, зашагал обратно. Я разыскивал глазами Вику.

Вдруг сердце у меня неожиданно екнуло. Я почувствовал, что Вика там не одна, — с Юрой!..

Через несколько секунд Юра и Вика показались вместе…

Юра нес Вику на руках. Нес мою нежность, и она обвивала его шею мягкими руками. У Вики что-то случилось с ногой! Она оступилась в одной из ветвистых рытвин. Мы усадили девушку на широкий пенек.

Я ласкал и уговаривал ее не беспокоиться.

Юра же, имея диплом медучилища, быстренько стащил с поврежденной ноги сапог, определил небольшой вывих и резко выправил его. Вика вскрикнула.

— Ну, вот и все, малышка, — сказал он и, стоя на коленях перед нею, посмотрел в глаза девушки: выразительно и покорно.

— Пусть Сережа не обижается, — сказала Вика.

И она нагнулась к Юре и мягко поцеловала его щеку.

— Поцелуй моему спасителю, — сказала она…

Вскоре мы оказались на автостраде в километре от окраины села Радонеж. Движения по шоссе почти не было, а многочисленные толпы людей шли туда и обратно, будто прогуливались по Садово-Кудринскому тротуару, но хмурые и говорливые. Изрядно уставшие, мы приближались по этой дороге к селу.

Я на ходу вынул кинокамеру и, приблизив с помощью трансфокатора место людского волнения, отснял несколько метров кинопленки.

В конце шоссе, не доезжая до пригорка, на котором располагался небольшой собор, притормаживали и уже вытянулись метров на сто вереницей автобусы, видимо, их пригоняли из Москвы.

На пригорке расхаживали милиционеры не ниже капитана, а также, сразу узнаваемые по пристальности взгляда и озабоченности в лицах, агенты в штатском. Людей было много. Они собирались кучками и разговаривали.

Митинг уже с час как закончился, мы не успели на него, но зато мы стали бродить от одной кучки к другой, и кое-какие обрывки митинга дошли и до нас. Эхо митинга теперь угасало, вновь подходящие дослушивали его как и мы.

Оказывается, памятник «арестован» по причине того, что он выполнен не из того материала, из которого принято законом изготавливать и устанавливать памятник в стране. Якобы его открытие не было согласовано с властями и что его открытие организовало общество «Память», и что даже духовенство Всея Руси не поддержало этого мероприятия, и что открытие памятника обязательно состоится, но позже, по изготовлению такого же, но из другого материала.

На месте вчерашнего бетонного основания для памятника мы увидели возвышающуюся в полтора человеческих роста груду всевозможных цветов, и вся эта махина из цветов была уставлена свечками, которые горели красными лучиками.

Казалось, что откуда-то с неба, будто из рая, сюда, на землю, рухнула огромная цветочная люстра и угасал ее божественный свет. С другой стороны пригорка, там, внизу, возле рощицы, я увидел группу захвата: человек двести, в специальных комбинезонах, со щитами, в касках, с дубинками в руках.

Люди наперекор всему начали веселиться, танцевать, петь, читать стихи. Милиционеры активно призывали в рупоры всех расходиться. Они вежливо зазывали в автобусы, на которых гарантировался бесплатный проезд до ближайшей станции электрички.

Я снова нажал спуск кинокамеры и отснял все происходящее вокруг.

По моему плечу кто-то похлопал, я повернул голову назад: капитан милиции, представший во всем своем величии, ростом выше меня на голову, тихо сказал:

— Ваши документы, — и мне стало ясно, что он обратился ко мне, а не к кому-то другому, хотя сказал он эту фразу совершенно не глядя мне в глаза, а так, исподволь, чтобы никто не обратил внимания.

Я полез во внутренний карман куртки, достал свой паспорт и подал его капитану, а тот взял документ и так же тихо проговорил:

— Прошу следовать за мной.

— За что? — спросил я. Вика и Юра в это время находились в стороне, возле одной из гудящих людских кучек и увлеченно слушали перекрестные разговоры, и я не решился позвать их, дабы не ввязать в эту ситуацию тоже.

— Пройдемте со мною, — непоколебимо подтвердил капитан

мою участь и махнул рукой вдаль. От железного частокола, невысокого заборчика, что окружал весь храм вокруг, отделились два здоровенных человека в штатском и направились к нам.

Я понял, что обстановка осложняется, и тут же повиновался, и покорно пошел в сопровождении капитана навстречу этим парням и тому, что меня ожидало.

Меня завели за храм. Здесь стояла огромная машина радиостанция на колесах, как я понял, когда оказался внутри ее. Капитан предложил мне сесть, переписал данные моего паспорта карандашом на какой-то листок бумаги.

— Ну, давай, — сказал он.

— Что? — недоумевая, спросил я.

— Засвечивай пленку.

Ничего не говоря, я вскрыл крышку кассетного отделения кинокамеры, вытащил кассету, размотал всю кинопленку и подал пустую кассету и скомканный пучок кинопленки капитану. Он взял это у меня из рук и, морщась, как от заразы, выбросил в корзину для мусора, стоявшую тут же, возле железного стола, за которым он сидел.

— Вы сюда специально приехали? — спросил он.

Я понял, что говорить правду ему нельзя, ибо я вырвался с работы всего на два дня, тайком, незаконно, никто из начальства моего об этом не знал!

Теперь надо было выкручиваться и рассчитывать на судьбу. В любом случае я попытался, а что будет, то и будет!

— Нет, — сказал я.

— Как попали сюда? — поинтересовался капитан.

— Я в гостях у друга в Москве, а об открытии памятника узнал случайно, на вокзале… — И… меня отпустили, а я даже не испугался своего зловещего пребывания, но когда вышел из машины и сделал несколько шагов от нее, то вслед себя я услышал:

— Иногда птицы могут и клевать!

Я обернулся и увидел, как мой капитан скрылся в машине, захлопнул дверь. "Может, мне и послышалось!" — подумал я.

Все это произошло настолько быстро, что Вика и Юра даже и не заметили моего отсутствия. Я подошел к ним, но промолчал о случившемся.

Побродив по пригорку еще с полчаса и вдоволь наслушавшись всевозможных разговоров, которые смутно жужжали в моем сознании, мы спустились вниз к автобусам.

Люди наотрез отказывались ехать в них и наперекор услужливым приглашениям направлялись в сторону станции пешком.

У Вики побаливала нога, и потому мы вынуждены были направиться в готовившийся к отправлению автобус. Автобус уже дернулся на месте, и нам пришлось немного пробежаться.

Но тут произошло неожиданное!

Только я и Юра посадили Вику в автобус, как двери его со скрежетом захлопнулись, и автобус тронулся, и поехал, и стал набирать скорость. Я и Юра бежали за ним метров двести, Вика металась по автобусу, но он не останавливался, видимо, такова была установка властей.

В надежде на то, что Вика будет ожидать нас на станции, мы бегло зашагали вслед удаляющемуся автобусу. По пути мы с Юрой обменивались короткими фразами, на длинные не хватало дыхания, надо было спешить! Я видел, как Юра волновался: он постоянно оглядывался назад в надежде, что следующий транспорт догонит нас и все-таки подхватит, подвезет до станции…

Я же в абсолютном спокойствии перебирал ногами, как во сне, и хорошо, что мы стремительно шли, ибо одышка вполне походила на взволнованность и озабоченность о случившемся, и, таким образом, я мог скрывать от своего друга мои чувства.

— Послушай! — обронил Юра на ходу. Он размашисто шагал, раскачивая в такт широкими плечами.

— Что? — тут же отреагировал я на обращение друга.

— Вика тебе кто?

— В смысле? — спросил я, будто не понимал, в чем дело.

— Я имею в виду, — Юра сглотнул воздух, — невеста?

— Не знаю…

— Не понял… — удивился Юра. — А кто же знает?

— Я шучу, — сказал я.

Мы свернули на обочину и пропустили прошумевшую крутыми шинами "Волгу".

— Так все же? — настаивал Юра на продвижении разговора.

— Соседка! — определил я.

Юра замолчал… и уже проплыло справа от нас три-четыре телеграфных столба, как друг снова обратился ко мне.

— А Вика… — задохнулся он от быстрого шага, — сказала, что вы… поженитесь!..

— Нет! — отрезал я.

— Ты опять шутишь? — заволновался Юра и в который раз оглянулся назад в надежде на попутный транспорт.

— Я серьезно! — подтвердил я.

— Поругались? — поинтересовался Юра, перешагнув большой, угловатый камень на обочине, о который едва не споткнулся я.

— Нет! — сказал я.

— Разлюбил?

— Нет! — снова ответил я отрицательно.

— Ну, хватит… Сереж…

Я промолчал, но тоже оглянулся назад и продолжал идти, и думал: "Сколько же слов людьми было обронено на этой дороге!.. И многие слова теперь дремлют под асфальтом автострады…

Наверное где-то здесь же можно прислушаться и услышать незримо зависшие на века слова Сергия Радонежского, а сейчас сквозь них проезжают автобусы, проносятся «Волги», шагаем сейчас и мы!.."

— Ну, так что? — опять спросил меня Юра.

— Это… Долго объяснять! — сказал я.

— Ясно… А мне Вика понравилась, — застенчиво признался Юра. — Я женился бы… Не раздумывая! — сказал он.

— Ну и женись!.. В чем же дело?! — определил я.

— А что… Женился бы! — подзадорил себя Юра.

— Она хорошая, — сказал я и опять обернулся назад: метрах в ста нас догонял, свирепо рыча, автобус. Мы остановились и стали усердно махать, сигнализируя руками шоферу. Через минуту мы уже сидели в полупустом салоне автобуса и мчались в сторону станции.

— Откуда ты узнал об открытии памятника? поинтересовался я у Юры.

— В литинституте, ребята подсказали, — ответил он.

— Ты что, и в «Памяти» состоишь?

— Нет, но в группе у нас есть люди оттуда.

Мы помолчали и проехали с полкилометра.

— Откуда этот отрывок? — спросил Юра.

— Какой? — не понял я.

— Тот, в твоем письме, — уточнил Юра.

— А-а, — вспомнил я. — Приедем в Москву, расскажу…

Вику Юра заметил первым: она стояла на обочине шоссе. Мы разразились криками на весь автобус так, что ошеломили всех пассажиров! Шофер остановил машину…

Снова мы были все вместе: Юра, Вика и я. Вика очень радовалась! Она хотела меня поцеловать, но я, глянув на погрустневшего Юру, игриво увернулся от поцелуя. Вика рассказала, что она долго протестовала в салоне того, увезшего ее, автобуса, и в конце концов надоела шоферу, и он высадил ее на полдороге…

Теперь, уже не спеша, мы пошли к ближайшей станции электрички, пошли напрямик, через редкий лесок. Юра шел впереди метрах в десяти по тропе, вымощенной деревянными

досками, выложенной, видимо, жителями неподалеку расположенного поселка. По всему было видно, что Юра старался не мешать мне разговаривать с Викой. Он, вероятно, еще надеялся на то, что я пошутил, и все-таки примечал я, как он нет-нет, да прислушивается к нам.

— Смотри! — театрально воскликнул я для Вики, так, чтобы и Юра услышал. Он обернулся и глянул на нас.

— Смотри внимательно на деревья! — предложил я все так же громко Вике.

— А что? — насторожилась Вика, озираясь вокруг.

— Ты видишь — это все женщины! И мужчины! А не деревья!

— С чего ты взял?! — удивилась она.

— Смотри, смотри, внимательнее! Деревья с одним-единственным стволом — это мужчины, а деревья, стволы у которых ветвятся на двое, трое, — это женщины, они все закопаны головою в землю, по пояс! Видишь: и две ноги у этих деревьев-женщин, и кривые полоски — между ног!.. Что же эти полоски напоминают, — разыгрывал я ситуацию. — Сейчас вспомню! Минуточку!..

— Вот дурак! — весело крикнула на меня Вика и пихнула меня в плечо с деревянной тропинки.

— А что, разве я не прав?! — выкрикнул я, как бы окликая тем самым Юру и приглашая его в разговор.

— Да, есть что-то похожее, — поддержал меня друг. Он на мгновение оглянулся в мою сторону: я шел неподалеку от деревянного настила: Вика не пускала меня на него и мне приходилось перепрыгивать с кочки на кочку, чтобы не угодить в заснеженные по колено рытвины.

— Ну ладно, иди по тропе! — заботливо окрикнула меня Вика, сжалившись. — Не хватало, чтобы еще и ты себе ногу вывихнул! — Я повиновался.

— Вот, слушай, — сказал она, когда я уже снова шел с нею рядом по деревяшкам. — Я сейчас вспомнила! Скажи: ты знаешь, что такое — бесстрашный, бескорыстный, бесстыдный?! — она тоже говорила громко, чтобы слышал и Юра, который шагал теперь метрах в пяти от нас. — В общем, что значит все слова, начинающиеся на "бес"? — договорила Вика.

— Нет! — шутливо ответил я. — Не знаю!

— Ну!.. Бес же! Бес! — улыбаясь, вопрошала Вика и как бы пытаясь подсказать ответ интонацией своего голоса.

— Не знаю! — снова ответил я.

— Бес!.. Дьявол значит! Недогадливый ты! — торжествующе выкрикнула Вика и глянула на Юру.

— И что же получается: бес страшный! — Вика хохотала, а я

продолжал перечислять, — бес стыдный! Слушай! — остановился я, обращаясь к Вике. — А как же тогда понимать бес корыстный, ведь само слово — бескорыстный — хорошее слово?!

— В том-то и дело, что — нет! — объяснила Вика, забегая вперед меня и, тем самым, притесняя меня с деревянной тропы. Ведь люди, — говорила она, — двойные и корыстные, как ни крути! Двойные и корыстные в своей душе, а бескорыстный только притворяется таким, а на самом деле он — дьявол в маске. Бес корыстный, такой же бескорыстный, как, помнишь, в сказке "Коза и семеро козлят! — волк шкуру одевал и голосок утончал! "Козлятушки — ребятушки!", а сам о себе думает, о желудке.

— Откуда ты такого нахваталась?! — удивился я.

— Это не я!

— А кто?

— Мария Федоровна!

— Какая Мария Федоровна? — припоминая, спросил я.

— Ну что ты, не помнишь! Соседка моя! Бабушка! воскликнула Вика.

— А-а… — только и вымолвил я с понимающим видом, шутливо оттопырив губы.

— Мудрая бабушка! — отозвался Юра впереди…

До Москвы мы добрались без проблем…

Всю ночь напролет я пробеседовал с Юрой полушепотом, сидя у окна в его комнате в общежитии. Вика сладко спала на Юриной кровати, и Юра нежно, время от времени поглядывал на нее.

На следующий день Юра проводил нас в аэропорт рано утром, я спешил объявиться на работе, так как та запись карандашом моих паспортных данных, сделанная капитаном милиции в помещении радиостанции, помнилась, хотя и холодно, но близко, и мне надо было, на всякий случай, хотя бы упредить сообщение о моем, если таковое последует, задержании. Тогда, по крайней мере, один день можно будет объяснить, как отгул.

О засвеченной пленке я так никому и не сказал…

Надо было кончать с Викой. Всю дорогу в самолете я хладнокровно обдумывал, а точнее, настраивался это сделать. Еще утром, там, в Москве, у Юры, когда мы все втроем завтракали, я сидел молчаливо, и Вика наверное начинала понимать или чувствовать приближение чего-то нехорошего, потому что в самолете она уже совсем расстроилась, ей было неуютно сидеть в тесном кругу моего молчания, а если я и отвечал на ее какие-нибудь вопросы, то очень кратко и сухо…

Но, к моему счастью, все произошло абсолютно свободно, без паники, легко для меня…

Вика мешала мне, она являлась свинцовой привязкой, может быть, именно она больше всего удерживала меня в моем теле! …

Когда мы оба приехали из аэропорта на такси, и поднялись на Викин этаж, и остановились у ее двери, она уже была готова к убийству…

Ее глаза метались по сторонам под непоколебимостью моего взгляда. Ко мне она не прикасалась, а просто — стояла рядом. Нет! Я вовсе не был зло настроен к этой девушке, и я не ревновал! Я должен был выполнить задуманное: убить Вику сейчас.

— Вика, — сказал я.

— Что? — тут же отозвалась она, и в ее глазах еще промелькнула надежда! "Нет!.. — подумал я. — Пора!.."

— Уйди прочь! — резко сказал я и равнодушно впялился глазами в бедную девушку. — Уйди прочь! — сказал я еще раз Вике в упор, и добавил. — Я больше не хочу тебя видеть!..

Вика прислонилась к своей двери и тихо заплакала так, будто доплакивала то, что уже отрыдалось в душе. Так я убил Вику…

Проститутка

И снова одинокий в поселке, опустошенный от суеты дня кинотеатр. Приземистый, доверчивый свет ночника. Я хожу в кабинете по скрипучему полу и думаю. Прошел целый месяц, как Вика убита…

С тех пор я ее даже не видел! Но я до сих пор так и не в силах был покинуть свое тело, хотя и продолжал заниматься энергетическим дыханием и жить по образу, определенному учителем.

Всего один раз, с неделю назад, мое тело, когда я лег было уже спать, разуверившись научиться покидать его, начала сотрясать неведомая мне сила! Будто могучие волны перекатывались от ступеней до макушки.

Тело содрогалось как резиновое, волны словно ударялись в какое-то препятствие и пружинили в голове. Но, не находя выхода — метались по всему телу! И улеглись наконец…

Как в прошлый раз, — не случилось хлопка в макушке (будто вылетевшей пробки), и волны не вырвались наружу, как я ни силился им помочь: будто мою макушку заварили, запаяли, заклеили!..

И все…

И больше ничего, даже подобного, до сих пор…

И все-таки я понимал, Вика, Вика держала меня!..

Она несомненно вспоминала Сережу и мешала ему… А думала она обо мне все потому, что я сам был в этом виноват, все потому, что где-то что-то никак не могло отключиться у меня в сознании, как я ни настаивал на этом! А может и потому, что я

слишком настаивал, хотел опустошенности памяти о девушке и тем только усугублял свою принадлежность к этому, воспитанному мною символу…

Несомненно нужно было построить противоположность, довести свою бессознательную привязку к Вике — до абсурда, до противоречия, до самоотрицания. Надо было сжечь, растворить мыслительную тропу, по которой так долго и нежно прогуливалась девушка в моем сознании.

На любовь ни в коем случае нельзя тратить энергию! Лучше, когда тебя любят, а ты хладнокровен, чем когда любишь ты и сгораешь! Когда любят тебя, — тебе посылают, передают энергию, но этой же энергией, если ты среагировал на нее положительно, связывают тебя по рукам и ногам!..

Неожиданно дверь кабинета резко открылась настежь!

Я встрепенулся!..

Еще бы!..

В двух шагах от меня, я сразу же узнал ее, стояла в разноцветном восточном халате, и кто бы мог подумать, Екатерина!

— Екатерина Васильевна? — пробормотал я и отступил пару шагов назад.

— Не ждали? — сказал она своим осипшим от сигарет голосом.

В этот момент на моей руке прожужжали электронные часы. Машинально я протянул потяжелевшую руку к лицу, чтобы глянуть, который час.

— Не трудитесь, Сергей Александрович, — двенадцать! Самое время, не правда ли?

Я ничего не сказал на это, молчал…

Не шевелившись, стоял я в тупике кабинета…

Нет, я не боялся ведьму, это мое тело, оно упрямилось подчиняться мне…

— Ну, что? — спросила Екатерина.

— А что? — переспросил я.

— От тебя не требуется много, — сказал она. — Но одну-то ты в состоянии сегодня обслужить?

— Тебя? — поинтересовался я.

— Да! — подытожила ведьма. — Пойдем наверх, в библиотеку, попьем чайку.

— Пойдем, — согласился я.

Когда мы вышли в темную тишину малого фойе, в руках у Екатерины откуда-то появилась зажженная свеча…

Мы поднимались по ступенькам на второй этаж, и две наших тени властно сопровождали нас, проплывая над нами. Вскоре мы

оказались в книгохранилищной комнате библиотеки. Здесь, прямо на полу была разостлана кипельнно-белая постель.

Ведьма поставила свечу на стол и обратилась ко мне:

— Садись, попою чайком…

Я послушно сел на стул, но задрал на секунду голову на потолок и глянул на тени, а когда снова обратил внимание на стол, то убедился, что передо мною уже стоит в черной подставке стакан горячего чая. Чай золотисто шевелился в стакане, будто кипел.

— Не бойся, не обожжешься! — успокоила Екатерина.

Я взял стакан, осторожно поднес его к напряженным губам и только хотел сделать крохотный глоток, как чая в мгновение не стало! Даже черной подставки со стаканом не оказалось у меня в руке…

Ведьма неистово расхохоталась!

Потом она подошла ко мне и бесцеремонно уселась на колени.

— Ты хотел сделать глоток? Тебя мучает жажда? Да? Я тебе помогу ее утолить! Екатерина умело стянула с меня свитер. Затем расстегнула и сняла с меня рубашку, освободила меня от майки…

— Ну, что, голенький мой?! — спросила она и, не дожидаясь ответа, сочно вцепилась своими горячими губами в мои губы и гибко обвила руками мою шею. Я сидел, будто вкопанный, и повиновался.

Нацеловавшись, ведьма погладила мою мускулистую грудь, нащупала и расшевелила своими острыми пальчиками смуглые ядрышки моих сосков и принялась покусывать их острыми зубками.

И вот ведьма встала с моих коленей, подошла к постели, остановилась, помедлила секунду-другую и сорвала с себя разноцветно переливающийся халат.

С минуту я продолжал сидеть на стуле, околдованный блеском голого тела ведьмы. Я ощущал, как обсыхают обслюнявленные ядрышки моих сосков…

Я встал со стула и потянулся к ведьме. И когда я обнял ее, она, будто подкошенная, ослабела, обмякла у меня в руках, и тяжесть ее тела начала увлекать меня за собой на постель.

Екатерина ложилась так женственно и уступчиво, но слегка капризничая в едва ощутимых движениях бедер, что, когда я подмял ее тело, у меня все преждевременно содрогнулось, и мне стало не по себе, и я стыдливо оставил Екатерину, и, глубоко вдохнув, лег рядом с нею на спину, и замер…

— Слабачок, — просипела возле моего уха ведьма и пожурила меня, потрепав за щеку.

— Что поделать, — снова вздохнул я. — Я уже месяц не был с женщиной…

— Ладно, на первый раз прощаем, — сказала ведьма.

Где-то с пару минут мы пролежали молча… Я набирался новых сил.

— Екатерина, — позвал я.

— Что, уже?! — обрадовалась она.

— Да…

Прошло часа два — два с половиной. Мы лежали, утомленные, поодаль друг от друга, отдыхая. Приподнявшись на локти, я предложил ведьме:

— А хочешь, я тебе прочту стихотворение?

— Новое? — весело поинтересовалась ведьма в искорках радости.

— Да! — подтвердил я ее догадку.

— Читай!

И я заговорил, снова опрокинувшись на спину, заговорил громко и облегченно и посматривал на почему-то сказочно до сих пор не догоревшую свечу на столе:

Включать сегодня, почему-то,
Электролампу не хочу!
Я запалю огарок, чудо,
Медово-желтую свечу…
Смотрю я влажными глазами,
Как обливается, горя,
Она горячими слезами,
Моя настольная ЗАРЯ!..

Я закончил читать.

Екатерина любила стихи, и сейчас, завороженная, прижалась ко мне.

— Хорошо! — сказал ведьма. — Ты знаешь, а я тебе, пожалуй, скажу одну очень важную для тебя вещь.

— Какую? — спросил я.

— Ведь меня специально подослали, чтобы совратить тебя!

— Организовать новую привязку? — уточнил я.

— Да!.. Чтобы ты не научился выходить из тела! У тебя золотистое начало, правда, с помесью светло-коричневого и коричневого, но и этого достаточно! Ты мешаешь кое-кому!..

— Я понимаю, — проговорил я. — Но почему же ты мне все это выложила?

— Потому что ты — настоящий мужчина и поэт! И мне тебя жаль… Они тебя погубят… Так задумано… Ведь все равно ты где-то, да промахнешься, и тогда… — она замолчала. Я тоже молчал…

— О чем думаешь? — через некоторое время спросила ведьма.

— О Наташе… — ответил я.

— О той, что похоронили? — поинтересовалась Екатерина.

— Как — похоронили?! — подскочил я с подушки от неожиданности.

— Да так!.. Как всех хоронят!

— А когда? Она же была жива?..

— С месяц назад, — сказал Екатерина и добавила, припоминая. — Да ты как раз в Москве был, вот, на открытии… — и больше она ничего не сказала, умолкнув. Но меня уже не интересовало то, что им известно: где и зачем я был, я снова, но опечаленно, лег на подушку.

— Красивая она была в гробу: лежала в подвенечном платье, — вспоминала ведьма, будто и не для меня, а просто так, вслух.

— А дочь?! — опомнился я и всполошился. — А дочь? Ее дочь жива?!

— Какая дочь?! — удивилась Екатерина.

Тихо я перевернулся лицом в подушку и проговорил про себя: "Вот и все…"

Разговор с телом

Тело!..

Освободи меня, дай мне вольную!.. Я раб твой, крепостной житель…

Мне все чаще и все нестерпимее хочется порою прикоснуться к горизонту, погладить Луну, разбушевать океан или заглянуть по ту сторону пространства, а ты, мое неуклюжее тело, — на это не способно, и ты не позволишь мне этого сделать, потому что тебе этого — не понять!..

Ты повелеваешь мне жить в своем одномерном пространстве, где такая спрессованная теснота и духота, что с непостижимым трудом едва вмещаюсь в тебя, и зачем же я в тебя втиснулся! Но как только я начинаю протестовать и отвергать тебя, то ты, мое тело, таешь и тускнеешь! И уверен, что если мне удастся вырваться надолго из твоего заключения, а если повезет навсегда, то ты погибнешь, растворишься в пространстве моего сознания!..

Вот почему я нужен тебе, и вот почему ты ежесекундно привязываешь меня к себе страстью всех новых и все больших ощущений! Ты хочешь, чтобы я забыл о Свободе, забыл о своей Родине!..

А иногда, когда я совсем отчаиваюсь верить в удачу покинуть тебя, я пробую распирать тебя, шевелиться в тебе, мое тело — изнутри! И это, хоть нанемного, но открывает передо мною иные

возможности. И я начинаю ощущать: упругость твоих мышц, тело, и прочность твоих костей!..

О! Мое тело! И тогда я хватаю в руки музыкальные инструменты, и многие окружающие восторгаются, будто твоей изумительной игре, тело; я принимаюсь ласкать женщину, и она не нарадуется опять же тобою, тело!..

Каждый день ощущать твой соблазнительный вкус, мое тело, и оставаться собою, это ли не мука!..

Все, все вокруг думают, что это ты такое красивое и веселое, мое тело, что это ты поднимаешь тяжести и творишь грациозные жесты, что это ты, и то — тоже ты…

А на самом деле — это я, и даже, когда ты якобы плачешь, плачу я, а не ты, мое тело!..

Но мало кто об этом догадывается!..

Отпусти меня, тело, дай мне вольную или я начну убегать из тебя в "самоволку"!..

И когда-нибудь уйду и не вернусь. Я раб твой… Но почему же это так?!

Ведь это я в тебе хожу, думаю, ем, сплю, целуюсь, а не ты во мне!..

Ты должно служить мне!..

И я добьюсь этого, ты слышишь, тело?! А пока, уже тридцать лет подряд, я сижу в твоей одиночной камере, в тюрьме твоих страстных ощущений, и потому одинок океан и некому его разбушевать так, как я смог бы это сделать, одинок горизонт, и никто к нему не прикоснется, пока ты не отпустишь меня, тело, и одинока Луна, и никто не погладит ее так, как это смог бы сделать я…

И вот что еще удивительно: я стал замечать, что все люди обязательно проходят через тюрьму!..

Одни проходят — застенки своего тела, а те, кого сильно увлекают страсти твоих ощущений, тело, те, кто из-за этого забывает о твоей телесной тюрьме, попадают в еще одну, земную тюрьму людей, чтобы там, в теснине камеры, наконец-таки понять и осознать свою истинную тюрьму, тебя, тело!..

Итак, я отсидел в тебе, мое тело, уже тридцать лет, и одному Богу ведомо, сколько мне осталось еще…

Но, видимо, еще много…

Я твой раб, тело, но, позволь мне хотя бы иногда, хотя бы ненадолго, хотя бы в ошейнике и на цепи, но покидать твои застенки, где каждая стена окровавлена мною и полна наслаждения и боли!..

Записки из дневника

1

Где-то на протяжении трех часов состоялось несколько выходов! Такое — впервые, как по количеству, так и по качеству. Если раньше мне приходилось самому усиленно работать и удавалось вылезать по пояс, малоосознанно, но, сглотнув слюну, возвращаться тут же — обратно! Или же вообще не смочь выскочить, сложно, что-то закупорено — только порывы, и не более того! Но теперь все стало по-другому! Усилий минимум, осознанности максимум!..

Под утро, около четырех часов, в состоянии, достаточном для ощущения сна, а также и для ощущения себя в состоянии бодрствования (полное ощущение личности и хода времени!), вспыхнуло мое тело, словно оно превратилось в колыхания, во всполохи ветра и вот: слышится шум, будто проносишься с невероятно огромной скоростью куда-то, шум, слегка напоминающий отдаленный гул реактивного самолета. Бездна и тьма вокруг, а тела твоего нет, оно как бы не существует, ты — ветер!

Вместо тебя — всполохи ветра, но ты в полном резком сознании себя! Через некоторое время, будто ты вонзился и замер в объемном кадре, пробуешь незримый трансфокатор, и он срабатывает, хотя, как ты его передвигаешь — неведомо! Видимо, с помощью мысли, чувств! Трансфокатор приближает, очень близко, землю под твоими воображаемыми ногами, приближает настолько близко и резко, что ты начинаешь видеть мельчайшие трещинки ее, соринки и пылинки! Озираюсь по сторонам, оказывается, я на старой улице, там, где я начинал свою жизнь, с пеленок!

Да, чуть не забыл: освещение вокруг какое-то едва уловимое, необъяснимое, то ли фиолетовые полусумерки, то ли еще что-то подобное?! Появляется желание (понимаю, что здесь, в этом мире, в котором я сейчас нахожусь — дозволено все!), желание отыскать какую-нибудь девушку, чтобы утолить свой пыл, но нет, совесть подсказывает, чтобы я попробовал как ветер просто отрешенно пощупать ее, сделать то, что мы так часто себе не позволяем в обществе — свободу движения и мыслей, их неразрывную гармонию! Проплываю или прохожу мимо частных домов: где же, в каком из них может быть девушка? Потому что, чувствую, что смогу пройти сквозь любое препятствие: забор, стену. Для моих размышлений и реализации желаний — нет преград!..

Сворачиваю налево, в сторону таксопарка, полулечу…

Появляются мысли, что я еще все-таки невежественный человек в своих помыслах и желаниях! О девушке забываю сам, легко и свободно!

Ощупываю себя сзади, вот это — да! — у меня небольшой хвост! Хохочу! Но снова мысль: "Мира и добра всему окружающему меня…" — и вдруг: навстречу, такой же, как и я, с небольшим хвостом, человек, и тоже — полулетит! Он тоже говорит, но не так, как говорим мы обычно, а говорит как бы — мысленно: "Мира и добра, мира и добра!" Я понимаю, что это он мне желает. Проплываем мимо друг друга. Он — крестится, я — тоже! Потом: еще и еще один, такой же проплывает мимо меня, один из них особенно черный! А мы все — серые…

А вот какой-то очень крупный! Я думаю: "Наверное, вышел подраться!" Его мышцы так и играют, что-то заставляет меня обратиться к нему, хотя я его и боюсь немного. Меня тянуло к этому крупному, проплывающему медленно мимо меня.

Начинаю думать: "Нет, я тянусь к нему, к своей опасности, для того, чтобы преодолеть страх". Я предполагаю, что мы, те, что помельче, — все-таки добрее тех, кто покрупнее, здесь, в переулке, и начинаю обращаться к этому крупному, которого я заметил первым и к которому я потянулся: "Давайте мы, те, что добрые, и вы, "злые", — но это я говорю не впрямую, а только подразумеваю такой смысл, как это происходит — не понимаю, давайте между нами проведем философскую беседу!" — говорю я.

Вокруг меня и него останавливаются еще другие крупные и такие, как я, помельче, они оживленно разговаривают, соглашаясь на философскую беседу.

И тут… у меня не хватает энергетики, — все тает, и я возвращаюсь в свое физическое тело, лежащее на диване у меня в комнате…

2

Отделяюсь от тела, поднимаюсь к потолку в свой комнате, останавливаюсь в углу, там, где стыкуются две стены и потолок. Очень отчетливо вижу мельчайшие детали поверхности потолка, покачивается крохотная паутинка, прилеплена какая-то соринка…

Рук нет, но я начинаю мысленно воображать, что я дотрагиваюсь до потолка руками, но на самом деле рук своих даже не вижу, и все же, — дотрагиваюсь до потолка! Неведомо чем, но ощупываю его! Мыслями или чувствами…

Потом, словно уцепившись за потолок, я начинаю подтягиваться к нему весь, целиком, своим энергетическим воздушным пузырем. Подтягиваюсь и вхожу, втискиваюсь в потолок! И вот бездна, тьма, ощущение все того же полета, мое тело всполохи ветра, гул турбинный, приглушенный. Я начинаю понимать, что я в Космосе! Потому что звезды роятся впереди меня, но тускло!

Мысль: "Надо попасть на планету, очень хочу на планету!..", но я боюсь заблудиться, не найти обратной дороги к своему телу, лежащему там, на земле, дома, на диване! Может быть, потому не получается попасть на планету, хотя я уже улавливаю ее очертания впереди…

И тут: неожиданное приземление!

Я точно свалился с неба неподалеку от какой-то автобусной остановки, стоит автобус, из него выходят люди, вокруг тоже ходят люди. Из автобуса вышла какая-то девушка, я бросаюсь к ней навстречу, у меня одно, единственное желание — овладеть ею! По пути к ней я подворачиваю свою ногу на обочине тротуара, но, удивительно — нет никакой боли, и нога слушается, будто я ее и не подвернул! Девушка отошла от автобуса метров на пять, я то ли подбегаю, то ли подлетаю к ней, хватаю ее, она в ужасе кричит что-то, но никто не вмешивается, потому что я ощущаю это и чувствую — это мой мир.

Я резко бросился на перепуганную девушку, я даже не помню ее лица: она больно ударилась о тротуар, я это почувствовал, но я ожесточенно терзаю ее тело. Мысль: "Мне не больно, а ей-то наверное больно сейчас!" Девушка кричит умоляюще: "Мне же больно!.." Но я уже наслаждаюсь ее телом.

3

Полета не было и потолка не было…

Улица, дом крупным планом: деревья, дверь на петлях, открываю ее. Мне нужна девушка! Иду, ищу ее в доме, рыская по комнатам. Вижу, как в одну из комнат открыта дверь, но я пробую протиснуться через стену! И тут вдруг опять полет, но энергетики не хватает. Может, истратил ее на желание или на проход через стену, а может, еще не совершенные занятия по дыханию.

Я снова в теле…

4

Накануне я очень сильно отвергал весь мир! Все его святыни, формы и цвета. Высвечивал себя до предела! Будто превращался в черную дыру: ни одной мысли за ее пределами!

В копчике — мурашки, они особенно усилились перед сном. Легкий жар, ощущение тепла на протяжении позвоночника и на макушке. Кажется, что простыл или переохладился, состояние такое, словно начинаю заболевать.

Спать лег в спортивной майке и повязал вокруг шеи старый, мохеровый шарф, чтобы погреться. Вроде бы спал, вроде бы снился сон…

Улица, пятиэтажный дом, иду со знакомыми, мужем и женой, он — муж, впереди, я позади него иду и разговариваю с его женою. Начинаю на воле приподниматься, отталкиваться от

земли, поднимаюсь вверх над крышей пятиэтажки: внизу двор и макушки тополей, вверху — черное небо и кое-где сверкают звезды.

Мысль: "Только бы не упасть!" Неожиданный переход в физическое тело, словно бы проснулся, но ощущаю себя только лишь в теле, и больше нигде! Все мысли, и чувства, и восприятия, и ощущения — сконцентрированы, легко и свободно, без напряжения, — только в моем теле. Все хорошо и спокойно. Понимаю, что не сплю, что я — это я. Лежу в это на правом боку, ноги контактируют в области ступней.

Опять выход…

Ощущения — те же! Ветер, выдвижение, будто в пространстве ее. Потом бездна, полет, а может, ощущение полета. Опять включился словно тормоз, остановка полета и снова постепенный приход в тело…

Оно оттаивает и проявляется частями, а не все сразу, я сказал бы, что тело проявляется проталинами! Да, чуть не забыл! Вечером мало ел, ночью вставал, съел яблоко с хлебом, запил несколькими глотками чая, стоявшего в стакане с вечера. Продолжительность полета секунд 15–20, приблизительно…

5

Днем расслаблялся — внутренняя сосредоточенность и спокойствие, прочь все привязки! Встретил смертного врага своего, сказал ему прямо в лицо все, что я о нем думаю, и приласкал его парой горяченьких слов!..

Дрожание (с вечера) в ногах, только дрожание не тела физического, а как бы чего-то необъяснимого (видимо, вибрация астрального тела от мощного энергетического заряда)…

Когда же лег спать, то выход в сознании себя не удается! Только отключился — резко перед мною тот столб, на котором я вывешивал в своем старом дворе, когда-то, игрушечные объявления шаловливого детства…

В общем, старый двор…

Внутренняя уверенность и спокойствие. Тела своего не вижу и не ощущаю, но присутствие сознания — есть, и больше ничего! Просто как-то, но начинаю перемещаться в пространстве двора детства, как некий объем, себя не видящий. Если надо посмотреть направо или налево, то разворачивается весь мой объем, потому что головы нет.

Щупаю забор, соседский, чем щупаю — не знаю. Щупаю кирпичи соседских домов, поднимаюсь на их крышы: ощущение нестерпимых, приятных чувств прикосновения к чему-то, давно забытому, но близкому, родному.

Радость и восторг! Мысли все будто чувственного плана.

Попытаюсь перевести их на земной язык: "Не буду торопиться. Я совершенно спокоен, никуда не рвусь, буду просто рассматривать и ощупывать".

В стены влезать я отказался и вообще куда-либо втискиваться. Я заглядываю через забор и думаю: "Может ли мое тело — объем, пролететь отсюда до дома в глубине двора, который расположился там уютно и привлекательно".

Волевым усилием начинаю лететь: возникает устремленная напряженность, беспокойство, хотя и отдаленное, я хорошо чувствую свое желание лететь, но и восторг тоже есть, и сильный! Но, вместе с тем, ощущается внутренняя суета.

Справа, там, вдалеке — светятся два окна. Будто глазами поворачиваюсь к ним, а обратно не удается: появляется черно-белый наплыв там, откуда я их сейчас отвернул.

Потом абсолютная темнота. И наконец все исчезает. Но снова мое тело — вихрь, порыв к полету, но ничего не получается: то ли энергетики не хватает опять вернуться во двор детства, то ли слишком хочу этого?!

Потом какая-то картина, словно заставка (на телевидении), но она плохо видна, и она тоже тает; кажется, это был фундамент дома…

Потому хорошее, сладко-здоровое ощущение своего тела физического и духа…

6

Снова выход!..

Как бы проплываю у себя во дворе, на футбольном поле: неподалеку идет та самая соседка, Толстуха ("переносчик заразы из квартиры в квартиру" в нашем доме), та самая, с которой я перестал здороваться, но она идет без своей гадостной подруги — «Щепки». Подлетаю к Толстухе, она кинулась от меня бежать, но убегает медленно, ватно, и я быстро настигаю ее, хватаю за горло и начинаю душить. Она вырывается, кричит. Мысль: "Все, что ты делала мне плохого, теперь перейдет на тебя!..

Теперь ты будешь болеть душой и телом, как болел я столько времени от твоего ехидства". Она наконец-таки вырывается и убегает от меня. Снова в теле…

Меня не видели. После того как художник осведомил о чем-то Остапа Моисеевича, тот громко вопросил:

— Где?!

— Где-то здесь! — насупившись, точно прислушиваясь, определил художник. И мне стало немного не по себе висеть в углу зрительного зала: возможно, что говорили обо мне, ведь не исключено, что этот художник обладает астрально-энергетическим «нюхом»! "Может, покинуть зал?.." — подумал я,

но уж больно важно мне было разведать, чем сегодня будут заниматься мои недоброжелатели, и тогда мне намного легче будет совладать с ними на земном плане!..

— Купсик! — прикрикнул на провинившегося следователя Дьявол.

— Га-го! — откликнулся тот.

— Лети в сорок пятую! — приказал Магистр.

— За Людочкой?! — обрадовался Купсик.

— За ней, Купсик, за ней! И быстро! — властно распорядился Дьявол и чуть спокойнее добавил. — Важно не опоздать…

— Пока все хорошо, — огласил художник, снова будто принюхиваясь к чему-то. Купсик, обрадованный, крикнул: "Адью!.." — и опять обернулся черной вороной и куда-то стремительно, все так же, через оконное стекло, улетел… А все астральщики в зрительном зале — замерли в ожидании. Где-то через минуту ворона спланировала обратно через стекло в окне, на то же кресло в центре зрительного зала. В клюве у нее трепетало что-то серебристо-бесформенное.

И вот птица снова приняла астральный облик следователя Васильева, и в руках, теперь уже у следователя, вместо прежней серебристой бесформенности трепетало дымчатое облачко.

— Принес? — спросил негромко художник у следователя.

— Га-го! — подтвердил тот.

Магистр подошел к Купсику, отставил свою правую руку влево и раскрыл ее ладонь широко по направлению к потолку зала, а правую руку свою он выставил вперед и направил тоже раскрытой ладонью на дымчатое облачко. Теперь облачко стало быстро расти в объеме и вскоре приняло форму красивой девушки.

— Опять вы! — воскликнула она и пугливо осмотрелась по сторонам!

— Людочка! — обрадовался Купсик и принялся ласкаться у ее ног на четвереньках, будто кобель.

— О, как же я тебя ненавижу, гадина!.. — печально проговорила девушка. Зоя Карловна, до сих пор отрешенно молчавшая по причине того, что ходила по пятам за Дьяволом, вдруг неожиданно для всех выкрикнула:

— А-а, ха-ха-ха! — и отскочила от хвоста черта.

***

…Удивительно, но теперь я больше не пользуюсь для выхода в Астрал символом Шамбалы!..

Часть седьмая. ЛЕТАРГИЯ

Удар

Прошло время. Отшумели майские грозы, все вокруг было приготовлено к лету, зелень отглянцована обильными дождями, а люди уже примеряли летние вещи…

Давно я не видел тех старух: Толстушку и Щепку, что всегда раздражали меня. Но однажды я сидел хорошим солнечным вечером в своем дворе, из подъезда медленно вышла и прошла поодаль от меня Толстуха. Какая-то женщина, стоявшая на балконе, окликнула ее по имени и поинтересовалась у нее, почему ее так долго не было видно, на что Толстуха ответила то, в чем я еще сомневался! Она пожаловалась той женщине на балконе, что уже, дескать, очень долго и сильно болеет, и даже лежала в больнице…

А на меня Толстуха удивительно и как-то робко посмотрела, совсем едва мелькнули ее пугливые глаза. Толстуха постаралась быстренько скрыться с моих глаз за поворотом нашего дома! Во мне, как это и не грешно было восторгаться чужой болезнью, но вскипели силы уверенности в себе… "Астрал — сработал!" подумал я. Если раньше я предполагал, что все мои полеты и прочее — это всего лишь — проказы моего воображения, то теперь я в действительности уверился в истинности существования астрального мира и своих возможностей в нем!.. Я уже хорошо мог работать в новом для меня существовании, владеть своим астральным телом. Пора шаловливого ученичества, астрального детства и юности: стремительных порывов к женщинам и прочих желаний, — прошла…

Теперь появилась созерцательная хладнокровность, отрешенная воля, рассудительность и доброта…

Мне все время не терпелось встретиться в Астрале с кем-нибудь из моих старых знакомых недоброжелателей, которые, как я чувствовал и как меня предупреждала Екатерина, готовили мне что-то неприятное. Да, в Астрале я уже был хладнокровен, по крайней мере мне так казалось, но вот в реальном, если конечно так можно выразиться, мире, я еще грешил неустойчивостью настроения. Но, оказывается, я ошибался в том, что можно здесь, на физическом плане земли — быть неустойчивым, а в Астрале совершенным. И вскоре мне довелось в этом убедиться воочию, на собственной шкуре! Моя неустойчивость в теле земли сказалась и в Астрале, и в самый неподходящий момент!.. Однажды мне удалось подслушать разговор Зои Карловны и Остапа Моисеевича, который, оказывается, не только начальник отделения милиции, но еще и читатель нашей библиотеки! Они разговаривали во все том же складском помещении об очередном, как я понял, астральном развлечении и намечалось оно — в зрительном зале нашего кинотеатра сегодня вечером после

последнего сеанса. В условленный час я тайно, чтобы никто не заметил, скрылся у себя в рабочем кабинете и потихонечку заперся там на ключ. Я сидел за рабочим столом и время от времени посматривал на кабинетные электронные часы. Последний сеанс уже закончился, зрители вышли, площадь опустела…

В помещениях кинотеатра, будто вспыленная за день, оседала тишина…

Все замерло…

Теперь я развалился поудобнее в кресле, так, чтобы, когда я оставлю сидеть мое земное тело здесь, в кабинете, оно не упало бы на пол. На электронных часах, которые стояли передо мной на столе, сменялись зелененькие цифры секундного столбика. Все было как перед стартом, и ответственным стартом!..

Ровно в двенадцать я привычно сосредоточился, переключился в объем своего земного тела, окружающий мир угас, будто его и не было никогда. А дальше все произошло автоматом: я вышел из тела…

Некоторое время висел возле стола, очень близко приблизившись к своему земному телу и рассматривая его. "Постарел!.. — размышлял я. — Седые волосы…

Прибавилось их!.. И морщинки на лбу…

Трудолюбиво движется мое тело к своем совершенству, чтобы в один прекрасный день раствориться в земле…

Однако! — я обратился к электронным часам, — пора!.." Навылет я проплыл стену кабинета и оказался в большом фойе. И тут я решил обезопаситься, и на всякий случай осознал свое астральное тело невидимым. Нельзя было рисковать и появляться воочию в зрительном зале, ибо весьма непредсказуемые последствия могли меня ожидать там!.. От Остапа Моисеевича и его подручных, подчиненных по Астралу, можно было ожидать всего: они, по сравнению со мной, имели и долгий опыт жизни в Астральном мире! И потому даже за свою невидимость я не смел поручиться полностью, как за стопроцентную благонадежность. Ведь вдруг у энергетического чутья моих недоброжелателей, а попросту говоря — врагов, появится возможность не подвести своих хозяев?! В любой момент мое невидимое астральное тело могло быть высвечено за счет чего-нибудь такого, чего я еще и не знал по неопытности, и тогда неведомо что ожидало меня!.. Я вылетел в зрительный зал, но здесь еще никого не было…

Тогда я завис под потолком в углу зала, справа от экрана, и притаился в ожидании…

Честно говоря, я предполагал, что мои недоброжелатели появятся так же, как и я, в астральных телах своих, но…случилось

неожиданное: в зрительный зал, после того, как вначале послышались голоса в большом фойе, вошли в своих обычных земных телах — Остап Моисеевич, Зоя Карловна, Екатерина, муж и жена — контролеры. "В земных телах?.. подумал я настороженно. — Странно однако…"

Все вошедшие, как по команде, уселись в мягкие кресла в заднем ряду и сосредоточенно застыли в расслабленных позах. А через пару десятков секунд совершилось то, что я теперь и предположил, созерцая эту картину: все они медленно отделились от своих земных тел и приняли удивительные формы Астрала! Остап Моисеевич оказался самым настоящим чертом: с рогами козла, но когда я присмотрелся, у этого черта вырисовывались груди! "Чертиха?!" — недоумевал я. Зоя Карловна приняла форму удивительно обаятельной, будто невинной девушки-красавицы! "Ева до совершения греха, и только!" — подумал я. Екатерина осталась верна форме своего земного тела, и потому ее астральное тело явилось точной его копией. Муж-контролер засуетился шустрым старичком, с белыми волосами на голове и фиолетовой щетиной на лице. А его жена теперь представала в облике толстенного удава, стоящего на узловатом хвосте своем во всю свою длину в рост со старичком. Я переплыл в противоположный угол зала, чтобы проверить, не виден ли я им всем. Но никто из них не обратил на меня внимания. Даже Остап Моисеевич — черт, смотревший, казалось, на меня в упор, не среагировал на мое передвижение. "Значит, невидим!" — успокоил я себя и принялся наблюдать далее. А далее меня ожидало удивительное! Еще бы! В зрительный зал влетела, прямо сквозь стекло окна, ворона, и мне показалось, что я где-то видел эту птицу, потому что уж больно знакомо корявились в своих надломистых размахах ее растрепанные крылья! Ворона села на спинку кресла в центре зала лицом к присутствующим, и тут, можно ли было подумать, птица приняла форму — следователя Васильева!.. А дальше я удивился еще больше!

Черт или чертиха, не знаю, но я склонялся думать о нем, об астральном обличии Остапа Моисеевича, как о некоем среднем, как о Дьяволе, так вот, Дьявол взмахнул своим длинным хвостом и раздраженно стегнул его жестким кончиком по ближайшему креслу так, что клочки пыли поднялись над ним, и Дьявол окликнул следователя Васильева:

— Купсик!!!

"Вот это да!.. — подумал я. — Так вот ты каков, Купсик, — птица с огненными глазами и когтями…"

— Га-го! — откликнулся Купсик Дьяволу.

— Почему ты без тела?! Мерзавец!.. — обрушился на него тот. — Ведь мы же договорились, все, и только с телами сегодня! Гадина! Я тебя!.. Гнида!..

— Остап Моисеевич, — взмолился Купсик. — У меня обстоятельства!

Удав со старичком перешептывались, и ехидно растекались их мясистые рты, змеились в улыбках. Зоя Карловна погладила Дьявола по спине, от чего он немного разомлел и потерся своей шершавой щекою о свое угловатое плечо. Екатерина подошла к Купсику.

— Купсик, ты же нас всех подводишь! — возмутилась она.

— Ну, простите меня…

— Что, опять?! — крикнул на Купсика Дьявол.

— Да… — ответил Купсик.

— Напился, мерзавец! — зло сказал Дьявол. — А где тело сейчас, небось в отделении оставил?! — спросил он у подчиненного.

— Да нет, — ответил тот, — дома оно сейчас, в кресле у камина.

— Хорошо, что не под забором! — воскликнула Екатерина.

Я не знаю, как бы наказали Купсика за его невыполнение условия сегодняшнего вечера, но тут внимание всех присутствующих в зале привлек влетевший, вернее, вбежавший в зал художник моего кинотеатра! "И этот здесь, — мыслил я. — Не кинотеатр, а скопище оборотней!.."

Он быстренько уселся в заднем ряду, как и все остальные тела принял позу расслабленную, но устойчивую, и уже через несколько мгновений тоже вышел в Астрал, но принял форму своего же физического тела, как и Екатерина. Художник поцеловал Екатерину в носик, а та, в свою очередь, шлепнула его по заднице. Потом художник поздоровался со всеми остальными и низко кланялся каждому. Выглядел он привлекательно и даже красиво: греческий нос, на подбородке — ямка, волосы кудрявые, черные, глаза — голубые, ростом высок, фигура атлета.

— Магистр! — обратился художник к Дьяволу. — Я должен тебе сообщить интересную вещь!

— Говори! — величественно повелел Магистр.

Но художник не стал говорить громогласно, приблизился к Магистру и что-то нашептал ему в корявое ухо. На всякий случай, проверить еще раз, не видят ли меня, я снова переместился над экраном в тот угол, в котором висел с самого начала. Нет. Меня не видели. После того как художник осведомил о чем-то Остапа Моисеевича, тот громко вопросил:

— Где?!

— Где-то здесь! — насупившись, точно прислушиваясь, определил художник. И мне стало немного не по себе висеть в углу зрительного зала: возможно, что говорили обо мне, ведь не исключено, что этот художник обладает астрально-энергетическим «нюхом»! "Может, покинуть зал?.." — подумал я, но уж больно важно мне было разведать, чем сегодня будут заниматься мои недоброжелатели, и тогда мне намного легче будет совладать с ними на земном плане!..

— Купсик! — прикрикнул на провинившегося следователя Дьявол.

— Га-го! — откликнулся тот.

— Лети в сорок пятую! — приказал Магистр.

— За Людочкой?! — обрадовался Купсик.

— За ней, Купсик, за ней! И быстро! — властно распорядился Дьявол и чуть спокойнее добавил. — Важно не опоздать…

— Пока все хорошо, — огласил художник, снова будто принюхиваясь к чему-то. Купсик, обрадованный, крикнул: "Адью!.." — и опять обернулся черной вороной и куда-то стремительно, все так же, через оконное стекло, улетел… А все астральщики в зрительном зале — замерли в ожидании. Где-то через минуту ворона спланировала обратно через стекло в окне, на то же кресло в центре зрительного зала. В клюве у нее трепетало что-то серебристо-бесформенное.

И вот птица снова приняла астральный облик следователя Васильева, и в руках, теперь уже у следователя, вместо прежней серебристой бесформенности трепетало дымчатое облачко.

— Принес? — спросил негромко художник у следователя.

— Га-го! — подтвердил тот.

Магистр подошел к Купсику, отставил свою правую руку влево и раскрыл ее ладонь широко по направлению к потолку зала, а правую руку свою он выставил вперед и направил тоже раскрытой ладонью на дымчатое облачко. Теперь облачко стало быстро расти в объеме и вскоре приняло форму красивой девушки.

— Опять вы! — воскликнула она и пугливо осмотрелась по сторонам!

— Людочка! — обрадовался Купсик и принялся ласкаться у ее ног на четвереньках, будто кобель.

— О, как же я тебя ненавижу, гадина!.. — печально проговорила девушка. Зоя Карловна, до сих пор отрешенно молчавшая по причине того, что ходила по пятам за Дьяволом, вдруг неожиданно для всех выкрикнула:

— А-а, ха-ха-ха! — и отскочила от хвоста черта.

— Все? — спросил Магистр Зою Карловну, на секунду

повернувшись к ней через плечо.

— Да-а… — только и вымолвила она утомленно.

— Ну, ладно! — сказал Екатерина в сторону своей подруги, спугнув тем самым с лица Зои Карловны усладительную гримасу. А я в это время рассматривал Люду. Насколько я начал понимать, эти астральные развратники — частенько притаскивал сюда, в зрительный зал, эту девушку, попросту говоря, насильно воруя ее астральное тело по ночам. "Не исключено, — подумал я, — что они развлекались здесь с нею и тогда, когда я рванул на себя дверь зрительного зала и контролер чуть не вывалился мне под ноги, а мальчик, что выскакивал в фойе и наткнулся на Палыча, мог вполне оказаться астральной шалостью Магистра…

Да, конечно же я им мешаю, и еще как!.. Вот, наверное, почему в этом кинотеатре директора так часто меняются!.." подумал я. А Люда действительно выглядела красиво: она была одета в легкое, полупрозрачное платье голубого цвета, сама стройна, волосы распущены — золотистые, вся такая гибкая, будто балерина.

— Оставьте меня, я прошу вас, — взмолилась девушка.

— Купсик… Приступай! — приказал Магистр, не обращая внимания на просьбы. И Купсик приступил!.. Господи, это было настолько невыносимо!..

Купсик выхватил из астрального пространства огромный кнут и принялся стегать девушку куда попало: она изгибалась под ударами, будто деревце, и вскоре ее голубое платье все иссеклось и клочками опало под ноги Купсику. Все астральные развратники прикованно наблюдали за избиением.

— Огонь! — крикнул Дьявол. — Сожги ей груди, Купсик!..

Я уже начинал понемногу раскачиваться у себя в углу под потолком, даже подумывал: "Не вмешаться ли!.. К примеру: обрушить на них ураган и выдуть их отсюда, негодяев!.." Магистр взмахнул хвостом, и Людины руки взмахнулись вверх, они оказались теперь привязаны к толстому канату, висевшему от потолка. Канат натянулся, и девушка зависла в двадцати сантиметрах от пола. В руках у Купсика возник факел…

Его пламя тянулось к девушке, чтобы лизнуть ее!.. И тут я не выдержал!.. Я бросился на канат и в одно мгновение растворил его в астральном пространстве: Люда была свободна! Затем я выхватил факел у Купсика и ткнул его ему прямо в лицо! Купсик неистово заорал, но я не успел опалить его как следует, ибо он отпрыгнул в сторону!

— Молись! — выкрикнул я девушке, что стояла, покачиваясь на ногах и облизывала окровавленные губы — рассеченные кнутом. — Молись, скорее молись! — выкрикнул я Люде еще

раз. — Это единственное, что тебя избавит от них! Девушка начала молиться, крестить свое тело и таять на глазах! И я понимал, что она сейчас просыпалась где-то там, у себя, возвращалась в земное тело!

— Проклятый! — заорал на меня Купсик. — Магистр, убей его!

… Я совсем забыл: моя невидимость теперь была высвечена этим благородным порывом, и начинал понимать, что пора позаботиться и о собственной безопасности! Вот и сказалась моя неустойчивость в земном теле…

— Видимый! — спокойно крикнул Магистр и все, что были в зрительном зале, даже Екатерина, по крайней мере, я видел, что она шевелила губами, — выкрикнули вслед за Дьяволом:

— Видимый!..

Я попытался подумать, что я невидимый, но оказалось, что их коллективный Астрал, моих врагов — довлел надо мной и невидимость не наступала! Я метался по залу, и тут помыслилось мне: "Прочь отсюда! Сквозь стену, в Космос, вперед!.." Но мои планы сразу же были остановлены:

— Бронь! — так же спокойно крикнул Магистр.

— Бронь! — заорали все его приспешники по Астралу.

И я, разогнавшись на полном лету — ударился о стену!

Ужас обуял меня…

Тогда я устремился в потолок — нет! И он тоже непроницаем!.. Теперь я начинал понимать, что я в западне!

— Где его тело? — вопросил громко Дьявол и добавил, как приказ, — художник, ищи! Художник стал принюхиваться…

— Ну! — пропищала Зоя Карловна, подгоняя художника.

Мельком я увидел, как Екатерина — волнуется: ей, наверное, хоть немного, но было жаль меня…

— Не могу определить! — отчаянно сказал художник.

А я подумал: "Зачем им понадобилось мое земное тело?"

Но в следующее мгновение страшная догадка — ужалила меня! "Они хотят заблокировать! Лишить меня возможности вернуться обратно в тело!.." И тут, по приказу Магистра, ко мне подлетел старик с фиолетовой щетиной. Он размахнулся здоровенно в этот момент выросшим кулаком, чтобы ударить меня, но я, мысленно, остановил его кулак перед собой на расстоянии. И немного успокоился, что астральная сила меня не покидает.

— Удар! — крикнул Магистр.

— Ударр! — в злобном торжестве подхватили все.

Старик размахнулся и ухнул в меня своим кулачищем! Проломил мою оборону. В следующее мгновение я оказался у

себя в кабинете, в физическом теле, у меня была сильно разможжена верхняя губа, от астрального удара — ломило зубы, голова шумела…

Засада

Прошло с пару недель…

Теперь я прекрасно понимал, что и кража кинотеатровского магнитофона, и тот сволочной капитан на открытии памятника, что засветил мне пленку, и все остальные мои неудачи и горести по работе, — дело рук астральной шайки Остапа Моисеевича!.. Моя губа заживала: вначале — спала припухлость, а вскоре зарубцевалась и рана, чернота стаяла…

Но для того, чтобы меня прекратили преследовать и для того, чтобы беспрепятственно продолжать мне развиваться и познавать тайны бытия, я, все-таки, на свой страх и риск, должен был узнать опорные точки своих недоброжелателей! Я чувствовал, что им кто-то покровительствует!.. Что собирались делать в зрительном зале астральные развратники, я так и не узнал в прошлый злополучный раз…

Одно усматривалось несомненно: мои враги — не предполагали, по крайней мере в ту ночь, заниматься истязанием астрального тела Люды, ибо тогда незачем им было являться в кинотеатр в земных телах своих! Ясно, что девушку они притащили спешно, после сообщения художника о моем присутствии в зале, притащили как приманку, чтобы высветить меня и уничтожить, или, по крайней мере — наказать, что им и удалось!.. Итак, я снова подстерег момент очередного сборища моих астральных врагов, но на этот раз свое земное тело я оставил у себя дома лежать на диване…

Когда я опять влетел в заветное время в зрительный зал кинотеатра, к моему удивлению, меня тут же обнаружили! Видимо, коллективный Астрал этих негодяев, уже заведомо — ожидал моего появления!

— Ты опять здесь! — злобно проговорил Купсик.

И я наполовину втиснулся в стену, чтобы на этот раз в любой момент быть готовым ринуться обратно домой!

— Не надо было тебе прилетать сегодня! — крикнула мне Екатерина. — А теперь, — сказал она, окинув грустным взглядом своих соратников, — извини, Сергей Александрович — сам виноват!.. Зоя Карловна радостно потирала свои ладошки, пританцовывая возле извивающегося хвоста Дьявола. Старик и удав посматривали на меня, успевая миловаться друг с другом.

— Пора кончать с ним! — будто подсказал Остапу Моисеевичу художник.

— Бронь! — оранул, оскалившись, Магистр.

— Бронь! — завопили все астральщики. — Бронь ему! Бронь!

Я рванулся в стену и беспрепятственно — выскочил на улицу и подумал на лету: "Бронь не сработала…"

". Я летел свободно, за мною никто не гнался…

И вот я оказался уже дома, у себя в комнатке, завис над диваном и помыслил. "Да…

И сегодня мне не удалось задуманное: рассекретить этих негодяев!.. Ну, да ладно, Остап Моисеевич, — еще встретимся!.." После этих размышлений я подплыл к своему земному телу и начал привычно возвращаться в него, но не тут-то было! К моему удивлению и ужасу, я не мог этого сделать!.. "Что за чертовщина?!" — возмутился я и попробовал еще раз вернуться в свое земное тело, но и на этот раз у меня ничего не вышло!.. Потом я попробовал еще и еще, но все мои попытки вернуться обратно в земное тело оказались тщетными…

Я стал волноваться: я метался туда и сюда над своим лежащим неподвижно земным телом…

И уже наступило утро, а я так и не вошел, так и не проснулся на диване…

Призрак

Шли томительные дни…

На улице теперь с самого утра просыпалась ливневая, обильная жара, засыпала лишь в сумерки…

Врачи поставили диагноз — летаргия…

Моя мама не ездила больше в творческие командировки, после своих лекций в университете спешила скорее домой. Под ее глазами теперь появились отеки, но мама оставалась гордой пред горем, уверенной в близкой благополучности. Она ухаживала за моим земным телом и, бывало, часами просиживала возле моего изголовья, и ей даже и невдомек было, что я в это время — все вижу. Чувствую и медленно оплываю свою комнатку, пробую дотрагиваться до вещей, прежде доступных мне, а иногда обнимаю маму, пытаюсь ее успокоить, и от этого она, случалось, вздрагивала всем телом, будто приходя в себя от дремы…

Конечно же я мог продолжать жить, и неплохо, в астральном мире, и меня, часто, так и манило — вырваться из комнатки и «надышаться» астральным всевозможьем!.. Но я ожидал чуда. Я надеялся: а вдруг как удастся мне возвратиться в свое земное тело, и потому, каждый день, и по нескольку раз, — я пытался это сделать…

…Иногда приходили врачи, а иногда товарищи, родственники, знакомые…

Навещала Аня… Но каждый день прибегала Вика и заботилась обо мне: она целовала меня в губы, а я не мог

ощущать этих поцелуев, слов, ведь целовали не меня, а тот манекен, спящий слепок моей души на диване…

Однажды навестил меня и Паша Мечетов, мой друг, прозаик и поэт.

— Я же говорил, — сказал он вслух, обращаясь к моему земному телу, когда моя мама вышла на кухню приготовить для Паши чашку чая. — Не стремись к Богу, Сергей!.. Как-то приехал и Юра Божив, друг и поэт из Москвы: он часто приходил ко мне, остановился пожить у Вики. Медленно шло время…

В один из глубоких вечеров в дверь нашей квартиры кто-то постучался, потом продолжительно просигналил звонок. Мама уже спала…

Сонная, она вышла в халате в прихожую и включила свет. Я тоже выплыл в прихожую. Но я не протиснулся сквозь стену, чтобы посмотреть первому на таинственного гостя, стоящего там, на лестничной клетке: хотелось встретить его по-земному, вместе с мамой. Мама открыла дверь…

"Господи!.. — воскликнули все мои чувства. — Господи!..

" И я заметался по прихожей в надежде: объяснить, вмешаться или еще что-нибудь!.. На пороге стояла Наташа!.. Живая, а на руках у нее был ребенок, запеленутый в легкое одеяльце!..

— Вам кого? — спросила удивленно мама у возникшей пред нею девушки.

— Я Наташа… — сказала девушка. — А это, — и она бережно откинула треугольник одеяльца, и лицо младенца обнажилось. — А это Сережина дочь, Сабина…

— А… Вы… — медленно выговорила мама.

Я замер в ожидании ответа и смотрел на Наташу тревожно.

— Жена… — тихо сказал Наташа.

Конец первого романа.